

АРТ ААД

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. Бутырева. Возвращаясь к Ижме</i>	3
ПРОЗА. ПОЭЗИЯ	
<i>В. Попов. «Мый нин вылыс, изватас, кыдз нин олан-вылан?..» Кывбуръяс</i>	6
<i>E. Рочев. Тундраса кутш. Висът</i>	12
<i>Д. Холопова. Изъва съылысь да сълён гижыс ёртъясыс</i>	23
<i>T. Кирпиченко. «Съёлёмшёрнум миян, чужан кынум!..» Кывбуръяс</i>	31
<i>L. Вторина. «Съёлэм вылын сэтшем югыд мыляке...». Дженыыд висътьяс да кывбуръяс</i>	33
ИЖМА. ИЗЬВА	
<i>A. Артееев. Ижма и ижемцы</i>	38
<i>A. Панюков. На земле Ижемской</i>	56
<i>И. Кустышев. Записки оленевода</i>	62
<i>B. Лимерова. Певец Севера Михаил Фёдорович Истомин ...</i>	78
<i>M. Истомин. Об этимологических формах ижемско-зырянского языка с присовокуплением сборника зырянских слов</i>	90
<i>A. Ануфриева. Тандзе Марья</i>	100
<i>И. Ильина. Ижемская целительская традиция и Тандзе Марья</i>	108
<i>A. Микушев. Научный отчёт о Канино-Тиманской фольклорной экспедиции (май-июнь 1972)</i>	119
<i>A. Панюков. Ижмо-колвинская фольклорная традиция: в поисках истоков</i>	133
<i>Из народных песен изватас</i>	143
<i>H. Рочев. «На этой земле мы жили и будем жить...». Интервью с A. Артееевым</i>	149
АРТ-ФАКТ	
<i>H. Плаксина. Художники об Ижме</i>	155
<i>A. Софонова. «Театртёг овны ме ог вермы...» Интервью с Е. Афанасьевой</i>	177
ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ	
<i>Подарок к юбилею (о днях культуры муниципальных образований Республики Коми)</i>	182
<i>Душевный слух (о книге А. Суворова «Сокровенная душа»)</i>	191
Приложение к журналу: «Коми пословицы и поговорки»	

Сыктывкар
2012

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республиканской литературно-публицистической,
историко-культурологической, художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайтыр»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 14.02.12. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 878. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с диском заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс **78503**

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована картина В. Г. Залитко «Сизябск после дождя». 1974. К., масло. Национальная галерея Республики Коми.

В оформлении заставок использованы работы Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикую материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йöзöдтöм гижöдтьяс редакция оз рецензiruit и авторъяслы найöс оз мöдöд. Редакция оз век во öти кывйö авторъяскöд.

Галина Бутырева

Галина Васильевна Бутырева, главный редактор журнала «Арт».

Возвращаясь к Ижме: предисловие главного редактора

У нас уже были опыты подготовки специальных номеров, посвящённых истории этнографии, литературе и искусству отдельных районов нашей республики, как Усть-Цильма, Прилузье, Удора...

Вот теперь – Ижма, её самобытность – основная тема этого номера...

В моей журналистской биографии Ижма занимает едва ли не самое значительное место и по количеству командировок и по количеству материалов, подготовленных там много с моими коллегами ещё по Сыктывкарской студии телевидения. Наверное, достаточно сказать о телевизионных очерках об олимпийских чемпионах Раисе Сметаниной и Василии Рочеве... А ведь были и другие незабываемые встречи. Например, с директором Бакуринской школы Александром Петровичем Филипповым и его семьёй. Или с оленеводами из Сизябска...

Было это в июне 1978 года. Вместе с главным зоотехником совхоза «Ижемский» С. Г. Терентьевым мы совершили облёт на вертолёте оленеводческих бригад в Большеземельской тундре...

Мы – это оператор Георгий Лисецкий, режиссёр Сергей Лыткин, герой нашего будущего очерка, народный поэт Серафим Попов и я, тогда – редактор Сыктывкарской телестудии.

С тех пор прошло столько лет, а я до сих пор с восхищением вспоминаю почти все подробности этой нашей киноэкспедиции.

Впервые на вертолёте, впервые в тундре, впервые в чуме... Столько всего происходило впервые, что просто голова шла кругом! Это у меня, уже немало повидавшей в своей журналистской практике, а что же испытывала наша совсем юная спутница, выпускница Сыктывкарского медучилища, получившая направление на работу... в тундру?! Нина... Кажется, её звали Нина? А вот фамилию я забыла. Помню только, что родом она была из Корткеросского района...

Мы довольно долго искали нужный нам чум, – сверху они все одинаковые, попробуй определи, какой наш? Но вот мы уже приземляемся. У того самого

чума, в котором обитала бригада Павла Васильевича Рочева. Их было около семи человек, кажется. Супруги Чупровы, супруги Рочевы и ещё двое молодых оленеводов, Александр Терентьев и Анатолий Чупров...

Как кинокадры, перед глазами мелькают картины из прошлого: вот мы в чуме, за ужином, радушные хозяева потчуют горячей олениной, — уже стыдно, а рука опять тянется к миске, — так вкусно!

Вот мы, наговорившись, укладываемся спать, — завтра съёмки... Подо мной шкура лося, кажется, и пуховая постель хозяина, — он в ночном, у стада... Сверху тоже накидали чего-то тёплого и мягкого...

Вот мы назавтра уже что-то снимаем: как мужчины загоняют оленей в кораль, женщины собирают кунды-мунды в коробки, мешки, сундучки... Скоро снова в путь: три дня на стоянке, переход на новую и так до самого Карского моря, — тысяча с лишним километров от дома...

Вот Серафим Алексеевич читает молодёжи стихи (и наша Нина среди них). Вот женщины уже взялись разбирать чум, ещё немного времени и аргиш будет готов выйти в путь...

А вот мы уже вместе с оленеводами едем по тундре, иногда оглядываясь на горизонт, откуда ждём вертолёт...

Аргиш переходит раздувшуюся речку, — уже июнь, а лёд ещё крепкий, хотя и под водой... Страшновато...

А вот мы уже садимся в вертолёт, а наши новые друзья долго ещё машут нам вслед... И среди них наша Нина, юная медсестра, отныне ещё одна чумработница в бригаде оленеводов из Сизябска...

Один день и одна ночь в тундре, а на всю оставшуюся жизнь в душе — какой-то свет и тепло, которым так щедро одарили нас «оленные» люди...

Спасибо вам, дорогие! Как сложилась ваша судьба? Увы, не знаю. Ни разу, ни с кем больше не пришлось встретиться. Кроме Нины...

Стою как-то в старом Сыктывкарском аэропорту и вижу в зале очень знакомое лицо... Молодая женщина и двое ребятишек рядом в малицах... Наверное, ижемцы, думаю. И тут мы встречаемся взглядами и узнаём друг друга.

Это была наша Нина!.. Она стала женой одного из тех молодых оленеводов из бригады Рочева и теперь едет в Корткерос, к родным... Просто сюжет для небольшого рассказа! Интересно, где и как поживают они теперь? Хотелось бы, чтобы всё у них было нормально... Чтобы всё было нормально у всех ижемцев!

Став бурсё! Мадаяс...

Проза. Поэзия

Владимир Попов

Попов Владимир Александрович (1934–1995) чужис Кому АССР-са Йыъва сиктын. Школа помалём бёрын уджалис «Стахановец» газет редакцияны, Кому республикаса радио-комитетын. 1960-өд воян помалис А. М. Горький нима литературной институт. Дыр кад чёж уджалис Кому книжной издаельствоын, воли «Войвыв кодзув» журналса главной редакторён.

1969-өд воян пырис СССР-са гижись котырё. Уна бур гижёд колис коми йёзлы поэт: «Сылсны бабаяс, сылсны», «Педёр Кирон», «Мамёлён югыдыс» поэмаяс, олём дорё, тёдса йёз дорё муслунён тыр кывбуръяс, челядьлы гижёдъяс. Комиöдис Пушкинлыс, Лермонтовлыс да уна мукёд авторлыс кывбуръяс.

Владимир Поповлы сетёма «Культураын нимёдана уджалысь» почёт ним.

«Мый нин выльыс, изъватас, кыдз нин олан-вылан?..»

Мый нин выльыс?

Асывводз кёть рытын сёр,
Яр кёть чусыд ывла,
Дыр мысът ёртой пырас кор,
Татшомтор ме кывла:

«Мый нин выльыс, изъватас?
Кутшома нин олан?»
Сэк, кор юалысыс ас,
Дёзмынысö пола.

Эсько-й юаломыс важ,
Водзвыв тёда сийös,
Но эз вош мед ёртлон гаж,
Воча мычча киös.

Оз од ёртой ворс ни дур,
Эз од лёкён лок ни.
Сэтшом меным сэки бур,
Сэтшом лолё кокни.

Бара эска, эска дыр,
Мый дзик быдтор вена.
Сэсся бара дыр оз быр
Кыпымлуной менам.

Кыдз бур ёртасъомлыс пас
Мед и водзё кыла:
«Мый нин вылыш, изьватас?
Кыдз нин олан-вылан?»

* * *

Зэв ёд туйыс Печоралён кузь –
Йиа саридзёдз ную сёдз войтъяссö.
Садымом парма и войнас оз узь,
Сэтшом югыдось тан тувсов войясыс.

Отыс юыслён – вот тайо от!
Йёв кодь русё мед кыыс вётлас-а,
Сэки кажитчас, быттьё вот-вот
Модлапёв лоас вортаскёд ётласа.

Арёдз удж шыыс тані оз оп,
Ён буксиръяслы арёдз тан горавны.
Ную ас вылас сымындатор –
Мортлы отсасьё миян Печораным.

Коркё тёдліс бур ёзыслыс дой,
Сэкся шоглунсö кылодліс кытчёкё.
Оні шлывгё со, кыпыд да збой,
Ёзлышс тёждлунсö юкё тшотш быттьёкё.

Мамё

Чужан керкакёд янсёдчи кор,
Пёся куимыссь окышті мамёс.
Ньюжёй ылыштис крут берег дор.
Мамё горёдіс:
– Сэн, чемоданас...

Мый нё сэн – пыр и эг гёгёрво,
Сёмын дыр на руд кепкаён ёвчи.
Кор нин ю весьтö пуксис сэзь вой,
Вылыш палуба вылышс ме лэччи.

Кывтім ылодз нин. Сөмын тай мам
Быттьё бара на кыр йылёр петіс.
Восъті волисти ме чемодан:
Часлы, видзодла, мый жо эм сэтён?

Кыски ичотик юрлос месесь,
Кельыдлоз рёма кышодыс сылон.
Быттьё енәжё мича веж лыс
Вышивайтёма мамой сы вылёр.

Сылон киыслы удж сюрө пыр.
Кор нин та вылёр кад бара сюрис?
Сесся, мам йылышы думайтігтыр,
Пукті юрлосой вылёр ме юроб.

Вошиш кытчоқ төдліттөг мудз.
Быттьё мамо сәк малыштіс менё.
Быттьё шопнитіс: «Узь, пиук, узь.
Уна туй на ёд виччысы ѿ тэнё».

Ме ордын Пушкин

Быттьё киася сыкод, кор босьта
Сылысь, дона поэтнымлысь, том.
Ыджаид съёлёмсо мес водзын восьтö.
Лыддя, лыддя... Кён радлунлы пом?
Донсо гижодлы кутшомос сетны?
Стёча висставны некыид ог куж.
Да и коло-ё? Пёсь кыв поэтлён
Вочо тырвыйо колана удж:
Лыддя шог йылышы – зев шог и меным,
Лыддя мич йылышы – шоналёр лов.
Менё быттьёко кутлёр сізд гений,
Таысь ыджаиджык радлун оз ков.
Ӧшинь сайын оз омляв нин бушков,
Гыён ыльбйтіс шондіа лун.
Пушкин! Ме ордын гоститтө Пушкин!
Сийёс лыддя – и сийё оз мун.
Ой, да кымынсы кольлам на кыкён,
Ыджаидторъяснас юксыны мед.
Ме ог янсав великойкод сыкод,
Кытчодз смертьыслы сывиё ог шед.

Чуксасьёны вояс

Чайтан, мунём воясыс оз волыны?
Чайтан, найё ланьтісны нин помодз?
Но ёд найё съёлёмъясын олёны,
Сы вёсна и томёсь найё, томёсь.

Тувсов югёр – кузяла и пасьтала.
Дзик выль тулыс войывыв муёд мунё.
Сы вёсна и кольёмсö ми казтылам,
Мый и сэні яръюгыдыс уна.

Кутшом мог ми – ыджыдёс ли ичётös –
Воясыслы индам, сідзи-й петлö.
Мортлон вёчлёмторыйыс найёс мичёдö,
Мортлон бурыйыс налысь донсö лэптö.

Вояс, найё арлыднымёс содтёны
Ассыныс моз – кыпыйдёсь да збойёсь.
Асшёр гажён, асшёр дойён – котырён
Мортлы паныд лэбовтёны вояс.

Лэбовтёны – видлы чинты ёднысö!
Кадыс аслас тшупподъясті кайё.
Чуксасьёны вояс ёта-мёдныскöд,
Пальёдёны вежорнымёс найё.

* * *

Тэныд воча нуис менё туйыс,
Нуис менё кодзув дінё моз,
Тэкёд менё вочаёдіс тулыс,
Бёрсö оз нин янсöд сійё, оз.

Быттьё менё лэптин вылё-вылё,
Нюмъевтін, сёд синмай, тэ кор.
Ковтёмторыйыс съёлём вылысь сылё,
Радейтнытö некор абу сёр.

Вёр-ва шыыс пырис менам лолё –
Лёксö вётлысь медся сёстом шы.
Мед нё миян пытшкёсаным олó
Тулыслён да радейтёмлён гы.

Тәрыйб бордъя вояс ләбовтόны,
И дзик быдён кольё ассыс пас,
Налы паныд орчён мунам оні:
Мен тә ас, и ме тән лои ас.

Чышъян помтö кисыд нетшкö тóлыс,
Сомын сiёй кыдзи кöть оз дур, –
Аддза тэнö. Кыла тэнсыд гólос.
Мен и тэныд – кыкнаннымлы бур.

Восьса синмён аскисыс не повны,
Восьса сьёлёмысь оз кусав би.
Кыдз нö ота-мёттöг вермим овны,
Талунöдз эг вочаасьлой ми?

Кокни-ö?

Кокни жё нин вермасьтöгыд овны:
Шуан «да» – кор колё шуны «ог».
Весиг аслад сөвестьысь не повны, –
Шуан «да» – и ньоти абу шог.

Но тә морт. И век он вермы тадзи,
Садьман, кыдзи тёла дырий рас.
Зумыштchan. И казялан, мый ачыд,
Ачыд аслыд тадзтö абу ас.

Кöть и чукуртчыштлас чужёмбаныд,
Зато ловсыд кылан сөстöм шы.
Колё-й кужны гылы мунны паныд,
Кöть и тэнö повзьöдlö сьёд гы.

Мамёлён юғыдыс*

Печора мёдлапёлын, Симон керкаын,
Ми Василь дядькод коллим арся вой.
Сись сотчис-ляпкалiс, жар көрт пач жургис-ломтысис,
Дыр триньгис чайник – пузьома да, збой.
Сэн быдтор ас ног ышёдiс да кыпöдiс.
И весиг сэтчöдз вöтыд долыд зэв!
Ме садьми. Петi ывлабö. И чужёмам

* Пoэma-мoнoлoг. 8-öд кывbur.

Мем гусьён моз сэк асьсö резис зэр.
Но эстöн сиктыс югзис öшинь-синъясон,
Быд би-чут аснаас пыкис пемыид эрд.
Сэн – быттьё ловъяс налён, кодъяс бырлисны,
И видзöдласныс ловъяслён, дерт.
И татчöс дзузган-сись оз наысь отдорчы,
Кöть и костаным видз, и ю, и дi...
Здук кежлö чайтсис мем, мый мамö ловъя на,
Мый сылён на тшötш сиктас öзийö би.
А енколаас кымын би-чут öнисö,
То гырысьось, то посниось, кыдз бус?..
Мем локтö дона мамöсянъ на югыдыс
Да, кытчöдз ола, пытшкёсам оз кус.

Мед лэбёны...

Кад, сiдзкё, лэбёны!
Туйыс восьса, восьса!
И дзодзöгъяс – кöть ывла вылыс нор –
И лун тёвлы, и кымöрыслы воча
Кузь туйё мёддöчисны рытладор.

Мед лэбёны! Печора шуньё водзö
Да вуджörнысö катлöдlö со тшötш.
А кымын вуджлëс сыллись отсо дзодзöг
И этатчö, и татчö! Абу тшöt.

Мед лэбёны! Но содё менам эскём,
Мый чужан вёр-ва оз вун налён, оз.
Ёсь горзёмсыныс сьёлёмойлы дзескыд –
И öвта налы ёртъясöйлы моз.

Мед лэбёны! И нинём мед оз дугöд,
И некод мед оз торк ни лёкёс кер.
Öд бордъяс ийылын – татчö шондi югёр,
Öд бордъяс улын – татчö мулён сер.

Мед лэбёны! Öд радейтёмсö пестö
И янсöдчём, кор мичöдö жё нэм.
Россия весьтöд, менам Кыдзкар весьтöд
Со лэбёны. А мыйла кокни мем?

Егор Рочев

Рочев Егор Васильевич чужис 1937 воын Большеземельской тундрыын кёр видзысь семьяын. Помавліс М. Горький нима литературной институт. Уджавліс радиоын да телевидениесиң корреспондентён, дыр кад чөж «Войвыв кодзув» журналын литературной редакторён, а сэсся и главной редакторён.

1977 восянь Россияса гижысь котырын. Петавлісны книгаасыс комиён и рочён. А Митрук йылысь челядьлы гижёдыс нёшта на и украина, эст, удмурт, молдаван кывжас вылын.

Тундраса кутш*

Висьм

1.

Югыд шор вуджём бёрын, кор нёль доддя аргышыс зэлвартчис ныывкёс кыр паныд, Проньо Саватейлон тулысыбыд нин висьмасын синмыс потіс, пось ваён вийыштіс кёдзыд ки пыдёс вылас. Пёрысь кёр видзысь лоёмторсö пыр жё гёгёрвоис, весиг клопнитомсö ясыда кылс, гыпнитіс од вежёрас пищальысь моз, быдсон чардыштіс. Саватей лёкысь матькобтіс да зым сувтёдіс дадювсö. Шульга синсö воштыліс нин томдырийыс, Ыджыд война вылас на.

Тайё пёрий стариk эз чеччы дадь вылысь, эз вувзыы чорыд керч выло кузь харейсö, а доймём кутш моз век увлань лэдзис дзормём юрсö. Тадзикён шёйёвошомён сійё бур здук пукаліс кёр волльён веңттөм дадь вылас, быттьё виччысис вылысь чардыштöм, но гёгёрвоис нин: некутшом юғёр, ни рöм, ни вуджёр некор не казавны сэсся сылы. Мыйлакö малыштіс овтöм шульга син пöвсö, коді вöлі мича «енәж кодь лöз» стеклöысь. Татшомён томдырийыс вöвлі и веськыд синмыс, коді кусіс оні. Эз, буракö, прёстасыс сылы сёлём вылас волы Эжва вылысь тундрай вайом сыланкыв: «Енәж кодь лöз синъяса, збой да мича, ён...» Пельклуныс да статьлуныс стариköс эз на эновт, но синтöгыд нö мый оні сыныс! Абу весьшорö сиктса врачныс шуöма... Чуйдліс од мортис больничай водны, бурдöдчыны лючки. Отчыд и пескыльтліс синлапъяссö, а казялёма ылліті на гёргалысь висьомсö. Саватей эз эскыылы, мый кутшомкö висьом вермас бертны сійёс. Ас ногыс жалитліс висьысьясöс, лыддышыліс найёс Енмён кедзовтöмаясöн. И со Енмыс эновтіс сійёс, вой лэбач моз жбыркнитіс, колис Саватейос пемыд гүй.

* Вöлі йöзöдлöма 2007 вося «Войвыв кодзув» журналын, 5-од №-ын.

Старик мыйкő и скöраліс сиктса врач вылő: мыйла сійő эз сямы ас кадő бертны Саватейлысь асныраломсö, эз сямы дозьоритны сылысь синсо.

Кöр видзысылён руалыштіс первойя здукö шойёвашомыс. Дугдіс висьны и юрыс, ясаліс вежёрыс. И гёгрöдліс полысь мёвп: тайё юр висьомыс кытчоқö тюрөдіс, а синмыс кежис бокланьö, сетіс мунысылы туй. Скöра клопкёмён муніс, сіздикон, бöр оз бергöдчы лёк юр висьомыс. Дерт, сиктса врачиd нином нин оз вермы вöчны, но эмось öд, könkö, специалистъяс Москвасын либо Ленинградын, корсасны на сылысь синсо. Но коді Саватейöс нүодас сэтчö?

Кодыр Саватей радио пыр кывліс «енэж кодь лöз синъяса...» сыланкывсö, мыйлакö тöд вылас век кутіс гёгрöс стеклöйс вöчом синсо, кодлы некутшома эз мёрчы кадыс, век томлён кодь – мудз ни шог оз петкöдчыв сылы. А веськыдыс, кык пыдди уджалысыс, тшöкыда вöвлі мырдгöрд либо кунва кодь гудырён. Сійён Саватей рöмпöштан водзын эз нимкодясьлы, лун югыдсö кö петкöдлö, и ладнö. Корсюрö сюсі том йöзыс казавлісны торъялomсö, веськыд синмыд по тай висьо, шульгаид лючки-а... Сәки Саватей гораа сероктыліс: кыдзи нö по пöрысь синмыс томыскöд вермас откодьён лоны. «Мыйла нö тэнад, дядьö, öти син пöлыд ёнджыка пöрысмө?» – юасьо шай-паймуном том морт. «Сійö, племеш, миян рöдис сэтшом!» – ешö на гораджыка гёрөктö Саватей. Сідз, сöмын мич вылô оліс шульга син пöлыс, эз уджав. Ковтöм ворсантор, и ставыс.

Саватей важён нин пенсия вылын. Сылы сизимдас сайö кымын, ачыс стöча оз и тöд, нимлуныс век веськавліс тундраын, и пöшти некор эз пасйывлы не-кутшом юбилей. Пенсия книжка вылас эськön стöча гижома, но сійö сиктын, старукаыс ордын. Бара жö уна во нин эз веськавлы син улас. Старукаыс, буракö, сылысь книжкасö ассысöн нин и лыддьö, юалас кö, лёкысь вочавидзас, мый по тэн сысыс, воштан ешö, а выльыс оз сетны. И вунöдіс старик, тöв и гожём шойтö тундратi. Тöвнас кынъ кыйö, гожёмнас чери. «Рыбкооп» прöмыссыс бур дон мынтö. Гёгрöбок тырмö, аслыс и челядьыслы лишалö вичмöдны. Кöть челядьыс ас нянь-сов вылынöс, но нажöвитетис батьсö оз вунöдны, ы-ылiseянъ волöны гоститнысö. Оні со кык лун сайын петiс аслас Харей-Бöр сиктыс, веськöдчис гожёмсö чериа тыяс вылын коллявны. Сэтчö рыныш кодь керкатор тшупома: тöвнас нуис пес, тыртöм бöчкаяс, сов, куломъяс. Сёян-юаныс сьёрссыс, кöр додьяс вылын... Кыйсöм пыддиыс оні танi öмой арсö виччысыны? Арнас, кор колхозной стадаяс бöр кутасны косны вörъясö, вермасны аддзыны Саватейöс. Вермасны и бокитi мунны, абу öд мир туй вылын. Арнас, дерт, тшапкысясны, да сёр нин, гашкö, ло... Быд ногыс тундраад овліс Саватей, но синтöгыд олёмсö эз на видлы.

Кыдзи и мукöд тулысъясö, Саватейлон синмыс тшöкыда бытшкыштавліс. Чайтiс, шондi югыдсыс, чеччыштö тай öзийс лым чиръяссяныс синмад. Виччысис эськö тундра эрдъяслыс муговмёмсö да вöлисти туюс ыштiс. Мылькъяс со онi күшöс, сöмын гöпъясын рудмöм лымайыс и куйлö, но Саватейлы не шойч-чöдны нин мудзом синсо ловзян кадыслён небыд рöмъясöн...

Старик лэдзис малича юрсö да мöдіс кывзысыны. Шы ни тöв. Дыр кывзысис... Поляліс небыдик лун тöв, эз нин чепльöдлы пельсö тöлын моз, а малыштавліс чужёмсö гёна кепыссыён моз.

Ылiseянъ на кыліс лэбыссе юсъяслыс шыгаломсö. «Асыныс, könkö, оз на и тыдавны-а...» – артыштіс старик. Кыпыда олёны тайё мича лэбачьысыс, сылгі-

тыр локтёны тундрао, а арнас нораа лыйкйöдлёмён прёщайтчоны вирныслы лёсяланы мусыскöд.

«Ку-ур-лы-ы, ку-ур-лы-ы», – дэзик юр весьтас нин швачöдисны вына бордъяса ловъяс.

«Чеччи, порысь, чеччи...» – ас ногыс гёгöрвоис юсьяслыс шыясъёмсö Саватей. И сийö здукас мыйкö поськодь визувтис бан бокöдис. Тэрыба инмöдчылис килутшинас син дорас да казялис сэтыс сёмын восьса ранасö.

Дадь вылас стариk вörzывтöг пукалис нин некымын час чёж. Дадювса кörъясыс йöжгылясисны, ийрсыны вöзйисисны. Саватей падъялис, кайны-ö мыльк вылас либö овмöдчыны шор горулас. Дерт, мыльк вылас кö каяс, ылöджык кутас тыдавны, но сэки ылын лоö шорыс, кызды ватёгыс олан. Но мыйкö колис вöчны. Первой кималасöн крепыда домис дадювсö. Мыйлакö лыддис на аслыс коланаöн сийöс. Сэсся додьсыс перийис состом ки чышкод да майтöг, боръя доддяс кörталис гез да си кузя лэччис шор дорö. Тувсовъя зыкён нимёдчис Югыд шор. Эз нюрсянь сийö пет, а котóртис изъя мусюр вывсянь, та вöсна сийö зэв сёдз ваа да Югыд ним и новлö. Батьыс на Саватейлон такöдлис ас кадö, любой пиö поö, тувсовъя вавыс сиа «ловъя ва», сийöн майдъясад и ловзьöдлисны куломаястö. Тицайс нё по мыйла эськö миянö водз локтö... Чайтан, пётёса сёян корсöй? Оз. Мый сийö лым увсыс кокыштас? Сийö лым васö видлыны кыссöй. Лым ванас пёткодчас да сёмын си борын мусукасян дзуллыйс воссöй. Торъя ошкылис батьыс Югыд шорлыс васö.

Саватейлон батьыс олис сё во. Кувлì кольём война дырыйыс, кор Саватей тышкасис фронт вылын. Онi Саватей кутшöмкö ногён на и аттьёалис ассыыс шудтöм рёксо, мый эз кутшöмкö симём нюр вылö сибды, а Югыд шор бокö, батьыслон радайтана местао воис.

Пöрысь морт зыртис сарёгöс кисö дука майтöгён, сёмын си борын мыськис чужёмсö да ропмунöм син гурансö, сэсся соддзас гумовтöмён юис ыркыдсö, веськодис горшсö. Ок и кöдзыд вавы! Пиньтö юзёдö, но и сёйлём дортö мыськовтö.

Пукис сэсся кос вутш юр вылö да бара мёдис кывзысыны. Кёнкö герчкисны уткаяс. Кок улас шыалис мудзлыштöм шорыс. Кутис кажитчыны старикли – дïнтïис оз шор визувт, а тюрö кыз синва. Тайö изъя мусюрыс бордö. Дыр-дыр виччысис тулыссö, и со медборын шымыртис сийöш шоныд сывъяыс. И бордзис радысла кын мусюрыс, шорён мёдёдчис шуда синваыс. Си вöсна и сэтшöм сёдз сийö, си вöсна и юсьясыс си весьтти лэбигён сылённы. И сэтшöм забеднö лои Саватейлы, шорыс моз жö ыджыд гёллöсön ымзыны мёдис, дзёрис вутш юр кодь дзор юрыс, мек моз лыблis ён морöсис. А бан бокъясыс вöллïны коссöй... Шуда синваа тулысыс си дорö оз лок.

Старик тшöк ланьтис. Пукалыштис здук зумыш поводя моз да кёсийис нин кайны додь дорас, но кватитчис да, киас гез помыс абу. Повзис Саватей, телёыс черилён кодь нильёг посьён вевттысис. Эз-ö бокö шыбит? Но и выжыв! Вутш юр дорас вешийгён, буракö, чöйтис киссыс. Кынём вылас водис да гёгöр кималасалис. Эз сюр! Сёмын кос росъясö парсалис кисö. Дадюлыслы да нёль доддьыслы (ичётик аргышыс) метр кызь сайын кымын колö лоны. Но сэтчöдз синтöгыд öдвакö воёдчан, кёть ас кадö тысяча верста тундраас эз вошлывлы.

Старик нёйжийник малалис быд ростор, турун сi. И эз ло весьшшöрö. Со сылён олан гезийыс, киас нин! Гез помсö босытис сэсся вомас, крепыд клещиён моз пинь-

яснас топодіс капрон гезсө. Оз, оз мын! И мөдіс корсыны көтү күтшомкө рос. Веськаліс керч чукёрө. Нетшкыны заводитліс, но нюзд, оз шед. Ва дінад найо крепыдджык вужъяйс... Көртасис сэтчө. Личаліс ки-коқыс Саватейлон, кокниа лолыштіс, ёти удж лои вёчома: сійё оні дыр кежё домасис тайо юғыд шорыскөд. Гез кузяйс лючки воис дадь дорас да гатшон нюжодчис көр воль вылө. Шондіыс асывнас, татчө воигён, волі паныда, оні веськыд бан боксө шонтө. Сідзкөн, лун шёр нин.

Быттың нином ээ вёч, а ки-коқыс и вежёрыс мудзома. Но мед. Шойччынысö оні сылы уна кад вичмас... Көръяс куйлоны жо. Мый сэссе вёчасны, козяинныс кө оз көсіы найос ләдзазвны ни дом йылын оз йирсьөд. И куйлыны кутасны, кытчөдз дзикодз оз дөзмыны. Сэссе воля вылө нетшкысыны мөдасны, ниномла налы Саватей кодь көзяиныд. Да од и Саватейлы найо лишнёйс. Сёян-юан сылён додьясын тырмымён. Мый сылы көръяссыс.

Нэмсө Саватей көръяс вёсна вийисис, медым унджык найос рёдмёдны. А оні и оз ковны!.. Ымбестіс старик да бергёдчис веськыд бок вылас. Думнас кунис синъяссө. Первой кажитчис, быттың веськаліс небыд гыяс вылө. Сэссе көр дадюлён мөдіс веськёдлыны. Зәв шыльыда исковтёны дадь сювъяс, и көръяс послукөс. Сэссе воштіс дадювсө, чомио веськаліс. Гёгөр ас йоз и зәв радөс. Батыыс и мамыс меліалоны, Дзоля Савукон ыдждөдлөны. Чой-вокыс, поснияс и гырысьяс, гёгөрыс жуёны.

2.

Савколы (сідзи Саватейос шуисны челядьдырийиыс гырысьдажык чой-вокыс) тулыснас тырис сизим ар. Мамыс перийис доддысы кулак кодь сакар тор, а батыы жугодіс посни торпыригёдз да пыыслы ныр улас пуктіс сизим ичотик тор: эн пё, пио, вунёд нимлунтө да арлыктө. И быд во по татшом юмоғторыыс кутас содны тәныд тайо лунас.

– А гожёмнас Амдернао ләччөдла. Сәні татшом сёянсө и вузалоны,— медбо-рын шуис батыыс.

– Охо! Он вунёд? Эн вунёд, айкө! – радлыштіс Савко да ёти тор сюйис вомас, а мукодсө тәчис ичотик зептас да зеп вомсө тупкис кинас, поліс воштыны татшом озырлунсө.

– Джынсө меным сетан,— шопнитіс пеляс Мөсей, ыджаиджык вокыс.— Чомысь петтөдз кө ставсө сёян, тотшка.

Савко төдө: дерт, Мөсей сійос оз тотшки, Савко абу яй вылө көр, но сылідзиръяс вокыс зуродас. Савко петө ывлабо, коні сійос виччысө нин Мөсей, но зептас сәк кежлө кольёма ёти сакар тор.

– Но, көин мыльёс,— гудайыштіс вокыслыс зепсө Мөсей да дышпрыс зурғис сылідзиръяс.— Вунодін али мый? Шулі од, велода на мөдесіс тэнө дорын узълыны!

Нимкодь Савколы, ризъялә додьяс костод. Медся дыр сулалә батыыс дадь дорын. Сылён дадь бокас, съод кучикис вёчом олас пытшкын, пищаль. Таво уськёдліс нин батыыс тундрао локтысы дзодзогъясо. Пищальнас вөдитчылә и Мөсей. Шуам, аддзас ты вылыс утка кельёб и дзайгө батыыслыс ёти патрон,

быть пё кыкёс уськода, орчён пё уялёны да. И быть ваяс кык утка либо патронсо бёр сдайтас: прёста кё ляяс, мёдысь батыыс оз сет. Патронъяссö дзебёма додь пытшкё колуйяс костё, сёмын отнас батыыс тёдё. Шензбю Савко, кыдзи пищальыс биён сьёлыштö и гым лэдзб. Аслыс кё эськён Мёсей моз кёть отчыд лыйны утка либо байдёг. Но байдёг вылёт зарад оз видзны, сийос лэчкён кутёны.

— Савко,— шыасьо Мёсей вокыс,— аддзан эсийё мыльксö?

— Аддза.

— Войёдлан кё сэтчёдз бёрё-водзё, пищальсö киад кутлыны сетла.

— Зэй ылын да.

— Сакарсö мыита сёйин, выныд ёмёй та бёрын оз тырмы?

Савко котортё чарём кузя, кытсюрё воялё кокыс, лымайыс сылёма нин да.

Детинка кытшлалыштö, бёрёй кок увсö, та понда туйыс артмё нёшта на кузьджык. Сулик ва посялс мыльк дорёдзыс воигён, а бёр на колё котортны. Син водзас нин пемдалё, но сувтны оз позь весиг здук кежлё, медым ловсö вежны. Мёсей сюся видзбёд. Со медбрёя воськовъяс. Кутшём на ылын! Нёшта ёти воськов... и суниктö-усьо ыджыд вокыслы кок улё.

— Куимёдз лыддя,— ньёжёй шуё Мёсей.— Он кё сы костi чеччи, оз лыддьысы... Мёдысь войёдлан.

«Куимсö» шуигён Савко кызмырдён сувтö тিralысь кокъяс вылас: юрсиыс бród ва, вомсыыс кашкыс кёрлён моз еджыд быг петё. Мёсей перий олансыыс кузь ствала пищаль, на пё... Савко нюжёдö кисö, но кутны оз нин вермы, сёкыд пищальыс усьё муас.

— Кын ки,— вомалё Мёсей да бёр пунктö пищальсö аслас местаё.

Савколы сэтшём окота волi вёдитчыштны пищальнас, и забедноысла бёрддзё.

— Чом вылас кё кавшасян, сетла,— здук шойччёдём мысти выльыс шыасьо Мёсей.

— Зэй вильыд да,— лэнтö юрсö Савко.

— Эз кё вильыд вёв, эг и тшёкты.

— Ог веймы.

— Хорей помнас отсышта. Тшукёд бёжад да.

— Сідзён, видла.

Чомсö вевттёма сюмёдысь вурём кышёдён, ёдумён шуёны. Гёгёр сярёдё зэр, а чомйё оз веськав. И тёв оз пыр, сюмёдыс куим пёвста да нёшта и кёр сонён вурёма. Кёть и кавшасяс Савко чом вылас, оз на нинём сылы ло. Кокния и кавшасис, харей помнас маличайдыс Мёсей йёткис да. Тёкотё эз вевъяв кутчысыны чом юрёд чурвидзысь бедь помъясö, Мёсейлён харейыс мыйлакё мынис, и Савко гири-люки исковтис мүодз, гыжъяссö быдсон чегъяліс.

— Мыйла мынтöдін?— вензбю Савко.

— Ачыд кай.

Бара мёддичисны чом юрлань... Савко думайтö: «Онi пёрьяла Мёсейёс, тэрыба тшапка чурвидзысь бедь помсö». Со нин чом юрас воис Савко, а Мёсей век йёткё бёрсяныыс. Эз удит горёдны, чом юрёдыс — мокота пырыс — чом пытшкёуси, ыпъялышы бипур вылас шлапкысис.

— Ой! Мездой!— мый вынсыыс чаростис Савко... И садымис.

— Лешакыслён вётыс,— сьёвзис старик да пуксис дадь вылёт.

Да, збыль ёд тадзи и волі, уна дурлісны Мөсейкөд. Коньёр, важён нин кыз му улын: войналён ыджыд биын сотчис.

Саватей юнекызды стöча ээ вермы вежортны, збыль-ё вётасис али вуграліг-мозыс казтыліс челядьдырыссо. Да, мокота розъёдис збыльсыз сэки усыліс, но бипурыс кусома волі, сомын пось чайниксо кисытіс, маличаа да ээ сотчы-а. Мөсей покойник сэтшома йёткис харейнас... Мед лёния узьё конкё ылі мұын.

Вок вылас Саватей некутшом лёг оз кут, бур здукъясо Савколы весиг дурны сетлывліс пищальссо. Дерт, патронтөг жё-а... А сэтшом окота қытчоқө дізьгынылайны. Отчыд қыйодіс здук да Савко гусяліс батьыслыс патронтө. Дыр зептас кыскаліс, сізді стрёка ээ и сюр уткалы либо байдөглы лайны, а прёста зарадссо видзны ээ көсайы. Ошысис Мөсей вокыслы, со по добраыс.

– Бёр пукты местао, – повзис сійо. – Айко кө аддзылас.

И збыль, батыыс казяліс, оти патрон по оз тырмы.

– Код ордын? – стрёга юаліс вокъяслыс.

– Савко тай вёдитіс, – веськодьпрысш шуис Мөсей.

– Вай татчо!

Савко чёла мыччис.

– Оні маличато пёрччи да кымыньён вод дадь вылас.

– Мыля...

– Сізді меным кивывджык лачкыныссо, – батыыс пёрччис ыргён бляхаа паськыд тасмассо. Но Савко ээ пёрччи. Батыыс сэсся тшапкис шошабодыс да күтюос моз шлопкис дадь вылас, ләптіс детинкалыс маличасо да ләдзис гачссо. Көть кызды Савко ээ песлась да горзы, пескыльтчыны ээ вермы батыыс кабыр улысь, а сійо шлоподіс да шуаліс: – Эн велодчы, пио, гусясыны, гольён лоан, нэмтө коньёр түйин лоан.

Уськодчыліс жо эськө мамыс дорийны, да батыыс и сылы сөтыштіс. Савко тольсь чож ош моз тапикасис да дадь вылын куйліс сомын кымыньён, ээ вермы пукавны. А мамыс сэсся висыталіс, тундраын по овлома Гордей нима көр ви-дзысь... Ыдже көр стада лөсөйдлөма. Но казялёмайс тундраса олысъяс: кузь кия мортыс. Тундраад гусялөм көрсөздөндөс мыйнтыны коло дасос. Тадзи и сывны кутас Гордейлон стадаыс. А велаломывсыз мортызды некызды сувтны оз вермы, думнас көсій ассыс көрьеассо бергөдны, но мөдаро артмо: чинтө да күштө. Кымын унджык гусялө, сымын ыйдёджык чинё стадаыс. Медбөрын ни оти көр оз коль. Сэки и нойтны кутасны сійос, быдлалыс көйнөс моз вётлөны. «Эн ло горш Гордейён!» Савко тайо кывъяссо нэм чожыс сэсся ээ вунодлы. Сомын дыр ээ вермы гёйгреноны, мыйла батыыс ээ нүод Андермаас, көні зэв уна еджыд сакарыс. Көсійсъясліс ёд... Гусясысъстө по ме дадь бокам ог босыт, сэки помка пуктіс батыыс. Но ёд Савко мыйнтысис нин мыжсыс! Детинка мырдён лемасис туйо петьсь даддяас, но Савко ос тойыштісны дадь вывсысыс. Сэки детинка мөдіс бөрдны да котортны ылыштыс дадювъяс бөрся. Со нин син водзсыс чомныс воши, а дадювъяс век ылыштчоны. Медбөрын сувтодіс дадювс батыыс, бөр вайодіс чомдоро Савко ос да вой көрөс моз домис додь бөрө. Горзіс да нетшкысис сәні Савко риттідзыс. Голосьис чирис, одва шыыс кутіс петны, бөрдөмисла немойё пурліс. Ритнас Мөсей вокыс разис, а чойыс пуксьодіс пызан сайо, но Савко ээ көсайы сейны ни юны.

– Пропадитны ёмёй думыштін, – шуалісны чоя-вока.

- Меным оз ков татшом оломуыс,— ёдва шопкодис Савко.
- Мый нё тэныд коло: юмов сакар да преник?
- Оз. Мод пойлос олём көсъя аддзывны.
- Ин диктё пес! Сей...

Савко сутки чоҗ эз сей. Но век жо сетчыны ковмис: мый вёchan, кынёмыд котшоクトё. Сидзикён и ковмис овны, коть кутшом сьокыд эз вёв лов вылас.

3.

Саватейлён луныс да войыс ётлаасис. Стариk узис, кор личкыліс унмыс. Кор садымыліс, мёвпаліс, вежёр доймытодзыс артасис, мый вёчны көръясыскод? Дыр-ё найос вердтогыс позьо сулодныг? Вежон? Дырджык? Но кыздзи сийо кутас урчитны лун-войсö? Кадыс оні сылён ас тырнас кывтö. Саватей сыясь торйон олö. Стариk тодис: дадюлыс сылы дзик ниномла, бур ногон кo, коло көръяссö воля вылö лэдзавны. Но дадювтогыс сийо сточ жо нин тундраса вутш юрыс кодь лоё. «Порысь лешак, мыйысь мучитан пемёсъяссö?» – видис ассысö, и век жо лэдзавны эз тэрмась. Быттьо мыйкё виччысис на. Дадювса көръяс корскобталисны, дерт, кёсийисны йирсыны. «Медым бёрнас унджык сеян кынёманыд тёрас...»

Стариk лэччис дадь вывсыыс, кималасон матыстчис додь дорас, ёти ящикись перийис печеньё пачка... Сылы волі веськодь, мыйён ылодны дозмодчысь кынёмсö. Печеньё мешокыскод орчон волі көрталаома ящик водка. Малыштис дозъяссö шыльыд юръясадыс: «Со, ставныс на дзоньвидзай...» – та пойри весиг нюмунис аслыс. Босытис ётиос киас, восьтис пиньнас, сьольштис небыд көрт пробкасö. «Бура вёчомасть мастеръяс, весиг синтогыд кокния справитчан...» Юис, быттьо косьмысь горшсö көдзыд ваён веськодис. Нёровтис ньожийоник дозсö, артыштис коляссö, бёр местаё пуктис. Саватей някляліс юмов печеньёттор и кывзис, кыздзи курыд зелляыс шымыртö сийос ас улас. Сулалыштис да сесся джеджомён гёйгертис неыджыд аргышсо.

Стариклы окота лои мыйкё вёчны. Ёти быкльис морёссыыс лямкасö пёрччис. Сыллі көртодсö пёрччытодз дыр тапкодис пемёслы мышкас, ас думнас прёщайтчис:

– Но, видлы тундраас бур көзяинтогыд овны, видлы сийо олёмсö, кор тэ вёснаыд некод оз печалитчи. Видлы, брат, сэтшом оломуыслысь көрсö.

Тадзи лыдьёдлёмён, тэрмасытог Саватей сесся и став көрсö лэдзалис. Сомын вёжжиув көр дорас, коди медбөръяён коли, джомдыліс. «Мый нё вёча, тундра шёрё кольчча дадювтог...» Но ёти курыд омой дадюв? Вёжжиувсыыс вёрощитчис, регыдджык нин кёсийис мынточчыны мустом лямкаяссыыс.

– Но-но, эн жёдз, лэдза воля вылö, лэдза, эновт дурак көзяинтö, усылас на сийо тэныд дум вылад. Код киё на од веськалан. Котрёдласны – лыыд да кучи-кыд сомын кольё.

Со и ётнас колис Саватей. Некутшом тёждтог курыд шог чепольтис сьёлёмсö. Күим пёвста мать керыштис да, кыздзи дзоньвидза дырииыс, кокчёр йылас чепёс-ийис сеян видзан дадь дорас, но сы пыдди сунгысис кутшомкё дадь вож косто. Крепыда доймис. Выльён лоём дойыс бара мый дыра кё кежлё ылодис сийос джагодысь гажтёмлунсыыс. Водис сесся дадь вылас: со и бара удж вичмис –

дойяссö пöжны колö. Не то вöтöн, не то явö, выльысь сунгысис зэв нин ылö кылалöм важас.

Саватей эз пыравлы школаö, сы вöсна став гажыс и кöсийомъясыс гарчисны тундра гöгöр. Челядьдырыиыс мöд сикас олöм аддзывны выныштылöмыс, кöть сïйö ыджаыда ыazzьöдлïс ловсö, нöёжийö кусïс. Сöмын öтитор нэм кежлас тывыштïс сэтысь: тундраын колö овны веськаыда, не ыршасыны йöз эмбур вылö, но и крепыда видзны ассыыд.

Кодыр Саватей мöдис кывны ассыö верстöө мортöн, медыджыд кöсийомён вölі лöсöйдны ассыыс кör стада. И ставыс сыланьö визувтïс: Саватей вölі ыджаыд мыгöра, тöдчана жöникöн, регыд гötрасис юсь кодь еджыд ныв вылö. Невеста веськалïс авъя и уджас кör кодь зиль, мудзём вылö некор эз норасылы. Регыд батьыс вичмöдис налы некымын кör да лэдзис ас нянь-сов вылö. Со пö, пиö, кутöд вылад, водзö ас юр вежöрнад паськöдчы, менö, пöрыссыöс, эн кут дöзмöдны, ачыд тöдан, посниджык вокъясыд на быдмöны...

Саватей первой кадас сюртчис Мöсей вокъыс дорö, коди олïс нин аслас торъя семьяён. Öтнаслы тундратï ветлыны эзджык на вöв кивыв: стадаыс ичöt, некымын дас кör, да и отсасысыыс абу. Стада Саватейлöн öдийö содïс: первой дасъясöн, а сэсся и сёясöн мöдис öкмыны. Сöмын öтитор эз гажöд... Сьёрсöн-бörсöн кык кага ичötön кулисны. Том мам эз на лючки сяммы видзны пиянсö тундраса йирмögысь, биа висьöм нуалïс коньöръясыс. Саватей жö ас ногыс шуис, тундраын поö быд ловъя лов чужö тулысын, а тэнад, Марья, арын либö тöлын. Мöдись поö сэсся татшöмторнад эн прöступитчы. Он кö кывзысь, бöр ай-мам дорад ыста.

Саватей да Мöсей вокъяслöн кörъяс тундра пасьтала вölïны ставысь вердааöс, тулысын и арын öткодь госааöс. Бöрийлïсны найö медся пöтöса йирсянинъяссö, тöлын пыравлïсны пыдö коми пармаö, кытчö некод на эз волывлы. Гожöмнас дзик ииа море дорöдз эз жö сибöдчыны, сэнï эськön этшаджык лöддзыс да номыйс, но сёяныс жебджык. И туруныс сола кöра, пемöсъяс регыд умёны сысьс. Сэсся госа кöрыдлöн лöдз петтöдз нин быдмö сук гöн, код пыр оз вермы курччины гагийс, медым лëдзны номыръяссö пемöслы яс.

Ставыс вölі лючки. Вокъяс томöсъ, озырлун содïс. Но быдторлы тай пом волö. Öти жар гожöмö холера висьöм пöрöдис вокъяслысь став кöрсö. Кывлïсны, дерт, холера коркö кызы вонас öтчыд быть волö, но налöн олöмын татшöм ускöттöыс лоис медводдзыс и весьöпöртлïс. Саватейлöн сюрс кöрысь колис вит: кык бык да куим важенка, Мöсейлöн – куим бык. Мый вöчсис сïйö гожöмнас кör видзысъяскöд! Мöсейлöн дзормис юрбöрыс, Саватейлöн – плешкыс. Арнас, торйöдчиганыс, Мöсей курыда серöктïс:

– Вокö, стадаыс кö дзонынас тэнад вölі, кёнкö, дзикöдз дзормин...

Саватей нинöм эз вочавидз, сöмын чышкыштïс синвасö. Мöсей сэсся мунïс Из сайö да озыр кöралы медасис. Кывсис, Сибирас холераыс абу волöма.

Тöв пуксигöн Мöсей лямкаалïс Саватейлïс вит кöрсö да ассыыс куимсö öти дадюлö, öтнасон мöдöдчис Из сайö жö ыджаыд нажёткала. Öтнас челядьыскöд и коли Дарья гöтырыс. Саватей кык нывбабакöд да Мöсейлöн посни челядь котырыскöд овмöдчис Колва йылö, чериа тыяс бокö. Матысса сиктöдз Саватейлöн чомсянъ вölі сё сайö верст.

Вокъяслöн здукöн бырис уна сёа кör стадаыс, сы пыдди содïс семьяыс. Кыдзкö колïс тундра шöрын коллявны пемыд да кöдзыд тöвъяс.

Но овны коліс. Черисö Саватей кыйис тёвбыд, тәчис чипасö моз. Ньёжйöнек быдмис вель уна чипас. Чери дорö велалісны руч да кынь. Жаль, Саватейлён этша капканыс и солыс оз тырмы. Чериыс чизыр тёв йылад пес моз и косьмө. Мый лоö тулыснас? Да и аслыныс совтöгыс деливö овны. Сэсся күш черисыыс умны заводитисны. Кынёмныс тыртöм, но чериыс вомö оз пыр. Эбöstöмсöёны, унзиль босытö.

Февралын, кор тундра весьтö лючки нин шондi мыччысис, Саватей мёдöдчис матысса сиктö, тёдсавыс дiнö, кодi нянь-сов вылö босытiс жö пикö воём мортлыс прöмыссö...

Саватейлён öд и кынь куыс додь тыр öкмайлiс. Тайö грузыс эськön абу сьёкыд, но туйыс кузь. Гötтырыс медбörъя нур коляссö чукörtiс, лов кутöд вылад пö. Гötтырыс эськön вöзйисис ёрт вылö, кыкнад пö кокниджык лоö додьсö кыскynы, но кыкыдлы и сёяныс унджык ковмас.

Саватей туйö петiс öтнас. Недыр муныштiс да видzöдлiс мышкас. Öтка чом дорын кык нывбаба да нёль кага киясаныс öвтчöмён колльöдiсны сiйös ылi туйö. Саватей лючки аддзис, кыдзи найö гöна кепыссынсö тшöкыда сибöдлiсны чужём берданыс. Гётгöроис, дерт, кöдзыд чомийö кольччыссыяс шытöг бöрдöны. Саватей öддзöдiс воськовъяссö и сэсся эз нин бергöдчыв. Чизыр тёвъясыс тундрасö вöлi пöв моз шыльöдöмны: кок улыс чорыд, коть ёссы гыжъя кörъясöс лэплас. Ак, кутшöм лöссыд эрдъяса тундравыс, кör коклы лöссяланы, сöмын кöрыс абу!

Кузь лун чёж Саватей эз пуксыыв весиг здук кежлö шойччыштны, сöмын иирышталiс мунiгмозыс пластöн косытöм ыджыд сирлыс чигсö. Уль рос вылын тшынöдöмсöыд кöрыс саймовтö чери дуксö. Чериыс яя и госа, таысса весиг вuködö. Эз кö вöв тшынöдöма, Саватей пыр эськö и сьöвзис вомас босытöм торсö этатчö лым вылас.

Пемдiгас нин артыштiс да, буракö, верст кызьтö тяпöдiс. Тадзи кö, вежонён бытть нин воас юз оланiнöдз. Мунан öдys шедö, шогсыны нинёмла. Сувтiс. Дадь бокас перийс гутор да водiс, вевттысис лым пластьясон. Здукён и унмовсис. Садымис югдiгас. Дадь дорас кодкö гудыйисис. Саватей пыр жö вежöртiс: тайö кутшöмкö звер, морттан i оз вермы лоны. Гудыйштiс гöна кепыссынас чужёмладорсö, и шемöс шымыртiс: кöин косявлö дадь вывсыыс кынь куяссö, весиг эрыштö нимкодыысла ли полöмысла. Саватейлён здукён öдöбсис сьёлöмыс, шоныд ру ылькнитiс вежöрас: тайö пеж лолыс тшыгъялыс кагаяслыс мырддö олём вылö надеясö, косявлö сыйлыс прöмыссö, тёвбыд чукörtöмасö. Саватей чеччыштiс кок йылас да мый вынсыыс равöстiс. Пöрыс кöин парквайискодь, но эз уськöдчы нёлькокийыв, кыдзи чайтiс Саватей. Кöин векыштiс пушыд гöна еджыд вомсö... Эз повззы морттыс, сiдзкён, лöсъöдчö сыйлыс пöсси вирсö юны. Кынь куыд нö кутшöм сёян! Саватей видzöдiс лёк зверлён биён сотыс лёг синъясö. Колё уськöдчытöдзыс пуртöссыс чукрисö кыскynы, и здук кежлö оз позь синтö вештывны кöин вылыс, сыйлон ёссы син водзыс. Со сюрис пуртыс. Радлун шымыртiс Саватейöс... Кöин ўожгыльтчис, зэлвартчис, чепöсийис морт вылö. Саватей нёровтчис водзлань, шульга сойнас тупкис кöинлес кынём улас. Еджыд лым вылас вирыс петiс гырд ыльёбён.

Саватей та бёрын лымъя туйёдис некымынысь на воліс прёмыс ньёбысъ ордо и быд пёрий бергёдчыліс сёянён.

Кык во мысти петкёдчис Мёсей вокыс: воис неыджыд кёр стадаён. Ошыйисис, бур кёзяин дорё пё веськавлі, кызь вит важенкаён лэдзома. Вердёма лышкыда и пыр вёлём шоныд кём-пася. Но уджавны ковмылёма лун и вой: личёдчан кё пё, ыджыд съёдба стадаыс разалö; кёинъяс содтод пасъкёдласны. Рёштшёт кёзяин-сянь сэки эн и виччысъ! Кёзяиниыс зэв жальпырысъ лэдзома, ичёт стаданад пё верман вошны. Ичёт котыра кёрыдвой, быдторийсъ чуйдчё. Пикё кё воан, шүёма, бёр лок. Но Мёсей локтіс гортас, гётырсыс да челядьсысъ ёна гажтёмт-чома да. Ас вёля вылын окота пё овны и шоныд вольпасыын пöttтöдз узьны.

Кёр стада бара мёдіс содны. Сибирса кёръясыд гырысъ мыгёрабоcь. Отитор падмёдіс вокъясоc: оломуыс пё вежсюб, мёд сикас лад лэптёны, дзескёдёны озыр йоззос, мырддьёны нажёвитом озырлунсо. «Гольяслы тайото эсъкё и кивыв, мыйкё да вичмас, – артасис Саватей, – но мыйо воам. Ньёж-ньёж ставон гольмам. Кыс-нымёс нюжёдам!»

Саватей шуис вокъяслы, уна кёр пё огё кутё лёсъёдны, гашкё, воас кад да кутасны ставсö мырддявлы, мый позъ. Вожтігад тай медся лёк лов вылад, бёрддзан и шойёвошан. Водзасис на Мёсей: «Дугды повзьёдчынытö, вокё. Ёдй мыйёнкё шковга плеشكад, ёна кё скёрмёдан».

Та вылын вокъяс костын вен помасыліс. Но Саватей ас улас лун-лун изіс сирастьом мёвпсö. Зэв гежёд тёдсаяслы восытыліс ассыыс тёждсö. «Лёктор туналан», – водзасис оти. «Мый водзё лоö, урчинтёма Енлон, – вочавидзліс мёд, – не миянлы, уль яй сёйысъяслы, тёдны». Гётырсыс, коді быдтіс нин коймёд кага, велёдіс Саватеёс: «Он кё нинём думайт, медся бур. Пемёсъяс тэ моз оз вийсыны, да Енмыс налы пыр лишёдö кынёмпöт». Саватей кёсийис нюмдыны, наёдз ёмой пё миё воам, но нинём эз шу. Шензьёдіс Саватеёс, кыдзи Марьялы ташшомторыйс юрас воис.

Кадыс муніс водзё. Саватей гозъялён челядь содіс, а кёр лыдыс сувтіс оти тшуподдö. Сёйом да пасытасьом вылö тырмö, и бур.

Воис и тундраодз колхозъяс котыртём. Тайото кёр видзёмлы некыдзи эз лёсияв. Бур кёзяинъяс синва сорён эновтчинсы пыді съёлёмодз йиджём, нэмъяс чёж ладмёдом олёмкёд. Унаён властькёд зыкё волісны. Унаён и судо веськалісны, ыджыд да вына семья котыръяс та понда разалісны.

Саватей отчыд шуис Мёсейлы, кёръястö пё босыт да шутёвт Из сайё, сэні мусыс ыджыд, мыйтакё кад олыштан на дзебсасыёмён, сомын эн веськав лёк войтырыслы син улô.

Важ тёдсаяс тшёкыда пыравлісны Саватей дорё: мый пё водзё лоö, висъстав, тундраса тун. Эн пё повзьёй, велёдіс Саватей, кытчодз он повзыы, сэтчодз и лолыд олö пытшкад. «Мый тэ нёдкывъясён байтан, сералан али мый ми вылын?» – «Ог серав... Вöчасны уна кёрт кораль, мёд ног кё, зумыд йёр, кёни кутасны видзны войтырсö». – «Збыллысъсö кыдзи кутас шусыны сїё оланінис?» – «Ог тёд. Воас кад, и быдторлы ним сетасны. Ньёж-ньёж тшыкас йозыс, гусасыём да юём вылö ләччысъяс».

Саватеёс мырдён-сорён пыртісны жё колхозё. Предыс шуис, тэнүид пё сетам ыджыд кёр стада, дозьорит, эн вошты. Вожтан кё пё, Упитлаго веськалан.

– Коді кёзяиниыс лоö? – юаліс Саватей.

– Колхоз, – шуис пред.

– Мед сійө и дозьорито көрсө, – чорыда шуис Саватей. – Меным сэтчөдз кутшом мөг.

Саватейлы бригадир ним көвъявлы некыдзи эз вермыны: сяmtöм, дыш пастукъяскод по уджё ог босътчи. Быдлаын критикуйтіс омоля көр видзомсө, колхозён веськёдлесъяссо.

Саватеюс регыд вётлісны колхозсыс: кутшомкө элемент по тә! Заготконторалы сесся промыс кыйис.

– Бурён на мынін, уна тёдысь, – вомаліс готырыс. – Сесся вомтө эн пасъкодлы. Коді та мында челядьтө вердны кутас?

– Сын и делёыс, – аслыс моз шуис-броткис Саватей.

И нэм кежас джомдіс. Кутіс нимавны кыв-вортом мортон. Сотчом, сарогөсь мыр моз водзö сесся и колляліс кадсо.

Öти гожся асылö Саватей кыліс вертолётлыс шы. Ылышчас, куслö быттö, выльыс чиростас юр весьтас моз.

«Тайё, буракö, менё корсбоны...»

Чеччис Саватей, гез кузялыс кайис мыльк вылö: «Öні аддзас».

Диана Холопова

Холопова Диана Григорьевна чужис 1949 воын Кулёмдін районса Джеджим грездын. 1972 воын по-маліс Коми государственной пединститут, филология факультет. Уджавліс Кулёмдін районын, Шёрбягса школаын завучён, директорён. 1975 восянь И. А. Куратов нима литературно-мемориальной музейин научной сотрудник, а 1988 восянь – музейён весъкёдлесь.

Коми гижысьяс йылысь статьяссö ўзбөдліс «Покаяние», «Связь времён», «Книга памяти», «Сыктывкар и сыктывкарцы» книгаясын, «Родники пармы», «Музей и краеведение», «Бестник культуры», «Арт», «Войыв кодзуу» журналъасын.

Изьва сылысь да сылён гижысь ёртъясыс

Митрук Як – татшом вёлі литературной нимыс ыджыд коми гижысь Яков Митрофанович Рочевлон. Коми литература историяын вывті тёдчанайс сылён «Кык друг», «Изьва гызыб» да «Му вежом» романъясыс. 1950–1970-од воясö тайö гижёдъяссö вылö донъявлісны не сомын коми йоз, но и роч да уна мукöд кывъя лыддысысьыс, од небöгъясыс петавлісны Москвайын роч кыв вылын да тшотш Киевын украина кыв вылын.

И. А. Куратовлон Литературной музей кызы восьсунджаңын видзö Я. М. Рочевлыс архивсö. Сийö вывті озыр, быд кабала бура да стöча висыталö гижысылён олём да литература туй вылö сувтöм йылысь, семья да ёртъяс йывсысыс. Торйон нин уна Я. Рочевлон архивын гижысьяссян письмёяс.

Ас олём йывсысыс висыталöмын сийö пасиё, мый чужлöма Уквавом сиктын (Усть-Ухта) ыджыд семьяын. Ачыс гижысь та йылысь шуллс: «*Mi вёлм дас öти чоя-вока, ме – медичётсяньыс коймёд*». Гижысылён киясыс ичötсяныс тёдлісны быдпöлөс сиктса уджсö. Изьва районаса Мокчой школаын велöдчигас ёна лыддылыö-

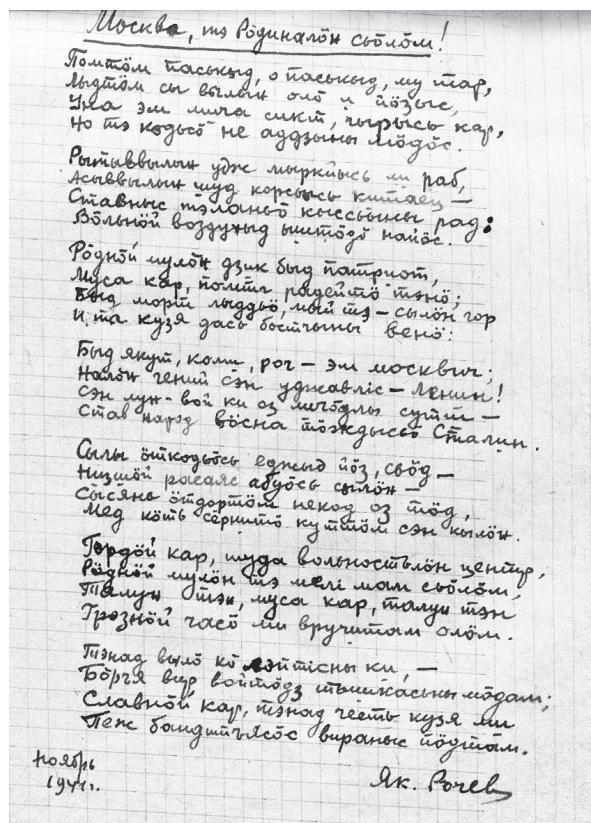

Я. М. Рочев (шүйгавывсяныс) да В. В. Юхнин (кыкнанныс сулалöны). Сыктывкар. 1930-од вояс.

ма «Ордым» журнал, а сэсся 1929 воо тайё журналис жё йёзёдома Яков Рочевлысь медводдза кывбуръяссö. Школа помалём бёрын во уджалёма Абезьса начальной школын. Сэки нин сийё сюся кутёма тёдмасьны XX нэм пуксян кадё изъватас да кёр видзысь ненецъяслён олёмын выль вежьомъясон. Та бёрын уджалёма «Горд Печора» газетын, а 1933–1937 воясö велёдчома Коми пединститутын. Со мый висьталё гижысылён тайё кадся олём йылысь коми литература туялышь И. М. Ванеева: «1933 воын Я. Рочев пырис велёдчыны Коми пединститутö, и тани сийё адзысис ас кодьыс жё студент Василий Юхнинкёд. И сэки на костын гордзасис крепыд ёртасьом, коди эз торксыыв уна-уна во чёж. Литературно-творческой уджё кутчысысь-зилььсь студентъяс котыртисны ру-кописной журнал «Том вын», кодёс редактируйтис В. Юхнин. Буретш тайё кружокыс ырзьёдис творческой би киньсö Василий Юхнинлысь, Яков Рочевлысь, Дмитрий Конюховлысь, Фёдор Щербаковлысь, Сергей Морозовлысь, Степан Раевскийлысь, Анна Фёдоровалышь, кодъяс бёрынджык лоины нималана коми гижысыясон». Музей экспозицияын эм 1935-ёд вося снимок. Сэні Василий Юхнин да Яков Рочев ёртъясыскёд – институтса студентъяскöд.

Я. М. Рочев. Сыктывкар. 1940 во.

Я. М. Рочевлон блокнотысси ки помысси гижом кывбур. 1940 вояс.

Сэсся 1930-ёд воясяныс кык гижысылён тшотшмоз и сёвмёма литература туыс. Яков Рочев комынёд воясо да Йджыд тыш кадё гижис ёнджыкасö кывбуръяс. Гижысылён ки помысси лёсёдём блокнотон позьё тёдмасьны музейын. Но войнаёдзыс жё босытчома лёсёдны проза. Та йылысь мунё сёрниыс Юхнинлон письмёын, кодёс гижлома Крымса санаторийсян 1940 воо (гижн ногсо письмёяслыс абу вежёма): «Муса друг, Яков Митрофанович! Москвасянь ме тэныд эг гижлы сы вёсна, мый кывлі – пётомыд по отпускё кык тёлышь кежлё, да эг тёд, кытчö гижнысö. Ме зэв рад, мый тэныд сетлёмайссе от-

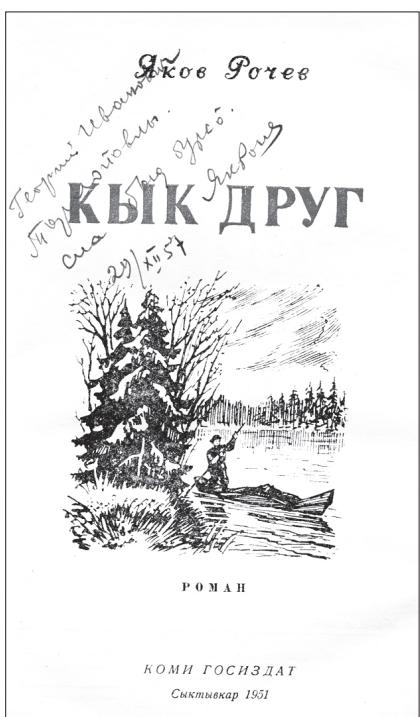
Кык гижысылён тшотшмоз и сёвмёма литература туыс. Яков Рочев комынёд воясо да Йджыд тыш кадё гижис ёнджыкасö кывбуръяс. Гижысылён ки помысси лёсёдём блокнотон позьё тёдмасьны музейын. Но войнаёдзыс жё босытчома лёсёдны проза. Та йылысь мунё сёрниыс Юхнинлон письмёын, кодёс гижлома Крымса санаторийсян 1940 воо (гижн ногсо письмёяслыс абу вежёма): «Муса друг, Яков Митрофанович! Москвасянь ме тэныд эг гижлы сы вёсна, мый кывлі – пётомыд по отпускё кык тёлышь кежлё, да эг тёд, кытчö гижнысö. Ме зэв рад, мый тэныд сетлёмайссе от-

пук. Чайта, «Кык другтö», коді орліс вель дыр кежлö, бöр гöрдзalin-йитін да вель кузя кын водзö.

Ме йылысь, тöдомысь, кывлін нин: ола Крымын... Да, Яков, быдногыс овлö. Забеднö, гажтöм, но овны, уджалышты окота на (Юхнинлön томдырсянысы ёна висисны тыясыс, вöлöма туберкулëз – Д.Х.). Та вöсна и Крымас вои. Ме эг вермы не кызвыны зэв авторитеттöй йöзöс, тöдисъясöс менам висьом кузя. И, кажитчö, оз ло омоль. Ачымöс онi чувствуйта бура. Кыздыны дугдiс, содi весын... «Алой лента» кöсий помавны ноябрь тöлышсö, но, тыдалö, помала сöмын декабрь. Пасиышт ассызд мнениетö бöръя куим номерын (8-9, 10, 11) печатайтöм отрывокъяс кузясыс. И эмöс-ö кутшöмкö отзывъяс мукöдсянь. Гиж мавттöг... Пöс чоломён Василий. Крым, Ялта, санаторий Чехова. 10.XI.-40 г.». Войнаöдз да война бöрын В. В. Юхнин матö кызь во бурдöдчис Крымса санаторийясын. А ыджыд тышлöн сьокыд воясö веськöдлiс гижысь котырён, тшöкыда ветлывлiс командировкаясö, торйон нин Воркутаб, да гижис уна очерк. Тайö очеркъясыс и лоины подулöн «Тундраса бияс» романлы, кодлöн медводдза юкёныс петiс 1949 волын. «Алой лента» романыс торъя небöгöн петалис 1941 воö.

Водзö тöдмасям В. Юхнинлön 1950 воясся письмоясöн. 1952 вося вöльгым тöлышсö рочён гижö: «Добрый день, Яков Митрофанович! Твои письма я всегда жду с нетерпением и, получив их, перечитываю. Так получилось и на этот раз. Благодарю за новости.

Меня удивило то, что твой «Кык друг» по существу ещë не сдвинулся с места. У переводчика, очевидно, есть поважнее дела. Такого сорта люди руководствуются степенью выгоды...

Несколько слов о себе. Половину срока путёвки уже пробыл. Очень медленно, но становится лучше. Посвежел на лицо, прибавляю в весе. Плохо одно – никак не могу закончить последнюю главу романа. Осталось буквально 4–5 страниц и, очевидно, затянется ещё на 10–15 дней. Насчёт продления лечения пока не решил – остаться ли мне на зиму-весну здесь. Хотел бы получить ответ насчёт этого от тебя, учитывая всё, что можно».

Кык ёртлон ѡта-мёд костаныс сёрниыс вöлöма помтöм да, дерт жё, медсясö асланыс гижёдъяс ийылысь. Тысы кындзи В. Юхнин висьом вылас видзöттöг пыр кöсёйма вöчны унджык... Со 1955 вося рака тöлышсö гижём письмоясис юкён:

«Чолом, дона друг Яков Митрофанович! Зэв рад, мый тэнүйд сетомаёсь путёвка и тэ верман бурыника пукавны «Кык друг» вылад. Давай жмит, вокё, жмит. А то миянöс тэкöд регыд серам выло лэптасны öти и сiёй жё гижёдъяс вылын пöрысъёммыс. Некутшöм Шолохов оз вермы дорыйны тадз гижёмсыид. Ме тай онi

В. Юхнин да Я. Рочев «Войывык кодзув» редакцияны.
1950-дд вояс.

Петлой, кыдзи шуліс Куратов, эг на пёрысьмой ми! Кодыр овсъю, олыштам на...

Полинё, тані жо Дьяконов гозъя. Олёны тёльсис гёгёр нин, а ме тёдлі некымын лун сайын на. Отчыд волі нин на дорын. Ялта карынёсь, занимайтоны частной порадокон ёти неыджыд комнаты, мынтоны нёльсё тёльсись. Квартираясь тані зэв съёкыд, бурджык шуны – зэв дона. Но бур мётторийн – снабжение боксянь, ставыс эм, мыйта колё».

1956 вося тёвшёрын гижём Юхнинлон письмёис бара на тёдчёдё, кыдзи ассыс жалиттёг уджалёма да пыр тёждыссыома ёртыслён гижёдъяс ийлыс: «Добрый день, Яков Митрофанович!

Большое спасибо за письмо. Извини, что не сразу ответил – не знал точно, останусь ли здесь ещё. И всё-таки остался на февраль. Крымский климат даже зимой остаётся щадящим, как говорят врачи. Январь месяц был прямо хорошим – в некоторые дни можно было ходить в костюмах.

Операцию делать так и не решаются, хотя я частенько напоминаю об этом главному хирургу. Отделяется шуткой: не хочу де, чтобы твоя биография оборвалась в нашем санатории. В моём распоряжении остаётся одно средство, как-то ухитряться «обманывать» мою болезнь, т.е. суметь подольше продержаться на поверхности, впрочем, такое желание существует у каждого.

Может быть, мне останаться до весны, включительно до мая? Надо попробовать, каков будет результат после такого длительного пребывания здесь. Если же удачно, то стоит подумать о переселении на южный берег Крыма... Теперь у меня в творчестве небольшой перерыв. Скоро получу первую часть «Огней тундры» и буду готовить её на коми. Надеюсь, что мне удастся улучшить её, чтобы затем продолжить роман согласно первой части. Ты можешь спросить, долго ли я буду возиться с одними и теми же произведениями? Отвечу: до тех пор, пока сам не буду удовлетворён более или менее. Очень хочется, чтобы я со своим произведением уверенно мог явиться в любое издательство художественной литературы и предложить им свой труд без посредников... Как твои творческие дела? Вышел ли выпуск? Печатается ли перевод твоего «Кык друга»?»

А тайё письмёясас Юхнин радлёр ёртыс вёсна, чоломалё сийёс чужан лунён, висьталё выль гижёд вылын уджалём да «Алой лента» роч кыв вылын йозёдём ийлыс: «Чолом, Яков Митрофанович! Зэв ыджыд аттьё письмёыд выль. Рад, мый «Кык другыд» кыпёдіс интерес роч выль вуджёдём кузя. Но ас серти верма

пукала «Тундраса бияс» вылын да мүккёддырий весиг гажтём лолё: неужели си мындышта и верми сетны аслам кызы вит вося литературной уджын? Правда, гижёмасо абу нин сэтшом этша. Тайё вояс, этша выль, мунас важсо выльмёдём выль. Пола здоровье лёкмомысь. Тані та дыра оломуыс, буракё, эз сет ыджыд польза. Висьомыс джууджаммё, организмой вочасон слабмё. Эсько ог нин таргайт вынёс кытчосюрё, ставсо пычка гижёдъяс вылын уджалём выль, а водзё код тёдас, мый лоас. Нярга кё-а?

шуны водзвыв: вель дыр ковмас «мучитчыны», кытчöдз сïйö оз ло книгайн. (Мучитчём кывсö босыт кавычкаö сы вöсна, мый кöть и дыр пёжассыёны миян переводъясыд, да век жö бурджык сы дорысь, найö кö сёвсем эз пёжассыны). (3 июня 1957 г.)

«Чолом, Яков Митрофанович! Письмётö пёлучити. Ме сïйös тэнсыыд пыр ёна виччыся, а сэсся лыддя некымынысь. Кöть вывтi, вывтi сёёрн, но ешö отчыд поздравита тэнö 50 арös тыром кузя! Прöstит, эг тöд лунсö: öд ветымын арösис тэныд первоиысь на! Телеграммаöс, колö чайтны, пёлучитiн... Ичётикаён уджала «Шувгöны пожёмъяс» вылын. Кольом вежон лои эновтлыны сïйös: переводитi роч вылö «Петя Вурдовлён секрет». Гашкö, ковмас кытчöк. Кута виччысьны тiянсянь да читательясянь отзыв. Гиж, Яков, суалö-ö ыстыны кытчöк рочнас». (15 февраля 1959 г.)

«Добрый день, Яков Митрофанович! Вот уже три недели как выехал из Сыктывкара. В Москве побыл всего три дня. Остановливался в гостинице. Был на приёме у Л. Соболева. Он очень спешил, и беседа была короткая. Я ему показал свои книжки. Наши сыктывкарские издания всем нравятся. Скажи нашим издателям, что их издания открывают перед людьми, не знающими коми народ, частицу их жизни и культуры. Это хорошо!.. Продаётся ли «Алая лента» в Сыктывкаре? В Москве я купил десять экземпляров прямо из склада Москниготорга. Им выделили для Москвы 1200 экземпляров». (21 ноября 1957 г.)

В. Юхнинлён бёрья письмёясыс юкёнъяс: «Чолом, Яков Митрофанович! Талун менам бур лун: ешö отчыд помалi «Тундраса бияс». Важ текст щöt весьтö лои гижома 200 саяс лист бок выль текст. Ёна вежисис инженер Петровлён визьыс. Гижёдас онi Петровлён семья – вевтыртö Ламбейлысь семьясö. Озырмыштисны Квитко, Семенов. Бурджык лои Блинов, кыдзи отрицательной тип. Вежисис Надялён фронтвывса ситуацияыс. Став лишной йöзсö лои черкнитёма. Уджён онi кежлö дёвёлен.

Дерт, ёна мудзи. Сизим тёлъись чёж уджалi юр лэптывтöг. Ружта висьомла и уджала. Колö шойчыштны. Только ог тöд, дыр-ö тырмас терпение овны весь. Дёбёдö «Шувгöны пожёмъяс» роман. Мый выльыс тэнад олomyн? Дасть-ö нин рочнас «Кык другыд»? Кывсö – лоас (газкö, вöлi нин) кыв кузя конференция. Гижышт, зонмё, кöть дженыыдика, мый йылысь лоас сёрнитёма сэнi. Шензя издательствосаяс вылö. Кадысь кадö гижлывлла сэтчö, но вочавидзёны дышапырысь. И нинём оз гижны «Алой лента» йылысь. А юавны выльыс абу нин лёссыд». (25 марта 1960 г.)

«Чолом, Яков Митрофанович! Первой делё зэв ыджыд аттьё öдий шыасьомыд вылö: гётырой, колö чайтны, висьталiс, мыйла мем друг ковмис сёымыс. Онi ола Алупкын, «Горное солнце» санаторийын. Письмётö тэнсыыд пёлучитi танi нин – сыысь ыджыд аттьё жö. «Кык другтö» рочён лэдзём йылысь артмё терпитны позытёмтор. Абу-ö кад вуджны наступление? Но кутшомджык ногён, мед не кольны дьёбён. Колö думыштлыны. Гашкö, миян Союз писателей пыр заводитлыны? А сэсся и не сёмын миян пыр?» (17 апреля 1960 г.)

В. В. Юхнин Крымса санаторийыс локтiс 1960-öд вося ода-кора тёлъись. «Шувгöны пожёмъяс» романлысь бёрья юкёнсö помавны эз нин тырмы выныс –

вывті уна кад муніс «Тундраса бияс» выль пёв лёсьёдом вылёр, ёд сәки колё вёлі гижёдсө дасьтыны сізд, мед сійё лёсяліс партиялён идеологиялы.

Яков Митрофанович бёръя лунъяссö ээ вешійв виссысь ёрт дорсыыс. Василий Васильевич Юхнин кувсис вольгым 23 лунö.

Я. М. Рочевөс вывті пыдди пуктылёмайс ыджыддыхык арлыда гижысьяс, тшотшъяясыс да сідзжö и томуловыс. Пыр гижлёмайс сылы, көтө кён абу вёлёмайс.

Со куим письмө Илля Васьсянъ. 1959-од вося дженышыдик письмёын гижё: «Дона Яков Митрофанович! Том венгерской учёной Васоли ёна интересуетчо кёр видзан терминологияён. Отсав, кыздзи верман, сылы! Ачыд, дерт, он эшты. Инды сылы кутшомкё изъваса мортос, коді эштоджык да бура тёдö кёр видзомсö. Сыктывкарад ёд эмөсь сэтшом йёзыд. Васоли ёрт күжö рочон и комиён. Сиа быдсама бурссо! Ёрта чоломён Илля Вась. 12/ XII.1959. Москва».

1967-од вося письмёын Илля Вась сёрнитö В. В. Юхнин йылысь. Василий Юхнин кувсис 1960 воын, а 1967 воо сылы сомын на тырис 60 арös. Сәки Я. Рочев йёзбидес ёрт йывсыыс казытылёмъяс.

Та йылысь и висьтало письмёас Илля Вась: «...Сувтлытöг да ышлолаломён лыдди тэнсыыд В. В. Юхнин йылысь съёлёмсяяныд гижём казытылёмтö... Зэв буртор вёчин, казытылёмтö гижин да. Вод тайо зэв коланатор миян литература истори-ялы...»

А тайо чоломалана письмё:

«Дона Яков Митрофанович! Биппөс чолом 60 арös тыром кузяыд! Съёлёмсяянь сиа ён дзоньвидзалун да зумыд восьласён водзö тувчталом паськыд олан туй кузя! Мед ломдзёдас нёшта тэнад шуда киыд коми

И. Торопов, Я. Рочев, В. Попов. 1968-од во, май 1-од лун. Фото-ыс Ст. Раевскийлён.

литературын уна рёма бияс.. Кузь нэм да бур шуд миян дона и вылёр пуктана коми романисты да литература быдмомён веськёдлысылы. Москва. Илля Вась».

1970-од воясö гижысьяс тшёкыда ветлывлёмайс лунывса шойчан керка-ясö. Тайо письмёсö ыстылому Г. А. Фёдоров Ялтасянь: «Бур лун, Яков Митро-фированович! Пёс чолом лунывсиян! Матё толысь нин Анна Николаевнакöд ми тані шонтысям. Поводдяыс пыр на вёлі шоныд. Талун на йёзыс купайтчоны мореын. Море вавыс +17,4°. Шочиника и ме тшотш сунгысыльвла... Дом творчествын йёзыс тырыс жё, но торъя нималаныс оз тыдав. Эмөсь Крон гозъя, Жариков гозъя, вит кымын татара гижысьяс, Венгриясы, Чехословакиясы, ГДР-ысы. Отияс мунёны, мёдъяс локтёны. Вочасон йёзыс вежсю.

Ми олам З-од судтаын, кык ыджыд комнатын, дай гумла пасьта веранда ешö и. Ветлім экскурсияён Алупкаö, видзöдлім Воронцовлыс дворецсö да парксö, сэсся Севастополью. Аддзылім диорама и Сапун-гöра штурмуйтöм да панорама «Севастопольös дорийöм». Тайо лунъяс локтис Г. А. Юшковлён письмё. Корис рекомендация. Ме ысті. Тыдалё, көсий партияö пырны. Тэ ёд, кёнкё, сетан жё.

Абу кё дыш, гижишт. Адрессö тóдан: г. Ялта, Судейский переулок, 5. Дом творчества писателей». (13 ноября 1971 г.)

1972 воё Яков Митрофанович гётырыскöд вёлёмäöсь жё саридз дорын да тайö дженыыдик кадколастнас налы гижомäöсь и Фёдоров гозъя (Г. Фёдоровлён воддза гётырыс, сиджё гижишь да коми литература туялышь А. Н. Фёдорова, вывтî пыдди пуктылома Рочевъясöс), и Г. А. Юшков, и Альберт Егорович да Ирина Михайловна Ванеевъяс. Со тайö письмёяссыс юкönъяс: «Бур лун, Александра Ильинична, Яков Митрофанович! Майской поздравительной открытканыд воис. Ыджыд аттьё, абу вунёдёмныд на миянос да! Ылі шоныд муад ветлгён öд мукёдлён öдйö вунё и горт, и ставыс, мый ийтчома чужан мукёд. Тí, дерт, абу сэтшомёсь, дай онё на дыр ветлой, энё на удитой кёдзавны гортсыныд. Но ладно, шойчёй бура, шонтысьёй югыд гож улас. Эмёсь кё кодъяскö тёдсаяс гижишь котырысь, месянь чолом налы. Коктебельё ме важён нин эг волы, ёна кёнкё нин вежсис. Ме радейтлì гуляйтны Лягушачьей бухталань, водзынджык Сердоликовой да Разбойничей бухтаяс». Письмё дорас содтöд вöчö А. Н. Фёдорова: «Бур лун, Александра Ильинична, Яков Митрофанович! Зэв тiянлы завидьта, мый ветлёдланныд море пölöн да верманныд öктыны мича коктебельской из. Зэв ёна тiянос кора – öктыштöй меным тшётш, менам кактусяс бердö, кёть некымын мича из. Быд бурсö тiянлы». (Сыктывкар. 1972 г.)

«Бур лун, Яков Митрофанович! Воис письмёыд, да ставныслы пошти лыддьёд, кодос казьтыштломуыд. Абу тай бур кадö, сидзкö, Крымад веськаломуыдось. Дерт, поводдяыд век öткодь оз ло, петалас и шондi. Сэсся öд ставыс нин сэн вежёдö. Коркё, гашкё, вавыс ёнджыка шоналас, слоймылан на бёр вörзыхтöдзыд и уялыштны. А миян танi вой тёв швичкё, талун на лым петалис асывнас. Сыктыв восьса нин кузяла, катеръяс ветлёны, а Эжва кузя ии на жё кёнсюрё сулалё. Танi эсько восьса жё нин да... Коркё май помас Корткерёсской районö ветлём, буракё, лоё – Усть-Куломад моз. Шахов Льёмью кёсёй восьтыны. Вот и став выльторыйс. Бура шойччыны, унджык ветлёдлныны, не висьбöдчыны! Копыр Ильиничналы! И ставнымсянь ыджыд чолом. 6 мая 1972 г. Юшков».

«Дона Яков Митрофанович! Ми Иракёд некымын лун нин олам Москвайн. Локтим библиотекаясын да архивъясын уджалыштны. Дерт, лоё и институттязытi котравны (комияслыс диссертацияс думсыым тойлала). Кыдзи нин мый сэнi «священной Коктебеляд» гожъялан? Конi овмёдисны, кутшом корпусын? Кыдзи поводдяыс? Купайтчылан али он на? Кодъяс эмёсь тёдсаяс пöвстясь? Гашкё, прöст кадö вөвийбöчан гижины кыв-мёд. Меным эсько зэв окота вöлi стöчджыка тёдны корпусъяслыс номеръяссö, мед не веськавны кутшомкё пемыдiнö. Ми овлiм моредорса кык судта корпусын, конi тай пыранинъясыс отарсянь и мёдарсянь. Пасыйшт. Виччысям. Сиам бура шойччыны да ёнмыны. Москва. 1 мая 1972 г.»

А 1966 воё Иван Торопов (сэки уджалис нин Яков Рочев борд улын «Войвыв кодзув» журналын – *Д.Х.*) пырис велöдчыны Литературной институтö. Медводдза экзаменсö сдайтöм борын пыр жё радпрысь да серамсорён юксёй ыджыд ёртыскöд долыд ассыломнас: «Чолом, Яков Митрофанович! Талун ен отсöгён сдайтi первой экзамен – языкоzнание кузя, ничего, 4 пуктисны, ёнакодь лыддыси да, буракё, отсалыштис.

Егор (гижысь Е. В. Рочев) кёнкө сдайтö история (миян кык группа). Мыйкё тай оз тыдав, буракё, сдайтас жё.

Олам зэв гажаа. Миян, комиаслон, тані быдса колония: Сыктывкарьсь витён да ешё Троицко-Печорскысь öти күш юра ветлодло. Ёнакодь, чукортчам да, гёрдлам. Вина юöмысь енмыс видзышталис на жё. Сёям да олам-ружтам. Егор тай мортыд нёк вылё ёнджыкасö жмитö. Ог тöд, мый сылон бörяя помланыыс кутас артмыны нёк вылад олгён, кор оні нин сингъяснас кайкйöдлö кытчö оз ков.

Москавын зэв шоныд, та вöсна ёнакодь мёвпавсö чери кыйём йылысь. Ог тöд, код лешакыс думыштöма мучитны ѹйзсö тайё кадас».

Нöшта öти письмо Я. М. Рочев архивысь. Йистылёма Г. А. Фёдоров жö 1976 воё Анна Николаевна кувсöм бöрын Фрунзе карсянь. Во мысти эз ло и Яков Митрофанович. А тайё письмёас Геннадий Александрович юксьö ёртыскöд аслас сьёлём дойнас: «Бур лун, Яков Митрофанович, дона друг! Письмёыд воис, зэв ыджыд аттьё! Ёдйо ешё и воис. Йистомыд ноябрь 21-öд лунё, а миянлы воис 25/ХI. Нёль лун и лэбёма. Гижомыд уна, абу, другö, дышöдчомыд, кыздзи кодсюрё. Гижомыд, ыштö по лösöдчан лэбзылыны Изъваё. Верман на кё, мый нё не ветлыны! Локтас кад, гашкё, и оз кут позыны пуксыны тэа-меалы самолётö. А оні, вермам на да, лэбалыштам на... Регыд тöлөться тырё Фрунзе карын менам олёмлы. Ола тані бура. Поводяыс шоныд зэв. Тайё лунъясö весиг шондi дзирдалё, пинджак кежкысь ѹйзыс ветлёны... Сидзи кё сёрнитны, бörяя кык восö ёна лои менам уджалёма письменной пызан сайын. Не кё тайё творческой уджыс, код тöдас, кутшоми эськё вöлi. Ачыд гёгэрвоан, кутшом душевной травма олёмыс вöчлiс, да петны сiйö состояниесь, сэкся шокысь, эз вöв кокни. ййзыслы, гашкё, и чайтсёй, быттьёкё Фёдоровлы веськодь по вöлi. Эмёсь сэтшöмъясыс, тöда – быдсямасö сёрнитёны-суклясьёны. Гашкё, и тэ, другö, сидзи жё думыштлiн öти кадё. Ог дивит, ог. ййз дойыд öд оз кыв мёдлы. Павел Доронин тай эз вермы нуны сьёлём пырыс да ачыс бöрсяыс мунис Манефа гётырыс дорö. Примерыс дзик на выль, кызд шуласны, свежой. А ме, со, век на кутчысся, ог гатшась, век на чужъяся, мый верма. Самой сьёкыд кадас уджалi-гижи «Зын-турун». Оні сiйö петё «Северын» рочён. Бара уджpunktомa не этша. Сэсся «Современник» издательстволы вöчи рукопись. Аддзан мыйда уджалёма! Тайё уджыс и спаситiс менö увлань шлювдомысь». (26 ноября 1976 г.)

Г. А. Фёдоров Я. М. Рочевлы чужёмсяныыс 80 арёс тыригкежлас гижлiс казтылёмъяс да со кыздзи сiйöс донъялiс: «Яков Митрофанович Рочев – менам важся да матысса ёрт... «Войыв кодзув» журналын уджалiгён сiйö бать кодь вöлi томджаык гижиссяслы, унаён онöдз сiйöс бурён казтылённы.

Яков Рочев вöлi коми ѹйзлён зэв сюсь да авъя пиён. Уна во сыкёд ёртасим да тöда, кутшома радейтiс сiйö чужан му, вöр-ва, коми сёрни... Яков Рочев вöлi гажа оланнога морт. Сэтшöмъяссö рочён шуёны оптимистъясон. Латшкёсiник тушаа, серамбана чужёма, шань сьёлёма морт, быд боксянь дзик жё нин коми: и сёрнитан моданас, и серёктёмнас, и восьласнас, и олём вылас видзöдан сямнас. Кöть эськё ачыс вöлi Изъва вожысь, изъватас, но гижис мича литературной кывиёйн, ёна озырмёдiс сiйöс аслас диалектысь босытöм кывъясон».

Татьяна Кирпиченко

Татьяна Кирпиченко чужис 1990-öд волын Новосибирскын. Челядьдырыс коли Ухтын, Боровой сиктын, Изъва районса Дюор грездын. 2008 волын помаліс Краснобор сиктса школа. Велләдчö Сыктывкарса государственнöй университетын, филология факультетын.

Кывбуръяс гижöк квайт арёссянь. Йёзёдлис гижöдъяссö «Новый север», «Радуга» газетъясын, «Войвыв кодзув» журналын.

«Съёлёмшörнум миян, чужан кыынум!..»

Изъва кыв

Абу роч ни абу коми изъва кыы¹,
Аслыспöлэс, акань койд же жалькойд²,
Баблэн чёссыд рача³ койд да чай койд,
Дзоля авко⁴ – тэрый изъва кыы.

Сарапанлэн серъяс койд же мича,
Нэмöвойся коз койд вылын юра.
Кысь нэ тэйсэс небыдджыкыс сюрас,
Юргынысэ тэ-ö корке мыдзан?

Варов джидж моз лэблан вылэ-вылэ,
Куваркан⁵ койд корке оолан гора.
Шоныд пимиён ми тэнэ ноолам,
Съёлёмшörнум миян, чужан кыынум!

¹ Кыы – изъва., кыв.

² Жалькойд – изъва., муса.

³ Рача – пёжас.

⁴ Авко – изъва., ичöt кёр.

⁵ Куваркан – рака.

Андел

Л. Андреевлён «Ичётик андел» висът серти

Войся пемыдас тыдавтём, сылёт шыасътёг, ланьтёмён.
Муса кагаёй, видзёдлы, лэдзис бордъяссö анделыд!

Состём синваьсь вёчома – лолыс войтъясён визувтё.
Муса кагукёй, сисьыдлон еджыд мыгёрыс вижёдё!

Со нин сылісны кокъясы... Кызд нё тэнё ме садьмода?
Чеччи, ичётик мортанёй, вешты пач дорсыд анделтё –

Сий локтёма енэжсянь, медым олёмтё мичмёдны...
Сылёт анделыд пемыдас – быттьё медъюгыд вичкоин.

Усис, эбостём, жугласис... Тэ эн бёрд аски, донаёй,
Сылём бордъяса, кусынътчом – андел пыр коляс ловъяён.

Арся зэр

1.

Енэжсянь войталё анделлон кёдзыд синваис.
Ми некор ог тёдмалёй, мый сий – енэжыс.
Ми некор ог гёгёрвой, мыйсь бёрдё андел,
да мыйла синваис сылон сэтшом чирыд.

2.

Зэрысь позьё дзебсыны.
Но ни ёти воськов вылёт
он ылышты
Ен дінись.

3.

Сэтшома кёсъя, мед зэрмис.
Сэки, юаласны кё, мыйла ме сэтшом гажтём,
позьё ыстысъны ар вылёт.

4.

Эн скёрмой зэрысь.
Кодлонкё олёмас
сий медбёрья.

5.

Кор кула,
пёра арся зэрё.
Колис сёмын унджык синва чукёртны.

Людмила Втюрина

Втюрина Людмила Зарниевна (Зарни Люся) чужис 1964-öд воя тёвшёр 11 лунё Коми республикаса Изыва районын, Кельчиюр сиктын. 1985-öд воян помаліс Перымса государственой культуры институт. 1985 воян уджало Сыктывкарьын, С. Я. Маршак нима Коми Республикасы челядьлын национальной библиотекаин.

Л. Втюриналыс кывбүръяссöй ёзбодлісны республикаса газет-журналлон лист бокъяс вылын, сідзжö «Сыктывкар», «Был у меня хороший друг», «Собрание разлук», «У камелька», «Киит öö» (эст кыв вылын) книгаасын.

2006-öд воя Зарни Люсялён петис «Шоныйд дiяс» (Тёплые острова) медвoddза небög. 2010-öд воян «Народная библиотека» серияын – «Майбыр кад» (Счастливая пора) кывбүр öктööd.

«Сьёлэм вылын сэтшем югыд мыляке...»

Кын яйлэн чоскыд кöрыс

Водэм водзын чоя-вокалы окота мыенке чосмасышны. Юам аекед кöдзыд юёö, но сё ровно мыйке оз тырмы, мыйке топ колэ думанумлы.

Сэк ае тшöктас пыртны керкаводзыс «калбас». Керкаводзын пемыд, сэн ёшиньясыс абусэс, пыр полан петны сэчче. Но тёдан, мый керкаводзса выключательыс пыран обессянь шуйгавылын, и наперво суувттан тагес вылэ, этша восьтыштан керка обессё, медум китэ зэй öдде кыпедны керкаводз пöтэллэк улэ да щолкнитны-öзтины би. Сэк только петан да пыртан кöдзыд керкаводз поскыс кынтэм кör яйтор.

Ае качедэма ыджыд кынэмсэ да пукалэ пызан сайын, киас кутэ пурт. Сiя вёсни шöремен волалэ кын кör яй, а ми пукалам пызан сайын да видзедам сы вылэ, виччысям чоскыдтор. Кор ае тшöктас сёйны, сыкед тшöтш чосмасям кör яен, солэ тшукеччам ставнум.

Но, пöтiм, слаабог. Айко пукалэ пызан сайын, синсэ читкыртэма, гёрдэдыштэма, зэй дöвельнэй, мый ачыс пöтiс и челядьсэ вердiс войвыса «калбасэн»...

Öнi на синъяс водзын – югыд биа рытъя кухняnum, кён вöлi сэтшем бур дзоля сьёлёмъяслы, онi на тöд вылын – аелэн серам дзиrdъясэн ворсысь лöз синъясыс, кодъяс зэй любитiсны миянтэ, ассыыс мада быдтасъяссэ, онi на кыв вылын кын яйлэн чоскыд кöрыс, кодэс ниётпыр из сёйлыны карын быдмысъ пиньлэ.

Веләдіс вермавны съёкылунъяс

Кызь вит градус көдзыд. Физкультура – ыллаын. Вösни спортивка гач оз берегит тор яйтэ да пидзесястэ. Хивуз тöllys лэчыд, лёк. Воедан сёровно, кöть и сап кынмемыйд, ныр-вомыд йизема. Он пышый гортэ лыжнэй трасса вылысь, ставыс вылэ видзедан да.

Вит километревей трассати пройдитан куим ропак, сэті куимысь ысковтан да куимысь каан гöра вылэ ѡдва, кашкигмоз. Рожаыд сочче. Юрад катэ. Съёлэмыйд петэ. Кокъасыд топ ватаясь, дзёрене быдса. Ачыд думаччан: «Кор нэ нин помедзыс воа?» А кодескеес тай на ордедан да ныртэ качедэмен чирем гёлэсэн горедан: «Хоп!» Водзын мунысыс ёти лызь туйсэ уступитас, и пройдитан орчен сыкед зэй ѡдде, телевизор экран вылысь спортсменъяс моз, но мыляке ордедэм бöрын аслад став выныд топ быре. Ньёжмедан хöйтэ, кыссян сё вося старука моз, и сэк кылан мышсянъ: «Хоп!» Уступитан лыжнясэ, лэдзан горзысь мортсэ водзвылад, но дыр на стараччан не кольны сыысь, вётэдчан сы лызъяс бöрся...

Тадз миянтэ, школалын веләдчысъясэс, веләдіс вермавны съёкылунъяс физрук Николай Спартакович. Гашке, сиен и миян кокниджык оні овны ыджыд олэмын, кён быд лун колэ уна рöббитны, дорийны асъыд быдтасъястэ, а нöшта кодескеес вётэдны, а кодкелы уступитны туй да лэдзны ас водзе.

Ӧшинъяс, ёбесъяс восъта

Ӧшинъяс, ёбесъяс восъта,
мед нуас став лёксэ тöв.
Ва бониен пелесъяс босъта.
Чышкыся, бус мед из вöв.

Майтэгэн мыськала джоджъяс
дзирадвтэдз, пöв бöрся пöв.
Бутыле пукта пу вожъяс,
петас мед кор, кöть и тöв.

Бушколэн ышмалысь рытыс
кар кузя довъялас дыр.
Лов кылэм тулыскэд йитас.
Съёлэме радлунэн тыр.

Съёдвой

Сылысь Vasiliy Rachevly

А менам выйым чой – съёдвой,
лёнь видзэдласа, уна тёдысь.
Ме только сыкэд юка дой,
вед дзебны нинэм ѿта-мёдысь.

А сія съёлэмсянь дзик пыр
мен сиэ помтэм-дортэм муслун.
Сись дорын шёпкедчам ми дыр,
и бинум асылэдз оз куслы.

Ыллаысь он ум

Aлексей Ларионовлы

Шагнита ме тагес,
гортын тон ог ов.
Лызен ветла яге,
бурмедышта лов.

Тшукедче да сылэ
бус кодь посни лым.
Лэбач дзользе-сылэ,
тулыйс ёктэ вын.

Сынэд ва моз колэ,
сысьсю югдэ юр.
Кёнке ёмой овлэ
мортлы татшем бур?

Шойчча, чышка ныслэм,
нятшка пожэм сир.
Бара бан бёк вылын
кучас ворсны вир.

Тая шуда луныс
ёзтас менчум нюм.
Оз вед прости шуны:
«Ыллаысь он ум».

Видзаася ыллакед

Сиа бур морт З. А. Каневалы

Восьта ёшиньяс да видзаася ыллакед.
 Небесаис кымрасьыштэ тон.
 Съолэм вылын сэтшем югыд мыляке.
 Асъя мичлы, майбыр, абу дон.
 Ордьысены сивей тошка кымеръяс,
 наясь артме помтэм-дортэм воль.
 Недыр мысьти небесалэн сигеръяс
 сөстэммасны, нинэм сэн оз коль.
 Ме мозни же олэмислы радлэмен
 палялэ зэй гажа гожся лун.
 Ачум сиен любуччишта падмемен.
 Аслам муысь никычче ог мун!

Пывсян лун

Жёлэб улысь новла пывсянэ
 небыд зэр ва, сөстэм ва.
 Гор-мёд чёмтва, колэ пывсыны.
 Гырысь пескен лёдсала.
 Горъя пывсяныс зэй тшынасе,
 вёдитчыны съокыд сэн.
 Гёрдэдисны быдсэн синъясэ,
 синва киссе розэбен.
 Воймытэдзыс дыр на ломтыся.
 Лабичьяссэ мыськала.
 Пёртэ кётэда выль коресьяс,
 пывсян кола чышкала.
 Первой жарсэ ачум сюреда,
 пёлки вылын ныилэдча,
 коресяся, съолэм бурмеда,
 сяке сэтэн ылэдча.
 Турунъясэн юрес пожъяла,
 йёгыд ваэн кисьтася.
 Пасьтасигэн ѕдва пояла.
 «Пывси!» – гортын висьтася.
 Маме мыччас менум пувъя ва:
 «С лёгким паром! Пытшкас вод.
 Вежсы, нылэ, дзоньнад вазема!»
 Шойчча – мыськем сёркни кодь.

Ижма

Изъва

Артур Артеев

Артеев Артур Борисович. Родился в Сыктывкаре. Закончил филфак КГПИ и аспирантуру ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Журналист. В 2009 году стал лауреатом премии М. Кастрена в области журналистики. Дважды был в списке победителей республиканского конкурса СМИ «Признание». С 2001 по 2009 годы – корреспондент республиканского еженедельника «Молодёжь Севера», с 2010 года – газеты «Республика». В 2001 году победил в международном конкурсе прозаиков, пишущих на языке эсперанто. Участник VIII, IX, X международных конгрессов финно-угорских писателей. Участник всех прошедших фестивалей «Камша». Руководитель съыктывкарского отделения международного научно-исследовательского объединения «Космопоиск».

Ижма и ижемцы

Ижемцы – северная группа коми народа, которая отличается диалектными особенностями языка, хозяйством, специфическими чертами традиционной материальной и духовной культуры. Эта этническая группа коми сформировалась не так давно – в конце XVI столетия. Но за четыре века своего существования ижемцы уже успели ярко заявить о себе. Мои предки, имена которых я могу перечислить вплоть до первой половины девятнадцатого века, все они жили на берегах Ижмы – в селе Сизябск. Сам я родился, вырос и живу в Сыктывкаре, но практически ежегодно бываю в Ижемском районе. Считаю себя ижемцем, а во время всероссийской переписи населения указал эту национальность.

Троекратного племени народ

На берегах реки Ижмы люди жили издревле. Судя по археологическим находкам, за десять столетий (да и раньше) до официального основания села Ижмы, это место было уже хорошо обжито. Причём ижемцы той эпохи занимались не только охотой и рыболовством, но вовсю торговали и хорошо владели ювелирным мастерством. В нескольких километрах от села Ижма не так давно было найдено средневековое кладбище VI века. Само поселение было расположено в устье реки Сэбысь. Но со временем приток Ижмы поменял русло, и древнее поселение, подобно Атлантиде, пропало под водой. Осталась лишь малая часть жилой территории. А вот могильник оказался в полной сохранности.

Всего здесь обнаружено около полусяотни захоронений, а в песчаной почве хорошо сохранились фрагменты глиняных сосудов, бронзовые и серебряные пред-

меты. Всего найдено и описано более сотни артефактов. Разбитая керамика, с точки зрения обывателя, не представляющая никакой ценности, для археолога – лучший свидетель. Если металлические украшения, монеты, оружие могли попасть в древнее селение издалека – их везли купцы или воины, то горшки из глины всегда обжигали на местах. Не было смысла тащить такую хрупкую и тяжёлую вещь за тридевять земель. Поэтому по ним и определяют археологи, к какой культуре принадлежит найденное поселение. Любопытно, что ижемские «горшки» начала средневековья не относятся ни к одной ранее известной археологической культуре. В них сочетаются узоры как волжско-камские, так и западно-сибирские.

В одной из могил был найден небольшой бронзовый пинцет, служивший для ювелирных работ. С помощью такого инструмента делали чеканку, напайку, наносили узоры. Подобные пинцеты уже находили в Коми, но все они относились к более поздним эпохам. Сохранилась и одна из работ древнего ювелира – бронзовая пронизка в виде медведя, напоминающая фигурки пермского звериного стиля. Литое украшение сделано по восковой модели, которую впечатывали в глину. Сквозь дырочку заливалась бронза, воск таял, вытекал, и получалась нужная вещь. В полой части украшения сохранились остатки кожаного ремешка. Судя по русским летописям XII века, жил когда-то на берегах Ижмы народ печера. Возможно, что найденный некрополь принадлежит именно этому легендарному народу. Но после XVI века, когда появились ижемцы, печера уже нигде не упоминается. Считается, что печера – народ самодийского происхождения, родственный ненцам. А по соседству с ним жили коми, ненцы и югры.

Начало формирования ижемцев датируется концом XVI века. Коренное население Ижмы также вполне могло войти в состав нового этноса, который сложился из четырёх народов: коми (удорцев и вымичей), русских (новгородцев, архангелогородцев), ненцев и печеры.

Центром формирования ижемцев стала Ижемская слободка, расположенная в верхнем течении реки Ижмы (недалеко от нынешнего села Ижмы). Первое упоминание о селе Ижма датировано 1576 годом.

Происхождение ижемцев издавна привлекало внимание русских историков и этнографов. «Ижма населена трояко-го племени народом, – писал в XVIII веке академик Иван Лепехин. – Первые поселяне были зыряне. Ижемцы обитали около реки Ижмы и в других местах Яренского уезда. Затем к ним присоединились многие российские семьи, и некоторые из самоедов, принявших святое крещение. Все сие жители говорят по-зырянски».

Фото А. Артёева.

Преобладающую роль в происхождении ижемцев сыграл коми народ, поэтому и в языке больше коми слов, нежели русских и ненецких. Но ненецкое влияние пропадает в физическом облике некоторой части ижемцев, в их языке, в материальной и духовной культуре. Удивительно, но некоторые ижемцы имеют какие-то южные (итальянские, балканские или кавказские) черты. Так мою тётю, коренную ижемку, приехавшие на север бизнес-вумены с Кавказа, принимают за свою землячку. Встречаются среди ижемцев и яркие блондинки и жгучие брюнеты.

Вообще ижемца легче всего можно узнать не по внешности, а по фамилии. Их можно условно разделить на три типа: русские, коми и ненецкие. Перечислю несколько типично ижемских фамилий: Артеевы, Чупровы, Каневы, Рочевы, Филипповы, Вокуевы, Хатанзейские, Терентьевы, Ануфриевы, Сметанины, Истомины, Хозяиновы, Витязевы, Кожевины и другие. Часть фамилий ижемцев и их ближайших соседей устремлены совпадает. Некоторые фамилии можно перевести: Рочев означает «Русский», а Канев – «Кошкин». Как когда-то мне рассказал то ли в шутку, то всерьёз известный лингвист Евгений Игушев (которого хорошо помнят в Сызябске как бывшего учителя местной школы), фамилия Артееев в переводе с ненецкого языка означает «охотник на морского зайца». Правда, до революции наша фамилия звучала и писалась несколько иначе – Артіевы. На Ижме после революции мы стали Артееевыми, а наши кольские родственники сохранили в фамилии букву «и» и стали Артиевыми. Как-то мне довелось познакомиться с известным ненецким шаманом, художником и путешественником Филиппом Ардеевым. Возможно, что у нас фамилии имеют общий корень. Так или иначе, но все Артеевы – ижемцы, и, скорее всего, все в той или иной степени родственники. У других народов и этнических групп коми эта фамилия не встречается.

Окончательное становление ижемской этнической группы – изъватас – можно отнести, видимо, к середине XIX века.

Пассионарии севера

До революции ижемцы отличались крепким здоровьем, большой физической силой и выносливостью. Их характеризовала деловитость, решительность с хорошей долей авантюризма, уверенность в своих возможностях, сила, умение и смекалка в преодолении трудностей на новом месте. Эти характеристики применимы и к современным ижемцам.

Если рассматривать ижемцев с точки зрения пассионарной теории этногенеза Льва Гумилева, то их, наверное, можно назвать пассионарным народом. Они способны к восприятию чужой культуры, отзывчивы на всяческие начинания, энергичны, обладают личной инициативой, способностью ориентироваться в опасности. У них развиты дух предпринимательства, сметливость, независимость. Также исследователи отмечают, что ижемцы малоконсервативный народ, жадно поглощающий всё полезное из русской и ненецкой культуры.

Обследование Печорского края в 1903 году показало, что: «телосложением и чертами лица коми-ижемцы мало отличаются от русских: они среднего или высокого роста, физически хорошо развиты и красивы собой. Народ чрезвычайно

гостеприимный, деятельный и предприимчивый, особенно в торговых делах. Их характеризует высокая нравственность, доброе отношение к детям и любовь к семейной жизни. По физическому состоянию дети ижемцев далеко превосходили сверстников из Западной Европы».

А олени лучше

Первоначально ведущими хозяйственными занятиями изъятые были охота, рыболовство, скотоводство и земледелие. Но в XVIII–XIX веках при сохранении прежних занятий ведущей отраслью экономики становится оленеводство. Пересяв его у ненцев, ижемцы за небольшой срок усовершенствовали и превратили его в товарное производство, совершив в этой отрасли настоящую революцию. Они освоили и разработали совершенно уникальную модель оленеводства, совместив в своей культуре кочевые навыки ненцев, бытовую культуру – русских, сохранив при этом коми культуру. Нигде в мире не было «бригадно-вахтового» способа оленеводства, такого, как у ижемцев. Основу этому дал опыт оленеводов, отказавшихся от постоянной кочевой жизни и научившихся пригонять стада на зимний период к своим сёлам.

Ижемцы внесли в оленеводство чёткие сроки кочевания, время и пути движения, круглосуточную охрану от волков собаками, от рассеивания и потери оленей. При этом со стадом ходили только пастухи, остальная семья жила в селе. Был улучшен чум, усовершенствованы одежда и обувь оленевода. Развили производство замши из оленьих шкур. Также была направленной селекцией улучшена порода оленей. Все эти новшества затем переняли ненцы.

К началу XX столетия, по официальным данным, численность оленьих стад ижемцев составляла более 300 тысяч голов, а по неофициальным – полмиллиона. В публикации 1865 года указано, что в Ижме редкий хозяин не имеет от 500 до 1000 голов оленей. Торговля продукцией оленеводства, рыболовства и охоты стала важной составляющей хозяйства. Ижемцы стали торговать не только на обширных территориях европейского севера и Зауралья, но и в обеих российских столицах, и даже в Париже и в Лондоне.

Ижемские купцы возводили на родине школы и храмы, строили электростанции и замшевые заводы, потому что замша входит в моду и приносит огромные прибыли. В конце XIX – начале XX века в почти каждом ижемском селе были свои предприниматели. Они вели всю мелкооптовую торговлю на территории российского севера от Кольского полуострова до Обской губы.

Но не только предприимчивость и деловая хватка позволили ижемцам развернуться на всём севере европейской части России и за Уральским хребтом, а также тяга к грамоте, постоянная жажда «быть не хуже других», знание окружающей природы, независимость, упорство, природная хитрость.

Фото А. Артееева.

Мои предки век назад тоже были крупными оленеводами. Поголовье оленей у них исчислялось тысячами. Но потом грянула революция, гражданская война, коллективизация, раскулачивание. Прадеда Михаила Артееева, зная, что он из богатого рода, несколько раз приговаривали к расстрелу (кто именно – красные или белые – сложно сказать – скорее и те и другие), но родне удавалось выкупать его жизнь.

Но ижемская система оленеводства была фактически разрушена в советское время. После революций, перестроек и всех событий века минувшего, оленеводство утратило свои масштабы. Сейчас в республике осталось всего около трёхсот оленеводов. По данным статистики, на 1 января 2010 года в оленеводческих предприятиях Коми поголовье оленей составило порядка 64 тысяч голов. Поголовье оленей в Коми могло быть на 31 тысячу больше, если бы в республику вернулся СПК «Ижемский оленевод и Ко». Именно столько оленей насчитывается в этом крупном хозяйстве. Базируется «Ижемский оленевод и Ко» в селе Сизябск, но с 2005 году предприятие зарегистрировано в Ненецком автономном округе. В 2010 году «Ижемский оленевод» стал лидером по поголовью стада в Ненецком автономном округе. Сейчас в НАО зарегистрировано 21 оленеводческое хозяйство. Общее поголовье оленей здесь – 127 тысяч.

Ижемская диаспора

Оленеводство стало тем фактором, из-за которого ижемцам пришлось обжить северные просторы. Постоянно растущее поголовье оленевых стад, ограниченная ёмкость оленевых пастбищ, массовый падёж животных из-за эпизоотий, оскудение естественных биологических ресурсов – всё это гнало ижемцев на восток и на запад российского Севера в поисках новых пастбищ. Соседями ижемцев стали саамы, ненцы, ханты и манси. Один из родов Артееевых даже дошёл до Финляндии, и по сей день в этой стране живут потомки выходцев из Ижмы. Правда, их фамилия изменилась и стала Арттиефф. В 2009 году в Ижме на празднике Луд я встретил финку Тарью Арттиефф, которая искала в районе своих родственников по мужу – ижемцу Аймо.

К началу XX века изъватас освоили всю среднюю Печору, бассейны Колвы и Усы, основали поселения в Большеземельской тундре, на Кольском полуострове и в низовьях реки Оби. По переписи 1897 года коми население Печорского края насчитывало 22 тысячи человек, около 10 тысяч человек проживало за пределами края.

Великое переселение на запад коми-ижемцы совершили более века назад. В середине 80-х годов XIX века первая группа оленеводов решилась на переселение на Кольский полуостров. В 1897 году в Кольском уезде находилось уже 117 коми-ижемцев и 25 ненцев, в 1900 году в Ловозерском приходе ижемцев имелось 70 человек мужского и 56 человек женского пола.

Кольский полуостров ижемцы в XIX веке уже знали – некоторые из них успели побывать в тех краях, подрабатывая на рыбных промыслах. Они убедились, что на полуострове достаточно места не только для оленеводов-саамов. Первым на Колу отправился Мартын Терентьев из села Няшабож. Он вернулся и убедил нескольких оленеводов, что переселяться можно. С собой переселенцы взяли несколько тысяч оленей и самое необходимое имущество.

Переселение растянулось на несколько лет, и только зимой 1887 года первые ижемцы осели близ Ловозера. Эпидемия, а вернее эпизоотия, сибирской язвы в 1896 году вынудила новую группу ижемцев и примкнувших к ним ненцев тронуться в сторону Белого моря. В конце XIX – начале XX века сюда прибыла третья волна ижемских переселенцев. В 1915 году в поселении Ловозеро жили около пятисот коми мигрантов. Сейчас в Ловозерском районе проживает примерно полторы тысячи коми-ижемцев. Они живут в Ревде, Каневке, Сосновке, а наиболее многочисленна диаспора в сёлах Ловозеро и Краснощелье.

Как в 1971 году в этом убедился известный учёный Любомир Жеребцов, первым из коми этнографов побывавший в экспедиции на Кольском полуострове, кольские коми сумели сохранить язык, многие характерные черты традиционной культуры и быта.

Хорошо обжились ижемцы и за Уралом. Их торгово-посредническая деятельность имела большое значение для Березовского округа северо-запада Югры. Ижемцы обеспечивали коренное население необходимыми товарами, являлись сильными конкурентами для русских торговцев. Ижемские купцы монополизировали торговлю почти всеми продуктами оленеводства и, частично, рыбой и пушниной. Их торговая деятельность связывала северные окраины Тобольской губернии с Европейским Севером и, транзитом, – с Центральной Европой.

Зауральские народы, соседи, называют коми «фараонами». Это название появилось во второй половине XIX века, когда у ижемцев возникла торговая конкуренция с русскими. Выдвигались опасения, что коми являются серьёзным соперником для русского населения и что со временем они станут «господами по всей низовой Оби». Поэтому появились ярлыки, имеющие негативный характер по отношению к ижемцам, – в том числе и «фараоны».

Так, за относительно небольшой период времени ижемцы расселились от Ямала до Финляндии.

Численность населения в Ижемском районе, по данным всероссийской переписи 2010 года, составляет более 19 тысяч человек. Около 80 процентов населения района – это ижемцы. Помимо этого, ижемцы сейчас компактно живут на территории шести российских регионов: Республика Коми, Ненецкий, Ямalo-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа, Мурманская и Архангельская области. Ижемцев можно встретить на Новой Земле, в Малоземельной и Большеземельской тундрах, на Кольском полуострове, священном острове Вайгач.

Богатая Ижма

Позапрошлый век стал эпохой «великого открытия» России. Путешественники, писатели, этнографы пошли в «народ», и оказалось, что имперская глубинка – дальние волости и уезды – не менее интересна и экзотична, чем джунгли Новой Гвинеи или пустыни Австралии. Одним из первооткрывателей провинциальной России стал Сергей Максимов (1831–1901). Его по праву называют первым и лучшим отечественным писателем-этнографом. Никто из русских писателей не путешествовал в XIX веке так много, как Максимов. Причём это были не кратковременные командировки, иные поездки длились больше года. Сергей Максимов исходил всю Россию: от Белоруссии до Тихого океана, от Каспия до Кольского полуострова – и оставил более 20 томов литературного наследия.

Путешественник, этнограф, фольклорист, писатель, издатель, общественный деятель, он начал изучение России в 1855 году и сделал путешествие своим методом и предметом литературы. Его первый бестселлер «Год на Севере» вышел в свет по следам экспедиции 1856–1857 годов, часть маршрута которой проходила по северным территориям Коми края. Именно со страниц этого двухтомника российские читатели впервые узнали о жизни и быте коми-ижемцев. К сожалению, после революции книга почти не переиздавалась.

Работа над книгой «Год на Севере» началась с того, что летом 1855 года Великий князь Константин Николаевич обращается к директору департамента морского министерства князю Оболенскому с просьбой о подыскании и привлечении творческих сил на исполнение государственного дела – описания российской глубинки. Условия поездки были привлекательными – целый год литератор имел солидное содержание, доступ к губернским морским и этнографическим архивам и свободное передвижение по всем дорогам России. «Литературная» экспедиция состоялась: Островский поехал на Верхнюю Волгу, Потехин – на Среднюю Волгу, Писемский – на Нижнюю Волгу; Афанасьев-Чужбинский отправляется по Днестру и Днепру; Михаил Михайлов исследует Урал; Филиппов – Дон, а самый молодой из литераторов, включённых в экспедицию, двадцатичетырёхлетний Максимов едет на Север. «Морское начальство, не желая стеснять таланта, вполне предоставляет вам излагать ваше путешествие и результаты исследований в той форме и в тех размерах, которые вам покажутся наиболее удобными, ожидая от вашего пера произведения его достойного, как по содержанию и изложению, так и по объёму», – такое наставление получили литераторы от министерства.

Всего за пять дней Максимов добирается из Петербурга до Архангельска. Половину зимы писатель занимается в архангельских архивах, и только в начале мая 1856 года, после двух с половиной месяцев «теоретического» ознакомления с губернией, он отправился на «практику». Максимов проехал по побережью Белого моря, побывал в Лапландии, на Соловецких островах и на Печоре. Местное население дивилось на этого городского «чудака», который живо интересовался их жизнью и всё записывал. Удивляло и подкупало мужиков то, что у «молодого барина» была борода. На всё путешествие ушло четыре месяца, а на всё предпрятие – год. Появившийся в 1859 году «Год на Севере» моментально стал бестселлером и сделал автора модным писателем. Русское географическое общество удостоило книгу Малой золотой медали. Первый том «Белое море и его побере-

жье» состоит из 10 глав, во втором томе глав больше, из них девять первых объединены заглавием «Поездка на Печору». Сюда и вошли главы об Ижме и Усть-Цильме.

Максимов описал множество народов Российской империи. Но одними из первых «инородцев», встретившихся на его длинном пути, оказались коми-ижемцы. В книге «Год на Севере» автор посвятил ижемцам целую главу. В ней он описывает: «Общий вид селения и характер зырян, по личным наблюдениям. Разные способы ловли мелкой рыбы. Быт зырян, домашний и общественный».

«Поедешь ты в Ижму – увидишь там храмы Божии каменными и во всём благолепии; угощать тебя будут по-купецки...» – так начинается глава «Село Ижма». И действительно, прибывшего в ижемскую волость путешественника поразила красота церквей, «несравненно богаче, чем в самом Архангельске, и каких нет в других местах Архангельской губернии», а также то, что «ижемские церкви, все до одной, вплотную были набиты молившимся народом».

Второе, что поражает Максимова, – это ижемское гостеприимство: «Радушно встречает меня хозяин отводной квартиры. Тащит снизу несколько тарелок: с баранками, с изюмом, с пряниками, с кедровыми орехами... бутылку хересу, гра-фин водки. Наливает густого, как пиво, чаю, просит класть сахар в стакан и не жалеть, приносит густые сливки и обещает обшарить завтра всю волость, чтобы достать лимон. С утра являются почтенные старики и, не зная, чем ещё угостить, ставят на стол осетрину, варёные оленины языки и губы, удивительно вкусные и редкие свои блюда. «Нарочно по твоего благородия на вечер олень колотлы: отведуй: оченno нам отлично буде!» – приговаривают зыряне».

Достаток ижемцев, по мнению Максимова, указывает на присутствие в их характере «предприимчивости, толковости, находчивости, изворотливости – одним словом, того, что характеризует коммерческого человека. С товаром своим они повсюду поспеваюt. В последние десятилетия видали малицу ижемца и в Москве, и на нижегородской ярмарке, и в костромском Галиче: являлся он здесь как представитель оптовой продажи мехов, выделанных шкур и лосин. Одних только замшевых заводов у них насчитывается до тридцати. Птица, рыба, оленины шкуры, рога, языки, сало оленье и говяжье, масло коровье, песцы, лисицы, куницы, выдры, моржовая и мамонтовая кости, пух и перья, гагары шейки и прочее – всё в руках ижемских зырян, этой смеси коренных зырян с людьми русской крови новгородского происхождения. Не гнушаются ижемец и мелочной торговлей по соседним печорским селениям, доставляя туда всё необходимое в деревенском быту и сбывая всё это с поразительной честностью и добросовестностью. В ижемцах должно признать положительную честность, патриархально блюдомую во всех коммерческих предприятиях. Давши слово, зырянин верен ему до гробовой доски». Благодаря этому ижемцы быстро вытеснили с Печоры всех заезжих купцов, в том числе и таких сильных конкурентов, как пермские чердынцы. Ещё любопытный факт – местные богачи, давая взаймы деньги землякам, не только не берут расписок, но и просят никому не говорить об этом. А могут и великодушно простить долг в 6 тысяч рублей.

Другие отличительные черты местного населения – высокие нравственность и «плодовитость». «До сих пор ижемцы сохранили всю целомудренную чистоту нравов, – пишет путешественник. – Ижма в этом отношении поразительна во

всём Архангельском крае, составляя удивительное, замечательное исключение... Зыряне, как известно, плодятся изумительно, от достаточной ли жизни или от постоянного пребывания отцов в среде семейств. Деревенские улицы в солнечный день и церкви в праздники до половины наполнены ребятишками». По хозяйству ижемкам помогали домработницы – бедные самоедки и устьцилемки.

Обратил Максимов внимание и на то, что в коми языке только недавно появилось слово «грабить». Раньше не было необходимости в этом слове, да и в замках на дверях. Двери в богатые дома просто подпирали палками, да и то не от людей, а от рогатого скота.

Несмотря на такую «утопию», уже полтора века назад ижемские старики считали, что нравы стали портиться, а парни забывают свои обычаи, курят, пьют и посещают «усть-цилемских раскольниц».

Причуды ижемской архитектуры

Ижемский район всегда славился своей архитектурой. Все путешественники прошлого и настоящего с восторгом описывали каменные храмы и деревянные терема северян. Многие дома в позапрошлом столетии здесь возводились двухэтажными. В советское время в купеческих домах размещались школы, мастерские, сельсоветы. Некоторые хозяева, чтобы не лишиться кровя, перестраивали дома – убирали второй этаж. Когда-то подобной переделке подверглось и «родовое гнездо» моих предков, живших в селе Сизябск. Кроме желания строиться с «размахом», у ижемцев всегда была ещё одна отличительная черта – строить оригинально.

Ещё недавно в центре села Мохча можно было увидеть «деревянный небоскрёб» – трёхэтажный дом. Причём третий этаж был не мансардный, а самый настоящий. Четвёртым «этажом» можно было назвать чердак. Подобных громадин в районе, да, пожалуй, и вообще в республике больше не было. К сожалению, недавно крепкий ещё дом снесли.

Почти трёхэтажными домами можно назвать два сохранившихся в райцентре здания. В доме постройки 1886 года находится ижемский краеведческий музей, а похожий на него дом 1902 года – ныне здание райотдела образования.

Фото А. Артееева.

Третий этаж в бывших купеческих домах – это мансарда, или, по-местному, «вышка».

Село Мошьюга основали в XVIII веке. Именно с той поры – 1790 года – и сохранился один из домов. В этом году деревянной постройке исполнится 222 года (!). Жилой дом Филиппова – одна из самых древних известных сегодня жилых деревянных построек на Севере. Дом не производит особенного впечатления. Он обшил, обновлён и, по мнению специалистов, обезображен крыльцом-тамбуром. Только присмотревшись, замечаешь его необычность, непохожесть на более поздние типы ижемских домов. Обычно у домов здесь крытый двор располагался за избой. У этого дома его жилая часть и крытый двор со взвозом располагаются по торцовому фасаду, причём изба приходится на южную, более светлую и тёплую, сторону. Это древнейший из известных типов печорского жилища. Исследователь народного зодчества Маковецкий относит подобный тип дома к «дому кошелем», имевшему распространение на нижней Печоре. За прошедшие два века дом неоднократно перестраивался и обновлялся: прорублены окна на чердаке, где оборудована летняя горница. Окна избы расширены и добавлены новые. Тем не менее, в основном сруб остался без изменений. Зайдя в сени, можно увидеть седые от времени крупные брёвна, такие же, из каких в старину строились церкви. Способствовало сохранности дома и то, что он поставлен на фундаменте из дикого камня. Из каменных плит выложена и площадка перед крыльцом. Через улицу стоит другой, похожий дом, лишь немного «помоложе». Тип дома «кошелем» в XIX веке был вытеснен пятистенками и шестистенками.

Мошьюга, глухая деревушка, основанная в XVIII веке, росла и в XIX веке стала селом. Как всякое село, она должна была иметь свою церковь. Церковь здесь была построена во второй половине позапрошлого века. Но большого интереса она не представляет. Куда интереснее её колокольня.

Построена она в 1884 году из лиственницы взамен сгоревшей. Мошьюга не была таким богатым селом, как Ижма, Мохча, Сизябск, и каменную церковь с колокольней построить не могла. Но и отставать от других мошьюгинские жители не хотели. И местные плотники срубыли деревянную колокольню – точную копию каменной мохчинской колокольни. Сейчас это единственная сохранившаяся в

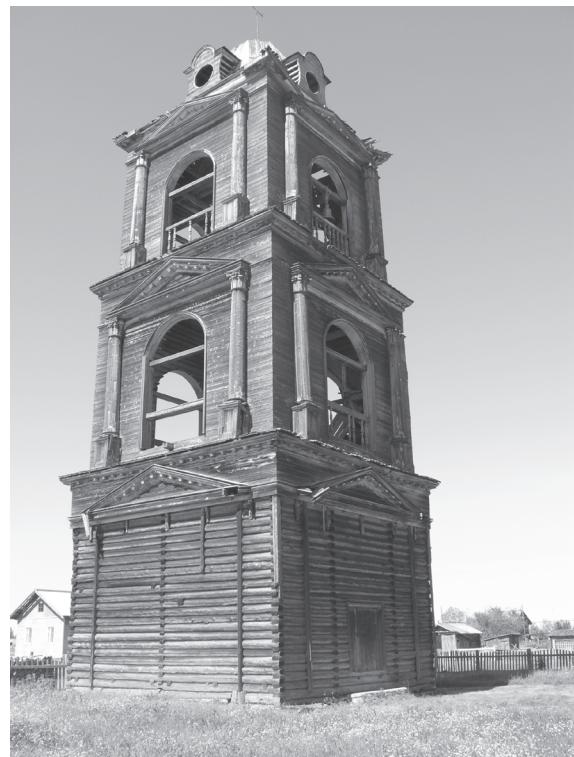

Фото А. Артееева.

районе деревянная колокольня. И, что примечательно, построена колокольня была без единого гвоздя, подобно всемирно известным памятникам деревянного зодчества на острове Кипки.

«Колокольня трёхъярусная. Рубка тщательная, «в лапу», без выпускных концов. Каждый ярус выделен приставным декоративным портиком с колоннами. С большим искусством вырезаны коринфские капители колонн. Отделка карнизов сухариками тоже должна была создавать иллюзию каменного сооружения. Выпуклая четырёхскатная кровля завершалась шпилем с крестом. Мастера даже воспроизвели люкарны на кровле. Нельзя не поразиться мастерству плотников, поставивших такую громаду и так сложивших друг на друге три сруба. Известен мастер, руководивший её возведением, – Канев из Красноборска, села в низовье реки Ижмы. Это – памятник ижемским умельцам», – пишет исследователь Севера Генрих Гунн.

Ещё недавно колокольню за хорошо заметный крен называли местной «пизанской башней». Но, видимо, поняв, что никто со стороны не приедет её выпрямить, а если крен будет увеличиваться, то она просто рухнет, мошьюгинцы решили сами её выпрямить. Для начала жители села провели «раскопки» в фундаменте строения и укрепили его. Затем сделали громоотвод в виде креста, так как за 123 года в это строение трижды ударяла молния. К счастью, все пожары были потушены. После этого приступили к выпрямлению крена сооружения – было решено поднимать колокольню весом в 160 тонн домкратами. Медленный подъём строения продолжался около месяца.

Крест животворящий

Во дворе одного из домов села Сизябск, у дороги, стоит шестиконечный трёхметровый обетный крест, украшенный множеством небольших разноцветных лоскутков с нашитыми крестиками. Этот крест я хорошо помню с детства, и, кажется, что за последние тридцать-сорок лет он ничуть не изменился. Только раньше

он стоял на окраине, а сейчас Сизябск так разросся, что крест оказался уже в середине села.

По мнению местных жителей, этот древний деревянный крест – чудодейственный. Каждый год 9 августа – в Пантелеимон лун (день памяти святого великомученика и целителя Пантелеимона) к местной святыне совершают тайное паломничество больные и страждущие. Впрочем, жаждущие исцеления приходят и в любой другой день, вернее, ночь. Под её покровом на старом дереве креста появляется множество новых лоскутков ткани с

Фото А. Артееева.

нашитыми на них крестами. Желательно, чтобы они были спиты из одежды каждого исцелиться паломника. Считается, что таким образом можно избавиться от всех болезней.

Крестики на лоскутки нашивают в основном женщины, они и прикалывают их к деревянному кресту, чтобы предотвратить грозящее несчастье, смертельный исход болезни, мор скота, заручиться успехом у высших сил в каком-либо важном деле. Процесс этот сопровождается молитвами и просьбами об исцелении.

По местному преданию, этот крест был установлен ещё в позапрошлом веке во время крестного хода. Тогда в этом месте Сизябск заканчивался. С тех пор село разрослось, и крест оказался почти в центре села, за забором одного из дворов. Конечно, дерево в земле столько лет простоять не может, поэтому время от времени крест заменяли на новый. Вернее, меняли только доски на обшивке креста, а сама древняя основа оставалась прежней.

Несколько лет назад дорожники, асфальтировавшие улицы села, захотели спрятать старую дорогу и предложили передвинуть крест. Неожиданно этому воспротивился хозяин двора, где находится обетный крест. Он и другие сизябцы отстояли «недвижимость» местной святыни. И новую дорогу проложили рядом. Поразительно, но даже в советское время, когда в районе закрыли все церкви, ни у одного из воинствующих атеистов не поднялась рука на сизябский крест.

Сизябский крест снимала телегруппа НТВ, его изучали этнографы из Коми научного центра. По мнению учёных, придорожные, памятные, поклонные и обетные кресты имеют статус местных святынь, наряду с почитаемыми камнями, родниками и деревьями. Как рассказывают старожилы, ещё в 1950-е годы в Сизябске стояло шесть подобных крестов. Они «закрывали» ведущие в селение дороги, не пускали нечистую силу – лешаков, «ходячих» покойников (рассказы о них распространены у местных жителей), охраняли от мора и падёжа скота. Со временем кресты порушились, упал и этот крест. Но спустя несколько лет его подняли и установили поблизости от того места, где он стоял прежде – у дороги, ведущей на старое кладбище.

Традиция установки или восстановления обетных крестов существует и сегодня. Так, в деревне Ёль три года назад был поставлен деревянный шестиконечный крест с двускатной крышей на территории усадьбы молодого предпринимателя. Инициатором была его мать. По её словам, в 1940-е годы неподалёку от этого места стоял деревянный крест. Некоторые сельчане, в заботе о братьях наших меньших, приходят сюда 2 августа – в день Ильи-пророка, который считается покровителем домашних животных. Они прикрепляют к кресту лоскутные крестики за здравие своих оленей, коров, лошадей.

«Живая» и «мёртвая» вода

Такие люди, как болгарская прорицательница Ванга, всегда вызывали большой интерес.

Когда Игорь ослеп, он, хотя и не был крещёным и верующим, от отчаяния начал молиться о том, чтобы Бог вернул ему зрение. И через восемь месяцев случилось чудо. Зрение пришло, но не телесное, а духовное. Игорь стал видеть

Фото А. Артееева.

без усов. Вначале глянул он на меня сердито, а потом уже нормально посмотрел. Рубашка без воротника и поверх что-то из мешковины. Стоял на одном колене, как Серафим». Ещё Игорь видит ангелов. «Когда человек рождается, у него есть два ангела: хранитель и спаситель, — уверен он. — Они стоят как между людьми, так и между человеком и Богом. Ангел может показать мне, что с человеком что-то не то. Если другой человек за тебя молится, то он помогает твоему ангелу-спасителю. А как выглядят ангелы, не могу сказать. Они не как люди, не как лешаки, они какие-то иные. Если человек тяжело больной, но у него я вижу ангела, то я могу уверенно сказать, что человек жить будет».

Любопытно, что Библию Игорь совершенно не знает, а крещение принял уже после появления своего дара. «Молюсь Боженьке, святым и усопшим своими словами на коми языке. Главное, чтобы молитва была от души, — уверен он. — Иногда у меня во время молитвы текут слёзы, и тогда самому становится легче после молитвы. А слёзы бесследно исчезают. Когда молишься, то слова сами по себе идут. Церковь за некрещёных не молится и не отпевает, а я молюсь. Это ведь тоже люди, божьи дети. А вдруг у некрещёного человека душа после смерти бесом пойдёт?» Недавно приходил к нему районный батюшко Владимир, выслушал и велел служить людям.

После общения с Богом и начали происходить чудеса, Игорь стал лечить людей. Он может снять порчу, сглаз, проклятия, делает живую и мёртвую воду. «Люди звонят или приезжают, — рассказывает Игорь. — После беседы у меня на-

Бога и души людей, места, где он никогда не был, спрятанные вещи и множество того, что скрыто от обычных глаз.

Всё началось с того, что он увидел во сне молящегося Прохора (так звали в миру Серафима Саровского). Правда, Игорь не сразу понял, кто этот безбородый длинноволосый старец в белом балахоне и в странной шапке с крестом. О том, кто это был, Игорь понял только тогда, когда по радио или телевизору услышал, как выглядел Серафим Саровский. Потом к нему во сне явилась Божья матери. Она благословила слепого. «Сейчас священники носят свои кресты поверх одежды. А у Серафима и Божьей матери, когда я их видел, крестики были спрятаны под одеждой. Видны только верёвочки от них на шее, — удивляется Игорь Григорьевич. — Видел я как-то и Бога. Волосы чёрные, длинные, на подбор. Лет тридцать пять, но

чинаются видения, и я вижу души тех, с кем разговаривал незадолго до этого. Я вижу души живых и мёртвых. Причём многие из них умерли ещё до моего рождения. Душа – или по-нашему – урес – это двойник человека. Поэтому через душу я могу увидеть и тело человека. И сидит душа не в теле, а ходит рядом. Душа и тело похожи, только тело умирает, превращается в прах, а душа живёт вечно. Перед смертью человека она становится «громоздкой» – увеличивается в два раза. А на сороковой день после смерти тела она «возвращается» в свои размеры, и уже такой и останется навечно жить рядом с нами. Но увидеть сразу душу сложно. Хотя иногда души показываются мне ещё до встречи с человеком, а иногда «проявляются» во время беседы. Но встречаются и такие люди, у которых я не вижу души. А если ничего не вижу, обманывать не буду – так и скажу, что ничем помочь не могу».

Сглаз или порчу Игорь снимает бесплатно, также не берёт денег за то, что изгоняет шеву. Только от алкоголизма «кодирует» за деньги, потому что не считает это болезнью, а только глупостью человека. Поэтому он уверен, что любой человек и сам может перестать пить, если только захочет. А если воли у человека нет, то и лечить от этого бесполезно.

«Сглаз я определяю по глазам человеческой души. Они должны быть симметричными, – делится секретом знахарь. – А если один глаз прищурен или закрыт, то это значит, что человека сглазили. Мужчина сглазить не может, на это способна только женщина. Женщина может лишь подумать о ком-нибудь, посмотреть на человека и уже невольно сглазить. Иногда она даже не виновата в этом, всё происходит независимо от её воли. А есть ещё вомидз – порча дурным словом. Это когда человек был здоров, удачлив, а потом его похвалил кто-нибудь и всё – у везунчика начинается «полоса неудач». Вомидз можно определить по губам человека. Если один уголок рта опущен или приподнят, то, значит, у человека порча. Шева, или по-ижемски – висян – это когда человек начинает говорить или кричать не своим голосом. Мужчина говорит женским голосом, женщина – мужским. Пятнадцать лет назад я впервые изгонял шеву из одной бабушки. Хотя и я молился у себя дома, а она была за несколько километров от меня, но её шева зло бросалась на меня. Но потом я её одолел, и шева ушла. Шева – это страдающая после смерти человека душа, она и выглядит как обычная душа, только усохшая. Она не может найти себе приют и поэтому прилипает к другому человеку. Шевой может даже родная бабушка стать. Когда человек при смерти, и вокруг него собрались родные и близкие, шева может «выскочить» и «прилипнуть» к любому из них. Поэтому нужно молиться».

Весной 2008 года Игоря не стало.

Лодки и пимы

Моя «малая родина» село Сизябск всегда славилось своими мастерами. Здесь каждый мужик легко справится с любой столярной работой и сможет возвести если не дом, то хотя бы баню. Женщины тоже не сидят сложа руки – шьют, вяжут, готовят. Но есть в селе и мастера «узкого профиля». Если кому-нибудь будет нужна новая лодка, то рыбак не переквалифицируется в «корабела», а обратится к своему земляку Владимиру Демидову.

Первую свою лодку он смастерил в 1971 году, когда вернулся из армии. «Казанки» были в дефиците, да и стоили дорого. Поэтому парень посмотрел-посмотрел на чужие лодки, взял в руки топор да и смастерил свою. Вышла она не очень, но плавала. Сколько всего лодок с тех пор пришлось построить, мастер не считал, но то, что в его «флоте» уже не менее полусотни «кораблей», он уверен.

На строительство одной лодки уходит примерно месяц, если работать с утра

Фото А. Артееева.

до ночи. Больше времени требует заготовка материала. Самым сложным мастер считает поиск еловой кокоры для киля лодки. Дерево ищет осенью, лодку строит обычно зимой. Подходящее дерево не срубается, а выкорчёвывается с корнем, который идёт на носовую часть лодки. Для по-перечных креплений – упругов – нужны согнутые в дугу ели.

Демидов работает дедовскими инструментами, так как уверен, что они надёжнее и никогда не подводят. Однако древесину мастер пропускает на современ-

ной пилораме, делая нужные доски. Ширина доски – 15 сантиметров, толщина – два. Всего на лодку требуется дюжина досок – по шесть с каждой стороны – и 3654 гвоздя. «Самое сложное – это первые две нижние доски, – делится опытом мастер. – Они самые ответственные, и делать их нужно очень осторожно, так как они могут сломаться. За ними уже легко идут остальные».

Лодки мастер не смолит – собирает их так, чтобы не было щелей и хватало одной покраски. К тому же в воде доски разбухнут, и никакая вода не просочится. Вообще-то, чтобы лодка дольше прослужила, её нужно красить каждый год и не оставлять на зиму под снегом без прикрытия.

Наибольшее количество демидовских плоскодонок «трудится» в тундре. Оленеводы обычно заказывали по три четырёхметровые лодки в год. Лёгкие и прочные судёнышки легко помещаются на нартах. Они необходимы тундровику в летнем пути к морю, чтобы преодолевать ручьи, реки и озёра. В районе Демидов известен не только как корабел, но и как... гимнописец. Благодаря ему Сизябск, возможно, единственное коми село, где есть свой гимн. Слова к гимну «Тані ме ола» (Здесь я живу) написала учительница английского языка из местной школы Нина Канева. Мне довелось стать свидетелем, как она удивила канадских студентов. Те приехали в Сизябск, чтобы изучать местную культуру и фольклор. И вот как-то канадцы, встретив под пологом чума женщину в старинном сарафане и платке, попросили спеть что-нибудь из местного репертуара. Нина Ивановна подумала да и спела... «Yesturday». Причём песню исполнила с хорошим английским произношением, да и в музыке не сфальшивила. Окончательно канадцев добило то, что после этого сельская учительница исполнила несколько песен на их родном, французском, языке.

Буквально в пяти минутах от дома Демидова – нужно только спуститься с горки – творят сельские мастерицы. Хотя современная одежда вытесняет из обихода привычную национальную, но зимой на Севере по-прежнему лучшей обувью считаются пимы, а в тундре никакая «аляска» не сравнится с традиционной малицей. За её простотой – уникальный крой и веками отшлифованная технология шитья и обработки материалов. После выделки олены шкуры становятся мягкими, а мех – пушистым. Нужно несколько дней тяжёлой работы, чтобы шкура стала мягкой и податливой, чтобы из неё можно было сшить удобную и тёплую одежду. Не считая выделки шкур, на шитьё малицы уходит около двух недель. Раньше пимы и малицы шили в тундре, а лучшими мастерницами были жёны оленеводов. Впрочем, и сейчас многие из них шьют на дому, принимая заказы от земляков. Но двадцать с чем-то лет назад в Сизябске появилась мастерская по пошиву меховых и кожаных изделий. С самого начала во главе мастерской стояла Зинаида Бокуева. Хороший администратор, она сплотила рабочеспособный коллектив, но сама несколько лет назад ушла с этой должности и занялась турбизнесом: поставила на горе чум, купила оленя, обустроила гостиницу – и сейчас в селе не иссякает поток туристов. Те же самые канадцы уже несколько лет подряд приезжают на всё лето.

Костры Луда

Лето – это юбилей и пора одного из самых популярных в Ижме праздников – «Луд»... Испокон веков ижемцы в одну из белых летних ночей выходили «лудынвойлыны» (гулять на лугах). В середине 1930-х годов эта традиция прервалась. Возобновили гулянье только шестьдесят лет спустя, в 1997 году. Причём время внесло свои корректизы. Так, если раньше праздник проходил на острове

напротив Ижмы, то сейчас место проведения более доступно – луг, рядом с мостом на зареченские сёла.

Несколько раз я побывал на «Луде». Днём на местах проведения праздника проходят конные гонки. Затем с много-километрового шествия по Ижме начинается сам праздник. Женщины надевают старинные парчовые сарафаны, передающиеся по наследству.

В десять часов вечера на свежескошенной части луга загораются родовые или семейные костры. Все деревни и сёла «возводят» свои небольшие подворья. Продают выпечку, красноборскую голубую глину, вертепскую «живую воду» и диюрские «чудо-венники». Женщины в ста-

Фото А. Артёева.

Фото А. Артееева.

неводством испокон веков являлась одним из главных занятий ижемцев. Но если День оленевода в Ижме отмечается уже много лет, то День охотника – праздник ещё молодой. Его проводят по инициативе жителей деревни Ласта. Место проведения праздника выбрано не случайно. Ведь именно в Ласте в 1927 году было образовано одно из первых в республике охотничье-промышленных товариществ – кооператив «Ударник». Руководил им потомственный охотник Семён Канев. До революции деревня славилась своими оленеводами, но при советской власти их раскулачили, а оленеводство «искоренили под корень». Вот и осталась ластинцам одна только охота да рыбалка.

В 2000 году ластинцы прославились своей борьбой за неприкосновенность родных лесов на территории заказника «Сэбысь». Парму отстояли, возможно, благодаря тому, что большой нефти в пробной скважине не оказалось. Тогда борьбу возглавил Алексей Канев. Он же и начал проводить День охотника. «Идея праздника витала уже давно, – вспоминает Алексей Семёнович. – Есть День колхозника, День учителя, врача... Почему же не быть Дню охотника?» Первый День охотника в Ласте провели в декабре 2004 года. В соревнованиях тогда участвовали восемь человек. С этого всё и началось. На второй год решили отмечать в марте – светлее. К тому же, по языческим представлениям, в конце марта начинается Новый год. Призы выделило республиканское охотничье общество. Но настоящего масштаба праздник достиг только в 2007 году, когда появились спонсоры, постоянные участники и зрители.

Я был на этом празднике в марте 2008 года. Охотники перед выходом на сцену переодевались в малицы, лузаны, готовились показать свои трофеи: шкуры

ринных парчовых сарафанах и платках поют и водят хороводы...

С Лудом связан и такой обряд. Потомки оленеводов, разъезжающиеся в поисках пастбищ по всему Северу, обязательно брали с малой родины саженец черёмухи, чтобы вырастить у себя дома. Деревца раздавали в горшках, землю в которые собирали со всего района, а поливали такой же общинной водой. И деревья эти, черёмухи, наверное, растут и за Уралом и на Кольском полуострове... Всюду, где живёт ижемец, «изъватас»...

Есть на Ижме и праздник охотников. «В охоте заключается их главное средство к существованию, в ней же и их поэзия», – писал про коми-ижемцев Сергей Максимов. Он отметил, что «край, населённый народом коми, холоден и неприятен, но богат своеобразными произведениями природы: лесом, дичью, пушным зверем и рыбой».

Действительно, охота наряду с оле-

нико-ижемцами

Фото А. Артееева.

добытых зверей, тушки птиц и даже замороженную рыбу. Начинался праздник с «дефилем» охотников. Зрители и жюри должны были оценить костюмы и снаряжение участников состязаний. Большинство из них облачились в своеобразную куртку-сумку из плотной ткани – лузан. На спине лузана в особой петле крепится топор, в заплечный и нагрудный мешки-карманы сложена дичь, силки, соль, спички, патроны, другое охотничье снаряжение, запас еды, а к петлям на груди подвешены шкуры. Больше всего охотники гордились своими поясами. Украшенные металлическим орнаментом, медвежьими зубами, многие пояса являются семейной реликвией и передаются из поколения в поколение. На каждом ремне – нож в красивых самодельных ножнах. Современных ружей на празднике не было, зато некоторые из конкурсантов прихватили с собой хорошо сохранившееся кремневое оружие позапрошлого века. У большинства охотников в снаряжение входили широкие лыжи (некоторые на них и пришли в Ласту) и длинные узкие сани для добычи. У многих были с собой кой бедь (шыя бедь) – крепкая палка с заострённым железным наконечником, которая служит лыжной палкой, помогает определить крепость льда, поставить капкан и даже может разить медведя наповал.

После открытия праздника все зрители и участники дружно отправились к берегу Ижмы. Здесь охотников ждала полоса препятствий. Рискнули её пройти не все – только двадцать участников в возрасте от 11 до 59 лет. Первым пример показал сам Алексей Канев. Он скатился на лыжах с горки, метнул аркан на олены рога, переправился через сугроб по бревну, достал «куницу» с дерева, прошёл на ходулях, метнул топор, копьё, выстрелил из лука и перепрыгнул через сугроб при помощи шеста. Вслед за организатором всё это повторили поочерёдно остальные участники соревнований, как дети, так и взрослые. Последней полосе прошла единственная среди мужчин охотница Вера Канева (жена охотника Петра Канева).

Зрители с высоких сугробов следили за ходом соревнований. Группы поддёржки – девушки в ижемских нарядах – кричали и били в колотушки. Тут же на площадке играли гармонисты, зрители водили хороводы и пели. По самым скромным подсчётам, зрителей собралось не менее трёхсот человек.

Призы по причине вынужденной малобюджетности Дня охотника оказались скромными. Охотников награждали термосами, примусами, сапогами, палатками, чехлами для ружей. Зато никто из участников праздника не остался без поощрительного приза.

В последние годы из каждой поездки на Ижму я привожу новые журналистские материалы. Часть из них вошли в этот очерк. Но, как известно, нельзя объять необъятное, поэтому мне удалось описать, конечно, далеко не все аспекты жизни ижемцев и Ижмы. Надеюсь, будут новые поездки на Ижму, а значит, будут и новые очерки...

Александр Панюков

Александр Александрович Панюков родился в 1936 году в селе Макаркерос Корткеросского района Коми АССР. Окончил историко-филологический факультет Кировского педагогического института.

Историк-публицист, писатель, прозаик, журналист. Почётный гражданин с. Корткерос.

На земле Ижемской

Через час пятнадцать минут самолёт вынырнул из толщи густых серых облаков, и перед нашим взором предсталася венчозелёная парма, извивающаяся среди лесов и весей р. Ижма с расположенным на её правом берегу селом Ижма... В Сыктывкаре, откуда мы прилетели, шёл дождь, а здесь падал снег, гуляла вьюга. С первых шагов на ижемской земле слышу тянувший к себе мягкий приятный говор – изъватас сёрни. Встречающим нас женщинам Екатерине Николаевне Усачевой и Татьяне Николаевне Филипповой рассказываю о своих планах. Приехал сюда с целью изучения культуры и быта ижемцев, узнать, какими путями-дорогами ижемцы с давних пор приезжали в Нёбдино на Афанасьевскую ярмарку и привозили на оленых нартах царскую рыбу – сёмгу, оленину, парки, пимы из оленьего меха; как олени чомы добирались до Вишерской Богородской церкви, где ижемцы покупали амулеты – кусочки рога священного оленя, висевшие при входе в этот храм, и чтобы поклониться образу Вишерской Божьей матери, счи-тавшейся чудотворной. Хотелось бы и заодно выяснить, какими путями ижемцы шли на богомолье в Ульяновский Троицко-Стефановский монастырь, что на Верхней Вычегде, заказать у нынешних оленщиков грузовые оленьи нарты для музея, и наконец, выяснить, что нынешние жители Ижмы знают о жившем на р. Куче, притоке р. Ижмы, легендарном Яг-Морте, а также прочитать в Ижемской ср. школе лекцию о 620-летии коми письменности, Стефане Пермском и kortkerosком колдуна Корт Айке. Идём по центру села, на отведённую квартиру по ул. Хатанзейского – Героя Советского Союза, коренного ижемца.

Навстречу едут рысью и вскачь подводы-кошевки, встречаются пьяные мужики, из небольших киосков видны батареи бутылок с горячительными напитками.

Заходим в дом под номером сорок. Хозяин дома Серапион Григорьевич Терентьев и жена его Елизавета Васильевна приветливо встречают нас. Серапион Григорьевич много лет работал ветфельдшером, с оленными стадами кочевал в тундре, жил в Корткеросе, знает сёла Маджа, Пезмог, реки Вычегда, Локчим, Пожъян, Кия. Многое в жизни пережила и повидала его мать, Варвара Фёдоровна Терентьева, которой исполнилось уже 80 лет. Отец её, Фёдор Ипатьев, был писарем, дед Гаврил казначеем в волостном правлении. Елизавета Васильевна родом из д. Ласта, что в 10 километрах от Ижмы. Дом их, как и у большинства ижемцев, одноэтажный, но по высоте значительно ниже домов на Вычегде. Внутри же дом довольно вместителен: пять комнат с прихожей, веранды. Из кухни вторая дверь выходит в хозяйственный двор. Ретирадное место на улице, отдельно, как и у сибирских коми. Елизавета Васильевна, не мешкая, собирает на стол, приглашает на кухню обедать.

— По дороге из Ижмы в д. Ласта есть «Олься места». Когда проходишь мимо — слышны странные звуки: блеяние, плач, человеческий говор, — рассказывает за обедом Варвара Фёдоровна: — Однажды я иду из Ласты и слышу, навстречу идёт подвода, запряжённая в двойку. Лошади весьма норовистые, идут вскачь. Телега мчится с бешеною скоростью. Крикнула я, чтобы остановились. Но подвода промчалась мимо. Вскоре лошади и подвода исчезли из виду. На телеге никого не было. Пронеслись, и наступила тишина. И так не раз бывало.

Варвара Фёдоровна налила чаю, отпила несколько глотков. Перебросилась несколькими словами с сыном и снохой и продолжила: «Однажды, этак, с лет тридцать тому назад, пастухи, пасшие стадо коров у р. Кучи-ю, а была я тогда дояркой, на берегу р. Кучи, там, где в него впадает ручей, видели открытую большую пещеру-чом. Никто не знает, кто там жил. Ныне, говорят, остатки этого чома имеются».

— В чём-то эта пещера-чом напоминает жилище Яг-Морта, — добавил я. — По преданию-то как раз она в береговом обрыве была вырыта, — напомнил я слова из предания.

Варвара Фёдоровна встала из-за стола. Прошла в смежную комнату и принесла толстую палку длиной в аршин с четвертью (около 91 см — А.П.).

— Раньше вокруг селения ночные дозоры были. У каждого дозорщика на руках вот такая палица. Палица эта с узорами разными: кольцами, канавками, крестиками вырезанными. У каждого своеобразная. И в другой руке палка — в две четверти чуть менее (в четверти 18 см — А.П.). Длинную палицу упираешь в плечо и левой кистью держишь в упоре. Правой ударяешь по ней. Удар — звук, ещё удар, ещё звук. У каждого свой звук. В селе знали, кто сегодня в ночном дозоре ходит. И с медведями три раза встречалась. И все три раза у р. Кучи. Но хозяин леса меня ни разу не тронул. Может, потому что дух Яг-Морта там витал...

Поговорив ещё о Яг-Морте, о поездках в тундру, с ветфельдшером разговорились об оленях, оленных людях, нартах...

— Оленеводы больше живут в Сизябске, в колхозе «Ижемский оленевод» они работают. Это селение недалеко от Ижмы. Там же и можете заказать для музея нарты, — поясняет Серапион Григорьевич, — узнать о путях-дорогах ижемцев на Вычегду, оттуда, в основном, и ездили.

— А о том, как прежде жили, об истории Ижмы могут рассказать старожилы Устинья Фёдоровна Хозяинова, 90 лет, Полина Канева, 92 года, Пелагея Ивановна Попова, около 80 лет,— добавляет Елизавета Васильевна.

Договорившись с Александрой Серапионовной Поповой (дочь Терентьевых, ведёт коми язык в школе) о чтении лекции «620 лет коми письменности» в их классе и поблагодарив хозяев за гостеприимство, выхожу на улицу. Дальше путь по Ижме...

Ижма — одна из самых красивых сёл на севере. Крепкие, добротные, одно- и двухэтажные дома стоят вдоль улиц его. Параллельно улице Хатанзейского идёт ул. Советская. Почти напротив дома Серапиона Терентьева на круче реки стоят остатки дома братьев Поповых, Михаила и Николая — виноторговцев в Ижме. Невдалеке от него, по Советской же, трёхэтажная коромина со множеством окон — бывшего торговца мануфактурными товарами А. Е. Филиппова (Зиня). Тут же где-то дом чердынца, пароходчика Степана Николаевича Норицына и его наследников: Устины Никоноровой, Андрея Степановича, Николая Степановича, Людмилы Николаевны...

У домов редкие приземистые сосны и лиственницы. Улицы и многие ещё ныне стоящие дома «знают» приезжавших сюда флигель-адъютанта Крузенштерна, литератора и промышленника, члена императорского вольного экономического и географического обществ, почётного потомственного гражданина г. Устьы-сольска Василия Николаевича Латкина, печорского лесничего барона Эммануила Павлова фон Тизенгаузена, лесного кондуктора Ивана Петрова Кузнецова, объездчиков: Семёна Артеева, Никиту Чилипанова, Андрея Чупрова, Алексея Семяшкина, лесников: Василия Дуркина, Антона Витязева, Михаила Терентьева, оленных людей: Ивана Антонова Чупрова и Максима Артеева, епископа Архангельского и Холмогорского Иоанникия (приезжал в 1903 г. летом — А.П.). Иоаникий был последним епископом, который совершал богослужение в 1903 г. в Ижемской Преображенской церкви.

Церковь в Ижме одна из самых древних. Первая основана была в 1600 году. За ней была тоже деревянная церковь Ильинская, построенная в год 1678-й. Ныне рядом высится полуразрушившиеся строения каменного храма Преображения Господня, построенного в 1803–1828 гг., и деревянной церкви, построенной в 1861–1863 гг. Рядом с каменным храмом с 1835 года высилась каменная же колокольня. В храме было три престола: Преображения господня (на верхнем этаже), Пророка Ильи и Свято-Великомученикам Пантелеймоном (внизу). В деревянной церкви тоже три престола: Успения Пресвятой Богородицы, Николая Чудотворца и Митрофана и Тихона. В церковной библиотеке насчитывалось 88 томов книг (данные 1917 года), — по ф. 229 в ЦГА. Вблизи храма стояли дома причта: два у священников и два у псаломщиков и один у дьякона, выстроенные в 1854, 1861, 1899, 1905 гг. ижемскими прихожанами. Причту было отрезано 18 десятин, 1424 кв. саженей сенокосов (десятина = 1,09 га = 2400 саженей — А.П.). Пашней причт не пользовался. Взамен этого прихожане платили 82 руб. 40 коп. Священником с 24 сентября 1898 г. служил Василий Николаевич Новиков (1867 г. р.), с 1915 г. января 2 дня ставший Благочинным первого Благочиния Печорского уезда. Имел доход в год: от казны жалование 300 руб., за обучение Закона Божьего в Ижемском двухклассном приходском училище — 150 руб., за ведение Закона

Божьего в Ижемском женском училище – 60 руб., кружечный сбор за требоисправления: отпевание покойников, крещение младенцев, венчание – 810 руб. и за заведование свечным складом – 3 руб. Жена священника – Александра Дмитриевна, дети: Елена, Василий, Валентина, Катерина, Юлия. Вторым священником был Ардалыон Александров Качин, 46 лет, по увольнении из 3 класса Архангельской духовной семинарии служил дьяконом в Мохченской Вознесенской церкви, с 1897 г. в Ижемской церкви. Жена – Юлия Андреева, дети: Иосиф, Николай, Ольга. Жалование в год из казны 300 руб., за преподавание Закона Божьего в одноклассной школе 60 руб. и доход за требоотправление 810 руб. Дьякон Павлин Семенов Микулин, 35 лет, жалование 150 руб., доход за требоисполнение 540 руб. С 1902 г. служил учителем в Сизябской образцовой второклассной школе. Жена – Нина Ивановна, дети: Николай, Евгений. Псаломщик Александр Иванов Жаворонков, 41 год. В Ижемской церкви с 1912 г., обучается в Архангельском духовном училище, женат третьим браком. Дети: от первой жены Тася, Нина, Гаврил; от второй – Лиза, Фёдор; от третьей жены – Параскова. Второй псаломщик Евдоким Моисеев Чупров, 29 лет, окончил Сизябскую второклассную образцовую школу, был псаломщиком в Устькохвинской церкви с 1903–1907 гг., в Ижемской церкви с 1913 г., жалование из казны 100 руб., доход за требоотправления 270 руб. Церковный староста Николай Иванов Попов, 50 лет. Сиротствующие: псаломническая вдова Анна Ивановна Синцова, 48 лет, дети: Мария, Александра, Михаил, Пётр, Клавдия. Получает пенсию от казны 100 руб. и для детей пособие из Эмеритской кассы 45 руб. в год. У духовного звания (причта) – 5 дворов, 12 мужского и 13 женского пола лиц. Всех прихожан на 392 двора 1433 мужского и 1590 женского пола. (ЦГА ф. 229. Оп. 1. Ед. хр. 23).

Рядом с храмом Преображения Господня расположены здания райадминистрации и райдома культуры, на самой береговой круче р. Ижма стоят старинные амбары-склады, из-за которых видны селения на том берегу: Бакур, Сизябск, Мохча. Напротив здания райадминистрации памятник В. И. Ленину, а к востоку от него – средняя школа.

Захожу ненадолго в отдел культуры. Расспрашиваю заведующую Нину Степановну Дегтяреву и инспектора Ольгу Ивановну Каневу об интересующих меня деталях. И снова иду по Ижме. Версты через полтора дома поредели, уменьшились в размере. Дорога повернула к востоку, слева вдали показалась елово-сосновая парма, справа – строения доручастка и в метрах ста от него – мост через р. Куча. Перехожу через мост на ту сторону, где дорога ведёт в аэропорт, и слева начинается дорога на Щельяюр. Останавливаюсь: «Здравствуй, легендарная речка Кучा-ю, место, где жил Яг-Морт!» Вспоминается рассказ Дегтяревой Нины Степановны.

– Да-да, странные места на р. Куче есть, – рассказывала она, – как-то один известный мне охотник построил там избушку. Живёт он там и каждый вечер туда же в избушку стал наведываться дед с длинной бородой. И каждый раз говорит, что это его место и нельзя было тут строиться. И пришлось ему разобрать избушку и перейти на другое место.

Познакомившись с Кучей, возвращаюсь в центр села. Захожу в редакцию газеты «Новый Север». Снаружи здание приличное. Внутри же поразили меня покосившиеся стены и лестница, широкие щели, маленькие комнатки для журналистов. Но более всего – метод общения с типографией, что внизу. Сотрудница

редакции подавала газетный материал вниз, в типографию, через широкую щель в полу. Я бывал в очень многих редакциях, но такого нигде не приходилось видеть. В трудных условиях работают ижемские журналисты,— заключил я и направился в местный краеведческий музей, расположенный на третьем этаже РДК.

В Ижемском музее

На полке исписанный простым карандашом блокнот. Читаю: «Д. Ласта, Али (выдано) 2 фунта сахару по 26 коп. и $\frac{1}{4}$ фунта чая по 40 коп. 25 января 1910 г.» Эту запись сделал ижемский богатей Зиня — А. Е. Филиппов. Рядом из чёрного мрамора чернильница с крышкой из бронзы. Ручка. Будто Степан Николаев Норицын только что пользовался пишущим прибором и поставил его на место. (О Нарицынах будет написан для «НС» отдельный очерк — А.П.). Рядом записи: «С. Н. Норицын в 1895 г. на Печоре открыл первую электрическую станцию». Над ними на стене план с. Ижма, составленный в 1850 г. На следующей полке Артеева Ивана Библия, выпущенная в 1832 г., которая побывала у 19 человек. Крестьянин из с. Ижма Егор Рочев в 1840 г. сделал на нём запись: «Один Бог знает о наших нуждах. На Бога вся надежда». Тут же Часослов 1836 года Истомина Егора. Рядом церковный колокол и венец из меди. На стене бронзовая доска с надписью: «В царствование императора Александра Павловича по благословению епископа Архангельского и Холмогорского начата постройка каменной церкви и окончена при государе императоре Николае Павловиче в 1818 г.».

Мы в Ижемском государственном краеведческом музее, который работает с января 1993 г. На стеллажах, на полу старая утварь, посуда, одежда, орудия труда, документы. Там и тут вышитые полотенца. На одном из них разноцветными нитками вышито: «Господину чиновнику по крестьянским делам Петру Платонову Матафину в день освящения нового здания для Мохченского училища от благодарного учителя Егора Филиппова 1899 г.» Учил Егор Филиппов в Ижме, о чём говорит находящееся здесь же свидетельство: «Егор Филиппов, сын умершего крестьянина Мезенского уезда Мохченской волости Ижемского селения и волости Ильи Никитина Филиппова, родившегося в 1871 г. апреля 6 дня, успешно окончил курс лечения в Ижемском в двухклассном училище, а потому имеет право на льготу третьего разряда при отбывании воинской повинности. В чём и выдано сие свидетельство за печатью училища. 1887 г. сентября 30 дня». В Ижме первая школа открыта 159 лет назад, в 1869 здесь открылось двухклассное приходское училище. В 1905 году для училища построено новое здание. Другие экспозиции рассказывают о становлении Советской власти на Печоре, гражданской войне, коллективизации, Великой Отечественной войне. Есть здесь и церковные книги и другие предметы. Организатором первого музея был Иван Фёдоров Ануфриев. Ныне музеем руководит его дочь, Тамара Ивановна Новикова.

Второй съезд изъватас

Сильные люди обосновались на высоком берегу быстрой р. Ижмы. Они научились держать оленей, делать замшу, не боялись ходить по северному морю-океану. Русский писатель С. В. Максимов высоко оценил смекалку, выносливость и умения коми-ижемцев. Отдельные от других коми – жизнь изменила их образ бытия, труда, одежду, жилища. Изменилось и произношение слов. К примеру, картофельную шаньгу с тонкой корочкой называют *калиткой*, рыбник-черинянь – *кулебякой*, крупу-шыдёс – *панов*, муравей-кодзувкот по-ижемски *кот кодзув*, уважаемого человека называют *мада*. Говорят ижемцев мягкий, привлекательный. Женщины в домах ещё носят длинные сарафаны, платок завязывают так, чтобы левый конец был выше правого. Конец платка называют *кепом*. Численность ижемцев более 60 тысяч, живут они по Усе, Печоре, Оби, на Кольском полуострове. Из изъватас вышли известные люди: Фёдор Терентьев из Красноборска: один из создателей вакцины от сибирской язвы, писатели: Яков Рочев, Владимир Попов, Яков Чупров, Егор Рочев. Кипиевцу Александру Чупрову и Андрею Хатанзейскому из Мохчи присвоено звание Героя Советского Союза. Из изъватас вышли олимпийские чемпионы Раиса Сметанина и Василий Рочев. В сентябре 1990 г. ижемцы основали свою общественно-политическую организацию «Изъватас», 19 марта 1993 г. проходил её второй съезд. Предложили зайти на съезд и мне. Приехали гости из Ловозера, с Оби, Усинска, Печоры, Сыктывкара. В зале очень холодно. Все, кроме президиума, сидят в верхней одежде. С докладом выступает Ф. Г. Вокуев – глава администрации с. Ижма, он же председатель «Изъватас».

– Как и везде, жизнь продолжает ухудшаться, – говорит он. – В прошлом году родилось на 53 ребёнка менее, чем в 1991 году, число брачующихся уменьшилось на 50 пар, за два месяца 1993 г. родилось 53, умерло 56 человек. Меньше выпускников школ поступило в вузы. Посещая дома в Ижме, Сизябске, многие мне говорили (С. Г. Терентьев, О. Ф. Кызродаева, Г. М. Канева, Я. И. Чупров и др.), что ижемскую районную газету выпускают на русском языке. Ведь если язык не используется, то он и исчезает как таковой. Язык – основа народа, исчезнет язык, исчезнет и изъватас. Ведь те, кто из ижемцев живёт в Печоре, Усинске, Сыктывкаре, уже не говорят на родном языке, не приучают к тому же детей своих.

Можно добавить, что и в самой Ижме многие уже не говорят на родном языке, и даже в школе, где я читал лекции о 620-летии коми письменности, пришлось говорить по-русски.

Попросив слово вне очереди, так как в 12 часов надо было выехать в Сизябск, я высказал свои мысли перед делегатами.

19.03. 1993 – 07.03.1994

Иван Кустышев

Кустышев Иван Сергеевич родился 21 июля 1962 года в дер. Ярпияг Интинского района Республики Коми.

После окончания средней школы в п. Абэзь был призван на Тихоокеанский флот. В звании старшины 2-ой ста-твы 3,3 года служил на минном тральщике.

После службы работал в совхозе «Фион». Затем три года трудился в Локомотивном Депо станции Инта котельщиком по консервации паровозов.

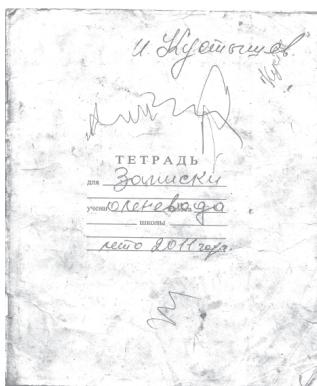
Дед и отец были оленеводами и, видимо, по зову крови обратно потянуло на вольные просторы Большеземельской тундры.

В оленеводстве работает с 1991 года.

Записки оленевода

24 июня 2011 года. Большеземельская тундра. Озеро Лёк Ямбо-ты.

Признаки цивилизации медленно, но верно стали доходить до самых дальних уголков России. Одна из них – космическая связь. Сегодня после разборки чума Таня звонила дочерям в деревню. При этом оказалось, что на мобильнике кончатся деньги, надо срочно пополнить счёт. На повторный звонок дети не откликались. Молчали друзья и родные в Инте и в Ухте. Наконец решились позвонить дяде в Сыктывкар. Он оказался в отпуске, на своей фазенде в местечке Морово, и в тот же день согласился выполнить нашу просьбу. Затем через две тысячи километров, как через стол, поговорили о том о сём, и в заключение он подал нам идею вести летом дневник кочевья. Записывать туда переходы (яндовки) и названия стоянок. А также про погоду и о больших и малых событиях в нашей оленеводческой жизни. Я согласился. Когда-нибудь, возможно, мы с интересом будем почтывать постаревшие уже к тому времени эти Записи. Итак, под звон комаров начинаем Сагу о яндовках. Повесть об одной бригаде оленеводов России начала XXI века.

Записная тетрадь И. Кустышева.

Чум стоит на южной оконечности озера Лёк Ямбо-ты. «Русское радио» сообщает: «В Сыктывкаре 17 градусов Цельсия, ветер южный». А у нас безветрие, третий день невыносимая жара. Я – на смене. Собрал стадо на вершину небольшого холма, и олени плотной кучей стоят на одном месте. По-коми – «жарасены».

Из дома, с деревни Ярпияк, мы с женой с двумя аргишами (обозами), в каждом по четыре грузовых нарт с имуществом для чума и продуктами, выехали 8 мая. Были забереги. Ехали до речки Сярма-ю по льду. Пока ехали – лёд подтаял, и еле-еле выбрались на берег. До

На фото стоят слева – Анатолий Терентьев, Костя Терентьев и Иван Сергеевич Кустышев. Сидит – Семён Терентьев, из Сыктывкара.

ходили торговые ярмарки. Погода была тёплая. Кругом вода и мокрый снег. При переходе подтаявших и оживших ручейков санные полозья налезали на высунувшиеся из-под снега кочки, сани опрокидывались или застревали между ними. Не раз рвалась упряжка, что задерживало движение. Одним словом – намучались. А когда выехали на тундру – через 2–3 дня ударили морозы, не сильные, но снег прихватило, и по насту за дровами до леса ходили без лыж.

Отёл прошёл нормально. Только прошлогодние телята, голов 300, ушли в находившееся рядом стадо 1-ой бригады.

Продолжаю под вечер.

Как уже писал, сегодня третий день жары. Оленных оводов, правда, ещё мало, но есть лошадиный овод. А вечером комары. Прошлым летом жара пришла в тундру только возле холма «Мирон мыльк», посередине летнего кочевья, где проходит водораздел рек бассейна Карской губы и реки Усы. Тогда в бригаде было шесть пастухов, работали в 4 смены, а в этом году нас всего четверо, и если будет жаркое лето, то намучаемся. Состав нашей бригады: Александр Терентьев – бригадир, Анатолий Терентьев, Алексей Канев, Иван Кустышев, Алёна Терентьева, жена Сани, дети: Дима – 4 года и Даша – 3 года; Татьяна Кустышева с сыном Алёшой в возрасте 7 лет.

В начале весны был пятый пастух, но из-за болезни пришлось оставить в деревне.

В обязанности пастухов входит караул оленевого стада, поиск, ловля и возврат в стадо отбившихся оленей. Женщины водят аргиши, разбирают и ставят чум, готовят еду, стирают и шьют-ремонтируют одежду и обувь пастухов.

Чум строится из трёх десятков длинных жердей, уложенных в треногу. Летом покрывают брезентом, зимой – сукном и брезентом.

Готовят на железной печке. В старину и при колхозах летом готовили на костре внутри чума. Чум покрывали «ёдумами», полотнищами из бересты. В отличие от брезента, быстро изнашивающегося на сгибах, он был лёгок и не промокал, служил 20 лет. Зимой грелись и готовили тоже на печке. Чум покры-

железной дороги нас на «Буранах» сопровождали Тимофей и Лёня.

Оленье стадо в это время находилось уже в лесотундре, где обычно проводится отёл оленей. Через прибрежный лес до тундры ехали по дороге «Симбей ворга», с незапамятных лет названной так в честь известного некогда оленевода. Вдоль речки Пальник-шор она идёт от самой тундры до деревни Пион-пиян (нынче – бывшая д. Фион), где в старину про-

вали в два слоя полотнищами из оленевых шкур, называемых «нюк» и «подньюче». На два «нюка» уходило 80 шкур. Покрытия чумов были тогда более транспортабельны, а чум более тёплый, но технология изготовления их трудоёмка и давно утрачена.

Сзади нас на расстоянии двух переходов (яндовок) идёт стадо 2-й бригады. Вчера слева был виден чум 1-ой бригады. Бригадир ездил к ним для координации действий. Сегодня наш чум переехал на северную оконечность озера Лёк Ямбогты.

25 июня. Смена прошла нормально, к вечеру подул ветерок, и комаров было не очень много. За ночь стадо доднalo чум. Вести их пришлось через многочисленные заросли ивняка, и телята уж очень медленно идут, но чум доднали. После часа дня на смену мне приехал Толик.

Чум яндовал за Выя вис (Маслянистый ручей). Через переход будет холм Молотовей. В старину, в колхозное время, — рассказывала как-то мама, — с этого холма каждую осень детей-школьников на оленевых упряжках отвозили в Воркуту, а оттуда уже поездом в Абэзь, в школу. Сейчас школьников за партии доставляют на вертолёте, что тоже является признаком цивилизации. Если, конечно, не упоминать, что нередко у государства нашего на это дело не бывает средств.

Высота холма Молотовей более сорока метров. На видном расстоянии здесь нет никакой другой мало-мальской земной выпуклости, и потому здесь он подобен скале Улуру, что в Южной Австралии. Отличается от неё лишь тем, что поверхность покрыта травой и керчью (карликовой берёзой), кустами голубики, брусники и водяники.

26 июня. Чум стоит на холме Молотовей. С утра жара. Воркута передаёт погоду: температура воздуха 28 градусов, ветер южный — 2 метра в секунду. Позади чума на бугре видно ненецкое кладбище. 3 могилы. Едем в стадо пилить панты.

Вечер 26-го июня. В чум вернулись в 11 часов (23 часа). Ездили с нами и Лёша Кустышев. Таскал рога в одну кучу. Носил воду в бутылках. Маленький, а помог нам здорово. Рогов напилили достаточно. Заодно словили беглецов, удравших из стада при чуме, 3-х упряженных оленей. Когда стали отъезжать из стада — показался раскрашенный в три цвета вездеход. Это по ранней договорённости через Воркуту приехал закупающий панты знакомый коммерсант. Загрузили в «Триколор» рога и налегке поехали в чум. Вездеход последовал за нами.

27 июня. С утра гудят комары. Их, кажется, стало больше вчерашнего. «Русское Радио»: температура воздуха -25° Цельсия». «Воркута»: днём будет $27-29^{\circ}$, влажность воздуха — 30%. Направление ветра не рассыпало.

После завтрака взвесили рога. 117 кг. На сумму стоимости пант женщины накупили у коммерсанта продуктов. Зарплата у нас, как у большинства россиян, мизерная, и таким образом выходим из положения. Вездеход отправился в обратный путь. Чум тоже поедет дальше, а я опять на смену в основное стадо.

Во время юркования, сбора упряженных оленей в загон, заметили: вырвавшееся

из рук пастухов стадо быков второй бригады несётся по ветру мимо нашей стоянки. Толик бегал на помощь соседям.

14 часов. Я уже в стаде. Яндовка-переход: Молотовей – Діа ты. Чум поставил возле Озера с островом (Діа-ты).

На этом мои записи могли закончиться. Дело в том, что когда в хорошую погоду олени отдыхают, – часа два лёжа пережёвывают жвачку, – я иногда тоже расслабляюсь: люблю попить чаю и почитать художественную литературу. Так было и на этот раз, а потом оказалось, что на месте отдыха позабыл очки. Вспомнил о них в конце смены. Пришлось возвращаться на довольно длинное расстояние. Стадо отмахало за ночь 10–15 километров.

Сменил меня Толик. С утра подул северный ветер. Комаров не стало. По дороге в чум попал под дождик.

В 18 часов нас догнали аргиши-обозы второй бригады. С этого дня до Летовки мы будем яндовать (переезжать, двигаться) вместе. Стада с телятами, конечно, отдельно и чумы разные, а упряженые олени-быки будут пастись вместе. Это нам очень выгодно. Во второй бригаде пастухов достаточно. Мы частично освобождаемся от пастьбы быков и тем самым целый пастух добавляется для работы в основном стаде. К тому же, при большом коллективе веселей живётся и работает.

…Вспомнил приезд коммерсанта. Вездеход в тундре – это, конечно, тоже признак российской цивилизации. Но они исполосовали все наши пастища, и эти следы скорее можно назвать следами безумного неандертальца, чем цивильного человека.

28 июня. Яндовка: Діа ты – холм Хэлэлэм. Толик и наш Лёша ходили на рыбалку, поймали трёх хариусов.

Хэлэлэм (по-коми – Хололом) – длинная возвышенность с десятком красивых холмов. Покрыта ягелем и кустами различных ягод. По краям начинает обильно цветти морошка.

К сведению Рыбинспекции.

Весной-летом, в период ежедневных переездов, оленей не забивают. Холодильников нет, и туши к вечеру протухнет. К тому же это лишний груз, а линяющие шкуры непригодны к использованию. Поэтому для поддержания сил и прокорма семьи вынуждены, волей-неволей, к сухарям и макаронам добавлять рыбу или птицу. В отличие от оснащённых новейшими техническими средствами рыбаков, – имеющих право на лов или нет – неизвестно, но опустошивших уже не одно тундровое озеро, мы, оленеводы, рыбачим по-божески – в меру и без вреда окружающей среде. Храним в душах надежду, что уважаемая Служба не посчитает это большим грехом.

29 июня. Яндовка: Хэлэлэм – Сявта-ты.

Протока озера Сявта-ты – Сявта вис – впадает в большую каменистую реку Каратайка, а она – в Карское море. Добрались-таки мы до морских вод, до водоиздела!.. Вкус речных вод, питающих нашу Усу, до осени уже не попробовать. Холм Мирон-мыльк в этом году остаётся немножко левее.

Утро было пасмурным. Ветер северный, резкий. Очень прохладно, но, слава Богу, лето в наших краях ещё не кончилось. К 9-ти часам небо прояснилось, выглянуло Красно-Солнышко, и во время юркования стало уже жарковато.

Сегодня вместо Толика был ведомым аргишой. Яндовка прошла легко. На северо-западных склонах и ложбинках Матушка-тундра ещё много припасла для нас снега. Толик ездил на озеро Никерема-ты проводить ненцев, с ранней весны охраняющих зимнее имущество оленеводов бывшего совхоза «Красный Октябрь». Узнать: нет ли больных и нужды в продуктах (чай, сахар, крупа, соль). Без взаимовыручки, без заботы о соседях в тундре жить не принято.

На протоке Сявта-вис сильно играет рыба. С сыном поставили сеть с перетягой. Сразу попалось 2 хариуса. Этим летом будет с кем рыбачить, — Лёша вполне уже хороший помощник. Время — 16 часов 40 минут. Пишу после чаепития. Сейчас займусь ремонтом саней, а потом снова осмотрим сети.

21 час. Время ужина. Ужин был царским. Даже не ужин, а Праздник Желудка. Толик принёс гуся, мы с Лёшой поймали 13 хариусов, 3 окуня и 2 чира. Наш коротконогий стол ломился от яств: оленина и гусятина, рыба жареная и рыба варёная, уха и, наконец, высший деликатес северных гурманов, — нярка из жирнейшего чира («нярка» — свежая мелконарезанная рыба без костей в рассоле).

30 июня. Засолили 12-литровое ведро рыбы. Ночью ещё попались 7 чиров и много хариусов. Яндуем: Озеро Сявта-ты — озёра Сюортэм Тыяс (Безрогие озёра). Вечером была ясная, тёплая погода. Земля сухая и чистая и, ради экономии времени при сборке-разборке чума, латы (деревянные доски-половицы) не заносили. А погода как капризная девица. Ночью прошёл дождь, по ложбинке вода затекла внутрь, и весь чум поплыл: посуда и тобоки (обувь) в лужах, и постели мокрые.

1 июля. На смене. Ночью выпал мокрый снег. Потом подул северный ветер и под утро пошёл сухой снежок. Днём пасмурно, то солнце, то тучи. Приехал в чум — уже юрковали. Не успел поменять упряжку. Яндовали: Сюортэм Ты — Мирон мыльк Юнко.

2 июля. Яндовка: Юнко — 2-ой Ярей ю — Кос мыльк (Сухой холм).

С утра пасмурно. Впервые за лето едем по нормальной дороге. Это старая, покрытая дёрном, ворга, по нему ездили в колхозное время. Через Хальмер мыльк она идёт на Море-ты. Нынче двигаемся по или вдоль (по целине) вездеходных трасс.

Едем с Саней в основное стадо. Маршрут для стада всё время будет проходить через рощи. По словам старых пастухов, они в 50-ые годы уже замечали, что тундра теплеет. По дороге есть большой холм, про который дядя Алексей говорил, что раньше там даже кустика не было, а сейчас на оленях не везде проедешь.

По дороге встретили двух пастухов с 1-ой бригады — Коля Канев (у Ксенофонта сын) и Лёша Валей (сын Степана). Бригадиром у них Миша Канев. 3 ноября ему исполнилось 50 лет. Оленеводов не балуют наградами, но всё же иногда про нас вспоминают. Весной 2001 года Михаил Ксенофонтович был на-

граждён Почётной грамотой Республики Коми. Как говорится – мелочь, а приятно. Не только ему. Всей бригаде, да и другим тоже.

Чум у них находится немного впереди нас, с левой стороны. Жена бригадира – ветеринарный работник при наших оленевых стадах.

Мой дед по матери, оленевод, имел медали: «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и Участника ВСХВ (Всесоюзная сельхозвыставка) за 1957 год, а дядя Алексей – «100 лет В. И. Ленину».

Отец три года воевал. Затем восстанавливал разрушенные фашистами мосты через реку Дунай в городе Будапешт, Венгрия. Имел ранение и боевые медали.

3 июля. Яндовка: Кос мыльк – Хальмер мыльк – Море вис.

Сегодня наш сын Алексей впервые сам своими руками поймал своих оленей в загоне и самостоятельно запряг свою упряжку из трёх быков!

С утра пасмурно. Лету, кажется, опять пришёл конец – за весь день Солнце не так и не выглянуло. Был небольшой дождь. Сейчас вечер. Собираемся ужинать. Толя и Саня Беляев уходили на охоту. Слышины были уже четыре выстрела. Интересно – что принесут. После ужина еду на смену.

4 июля. Под утро маленький туман. Олени шли по маршруту: озеро Кокай ты – Хальмер ты – озеро Красной рыбы – Парус Щелья. Довольно-таки большое расстояние. По дороге отстал хромой намнюку (олень-самец на втором году) с совхозным клеймом.

Толик сменил меня в 13 часов 30 мин. Освежевали хромого телёнка на мясо. Погода так и не наладилась. Чум яндовал на западный склон Мишень Вороп. До чума ехал больше двух часов рысью по трассе.

5 июля. Чум стоит на западном склоне Мишень Вороп. С этого места берёт своё начало большая ненецкая река Сибирчата. От нашей стоянки сразу три ручья текут-спешат, бегут к нему.

Сегодня не яндуем. Спали до 9 часов утра. Погода пасмурная.

Летом 1991 года недалеко отсюда, на параллельной стоянке, умер дядя Алексей, старший брат мамы. Настоящий Труженик. Человек с Большой Буквы. 36 лет руководил бригадой. Не одну сотню раз попадал под дождь и пургу, в жару и холод. Будучи ещё молодым, в 1955 году, когда по всей Большеземельской тундре свирепствовала острые инфекционные болезни парнокопытных животных – ящур, – благодаря смекалке и знаниям, полученным в Ижемской сельхозшколе, сумел спасти от верной погибели колхозное стадо. Значительно увеличил совхозное. Четверых сыновей и нескольких сельских ребят научил «не котирующейся», трудной, но нужной людям профессии оленевода.

Однако перед смертью попрощаться ему с родным стадом не удалось. Три дня подряд стоял плотный туман. В один день из более двухсот ездовых оленей смогли привести в загон лишь 26 голов. Видимость была не более длины аркана. На четвёртые сутки прояснилось. Собирались яндовать. Возле упряжки дядя Алексей схватился за сердце. Мы с Толиком бросились на помощь, пытались сделать искусственное дыхание, но было уже поздно. Он успел лишь промолвить:

«Тяжело. Душно. Если умру – здесь и схороните. Что смог – сделал. Дальше идите сами».

По новой поставили чум. Только успели занести туда тело – пошёл страшный ливень, вода волнами-волнами перекатывалась по стоянке.

Дозвонились по рации до конторы совхоза. Директор, добрый человек, сумел достать вертолёт, и перевезли тело в деревню. Позже мне дядя Семён говорил: «Капли дождя брызнули с безоблачного неба при выносе тела». Словно сама северная Природа всплакнула при виде безжизненного Труженика Тундры. «И во второй раз, – говорил далее дядя Семён, – после погребения уже, она не удержала своих суровых и горьких слёз!..»

На этих стоянках всегда вспоминаем и трагически погибшего при выпасе оленей дядю Ивана. Когда мы с женой начали работать в чуме, он нас учил, всё подсказывал и помогал. О, Господи, как сейчас нам не хватает вас, становых оленеводов, с вашим опытом и наставлениями!..

6 июля. Яндовка: Мишень Вороп – Военный ручей.

С утра пасмурно. Аргиш яндует, я еду в стадо. Неожиданно выглянуло солнце, стало петь, и сразу же появились комары. Смена прошла нормально. Стадо довёл до Военного ручья. Но чума не видно. Сменщик приехал в 13 часов 30 мин. Оказывается, на ручье стоит чум ненцев, и наши поехали дальше. На один дух («дух» – расстояние между остановками для отдыха грузовых упряжек, – 1–1,5 км).

7 июля. Иван лун (Иванов день). Не яндуем. Все, кто был свободен от дежурства, поехали во 2-ое стадо отлавливать быков. В чум вернулись в 16 часов 30 мин. Пасмурно. Ветер северный.

8 июля. Яндовали до Дрэбь шор. Ехали всё время по трассе. С правой стороны остались мусюры (большие возвышенности): Большой Вороп и Барка Вороп. Впереди завиднелись горы, расположенные параллельно побережью Карского моря. Это не Уральские горы, а отдельная горная гряда Пай-Хой-Из. По-коми они называются «Яран Из» (Ненецкие Горы). До летовки осталось 9–10 яндовок. Рыбных озёр в этом районе нет.

9 июля. Яндовка: Дрэбь шор – Сё сывъя ю (на речке слева от переката есть щелья в 100 саженей). Толик на удочку надёргал полведра хариусов.

10 июля. Яндовка: Сё сывъя (Стосаженная река) – Сэдъ ю (Прозрачный ручей). Приехал в чум после смены в 5-ом часу. По дороге собака Найда скушала трёх птенцов куропатки и одного кулика, гонялась за зайцами. А под конец «браконьерства», возле чума уже, поймала линялого гуся. Сама сыта и о хозяине подумала, будет что пожарить на завтрак.

Ночью был туман, к костру подходил молодой песец.

11 июля. Погода более или менее. Ездили в 1-ое стадо отлавливать оленей. Поймали 82 головы. Со мной ездил Лёша, ему понравилось.

12 июля. Петыр лун (Петров день). Стоим там же. Собираюсь в стадо. Ветер северный, благоприятный. Толик ездил в «Красный Октябрь».

13 июля. Яндовка: Сэдъ ю – Горы.

Утром ветер стих, тучи куда-то ушли, появились комары и солнце. Аргиши подъехали к горам. Они не очень высокие. Очень старые. С южной стороны пологий дернистый склон. Прекрасное пастище для оленей. На северной – широкая полоса голых камней и щебня. Там и сям огромные каменные глыбы. Далее – покрытые травой и дёрном каменистые бугры и холмы. Проезд очень затруднён. На южной стороне, недалеко от стоянки, отдельно стоят несколько высоких покатых скал. После обеда Лёша и дети со второй бригады часа два лазили по и между этими скалами. В расщелинах растёт папоротник, у подножья валуны покрыты лишайником, а в распадках, покрытых дёрном, – цветы разной окраски. Очень красиво. На вершине – ветерок и дивная панорама. Спускаться неохота.

14 июля. Горы – река Сибирчата – озеро Прокопей-ты.

Встал в 6 часов утра. Жарко, душно, ветра нет. Быки скопились у чума, «жарасены». Okolo 10 часов подул южный ветер, затем он переместился на запад, через час уже «норт». Комары попрятались. Быки разошлись подзаправиться.

Прошлым летом мы тоже останавливались возле этого, тогда ещё безымянного, озера. С Егором Артееевым со 2-ой бригады хотели проверить, есть ли там рыба, и поставили сети. Рыба там оказалась, значит, надо дать озеру название. Было это 21 июля, в Прокопьев день, в день, совпадающий с Днём моего рождения. «Ванька-ты» (Иван-озеро) – сразу же польстил было мне товарищ. Однако скромность украшает гомо сапиенс (человека разумного), и решили просто назвать её «Прокопей-ты». В честь церковного праздника. Хотелось бы, чтобы это название осталось за озером навсегда.

И на этот раз, как построили чум, поставили на озеро сети. Сразу попалось 5 хариусов. На рыбалку ходили со мной Вадим Рочев и наш Лёха. Через час схожу ещё раз, проверю. Озеро в диаметре чуть больше 300 м. От чума 0,5 – 0,7 км.

В сухую погоду река Сибирчата на этом месте мелкая, перешли «не замочивши ног». Ниже переправы правый берег на сотню метров из отвесных скал.

15 июля. Стоим на месте. Встал в 7 утра. Сети не успел проверить, возился с печкой. Поломалась дверца. Затем юркование и время ехать на смену. Остальные отправились в 1-ое стадо ловить арканами оленей. Погода – немного жара и ветер. Наловили больше 70 голов оленей. Они там находились с весны. На помощь приезжали пастухи с 4-ой бригады оленевого стада села Петрунь – Коля, Лёша и братья Беляевы. Маршрут их кочевья гораздо левее наших, по верховьям других рек.

16 июля. Приехал со стада. Чум яндовал на Кузь кытшыль ты (Длинное кривое озеро). На южном конце озера плавают стаи линяльных гусей. Озеро большое. Водится чир. С Лёшой поставили сети и такая досада: первый чир порвал сеть, не смог поднять в лодку. Вечером опять один чир ушёл. Эта рыба крупная, уткнётся носом в сеть и стоит, в сеть сильно не путается. Сеть должна быть с ячейй 50–60 мм, а у нас 40 мм. Другую взять негде.

17 июля. Проснулись под крики чаек. Кружат над озером. Среди них большой кутш (орёл). Он, наверно, прилетел за гусями, а чайки выгоняют его со своей территории.

Пишу до завтрака, а не будет лень – продолжу вечером. Сегодня выходной и не яндуем. Ветрено, очень сильно, с запада. В 10 часов сходили на озеро, попалось совсем ничего – 2 чира и 3 пеляди. Для этого озера это мизер. Второй бригаде тоже попалось всего 2 чира, 2 пеляди и 1 щука. На озере большие волны. Дождя нет.

18 июля. Утро. И всё-таки мы с Лёшкой «обхитрили» скучное озеро. Поставили сети против всех правил, – с северной стороны. Там травы нет, одна глина. И сразу же попались два больших чира и одна пелядь. Это было вечером 17-го числа. Сегодня опять сняли 9 шт. И это, конечно, мало, но всё же кое-что, чем ничего. Лёша уже вполне нормально гребёт на резинке (на резиновой лодке). Сегодня чум яндует дальше. А я опять на смену.

19 июля. Приехал со смены. Чум яндовал за Кэрэг мусюром.

По дороге в стадо попались линяльные гуси с выводками. Найда поймала одного взрослого, а сам – двух маленьких собаке на обед. Стадо находилось на берегу большой реки Сопча-ю, тоже впадающей в Карскую губу.

Впереди видны Нянь мыльки, 3 шт. Холмы круглые, как подовый хлеб. Справа, за рекой Сибирчата, виден дым чума старого ненца Максим Коля. С левой стороны чума в 10–12 км стоит изба Таркучей. Раньше там было многолюдно, но братья умерли, осталась одна сестра Таня. Сама и рыбачит и охотничает. Дочь живёт в посёлке Кара-Вом (Усть-Кара).

Напротив избы река Сибирчата широка и глубока, без лодки уже не переплещешь. Место слияния её с рекой Кара называется Сэври нырд (Сэври мыс). Слово «сэври» слышал когда-то от деда, означает название рыбы «севрюга». Есть ли она здесь нынче – не знаю.

Погода облачная, ветер западный. Нормальная погода. С неба не льёт, и не жарко. Смена прошла незаметно. Видел трёх лебедей. Долго любовался. Через две яндовки будем на месте Летовки.

20 июля. Яндовка: Кэрэг мусюром – Озеро Надермей.

Утро. Погода нормальная. Яндуем на Надермей. У озера видны рыбаки. Их – двое, живут в палатке. После установки чума, пообедавши, мы тоже поставили сети. Вечером приходил частник-рыбак Максим Коля. Ловит и сдаёт рыбу в приёмный пункт в посёлке Усть-Кара. Он находится за Карской губой, ниже устья Кара, отсюда около 30 километров. Ловится чир, пелядь, щука.

21 июля. Прокопьев день. Стоим на месте. С утра жарко. После обеда застучил на смену пасти быков. Ночью в 1-ом часу приехал с посёлка Кара на моторной лодке Лёшка Мартынович с зятем Олегом. Попили чай и в 2 часа ночи легли обратно спать. Засолили и закопали в землю два ведра рыбы. Чтобы не испортилась.

22 июля. Там же. Ездили в стадо за мясом. Много оводов. Карские гости, торговцы-коробейники, уехали вечером обратно. Ночью нет ветра, не штормит губа.

23 июля. Озеро Надермей. В 6 утра пошёл дождь. Ветер переменился на север. Стало прохладно. Сдал смену. Проверил сети и отдыхал. День прошёл незаметно.

24 июля. Озеро Надермей. С утра дождик. Облачно с прояснениями. Ветер северо-западный.

26 июля. Яндуем. Приехали. Ура! Летовке, к которой так стремились НАШИ! (т.е. – мы). Название, правда, у места не очень благозвучное – Номыресь мыльк (Бугор Опарышей), но вид отсюда – загляденье! Слева видна широкая пойма рек Сопча и Пут, – прекрасные пастища с небольшими засоленными местами, справа – река Сибирчата, а впереди – безбрежный простор морского прибрежья со множеством островов, называемых «шар», покрытых сочной травой. По краям их – низкорослый ивняк. Дальше этой стоянки сухой тверди, где можно было быставить чум, на нашем маршруте нет. Конец земли. У подножья холма вода в озере солёная. Берём её за 200 метров с другого озера.

2 августа. Летовка. Ильин день. До обеда лето, после обеда – осень. Вот и кончились месяцы белых ночей. Целую неделю отдыхали на одном месте. С завтрашнего дня олены копыта будут напевать: «домой, домой!» Жена соскучилась, волнуется по оставшимся в деревне детям. Кроме Лёши, у нас их ещё четверо. Троє дочерей – Маша, Саша и Вика. Живут под присмотром бабушки. Ей – 77, старшей дочери 15 лет. Старший сын служит в армии, в Московской области, в зенитно-ракетном полку.

В старину и при Советах в Ильин день отмечали Праздник оленевода. Прилетали артисты. Устраивались игры и гонки на оленых упряжках. Нынче этого нет. Сейчас мало женщин выезжает в тундру, а девушек и вовсе нет. Пастухам не перед кем показывать свою силу, ловкость и удачу.

Чем была примечательна наша короткая летовка?

Ну, во-первых: в отличие от прежних лет, погода стояла не очень плохая, прохладная, с небольшим ветерком. Олени паслись спокойно. А это самое главное. Оводов и комаров здесь не так много.

Второе: Лёша с мамой и с дядей Толей ходили на лодке в посёлок Усть-Кара. Привезли свежего хлеба, огурцов и помидоров. Сухари и морошка хороши, но ими мы можем и позже полакомиться.

Третье: я все дни был у чума, пас ездовое стадо. Стадо небольшое, голов триста, быки спокойные и послушные, не как молодняк в основном стаде. Не работа, а отдых у моря. С сыном Лёшем наловили столько вкусной белой рыбы, сколько наша деревенская ребятня за всю жизнь не ловили и не поймают. (Немного с сыном прихвастили.) Попадались, конечно, и камбала и прочие морские чудо-рыбы.

А 28 июля, в День Военно-морского флота, было вот что: как обычно, в полдень собирались юрковать. Подогнал стадо к чуму. Вышли пастухи, смотрим – из-за бугра появился отставший белый олень, затем – второй. Давай пастуха «ругать»: «Такой, сякой, полстада растерял!..» А я возьми и скажи: «Медведь, наверно, белый, в гости идёт». Под смех и шутки схватили бинокли. И точно – он, хозяин Ледовитого океана. Зрелище было что надо, это вам не верблюд в зоопарке!..

Бурые медведи, о встречах с которыми расскажу в своё время, не так велики. А этот огромный, важный, шагает величаво, в бинокль хорошо видно, как шерсть колышется. Нас «мандраж» взял немножко. Дробовики-то наши древние и без пуль. За мамой два медвежонка переваливаются, в метрах ста друг от друга. Один весь белый, а у второго только голова белая, а сам бурый какой-то, в грязи, наверно, вывалился. Не боятся, посмотрят в нашу сторону и дальше шагают. Но на юг почему-то.

Татьяна снимала на «цифровик». Но далековато было, и только белая точка вышла. Вот такое событие произошло на мой любимый праздник, в День ВМФ. В молодости служил матросом на Тихом океане. Во Владивостоке. На минном тральщике. Плавал на Японском море, видел берега других стран.

За прошедшую неделю два раза приезжали из Усть-Кары. А вчера знакомые муж с женой привезли лекарство для оленей и хлеба. Ночевали у нас. Впечатление на Летовке было, конечно, не мало, но главное – это всё же встреча с белым медведем. За все годы работы в тундре такого не бывало. И море рыбы, что мы с Лёшкой наловили!

Завтра аргиши поворачиваем на юг. Жара идёт на спад и для нагула стада яндовать будем реже, чем весной, с отдыхом 2–3 дня на одной стоянке. Писать тоже буду редко. После дождей появились грибы. Морошка красная, но местами и мелкая.

9 августа. Пантелеимон лун. Река Сибирчата – Кос ты.

Итак, продолжаю свой кочевой дневник. 3 августа сделали первую яндовку в сторону убывающего осеннего Солнца. Утром прошёл маленький тёплый грибной дождик. Благословил нашу дорогу.

5 августа в 23 часа 55 минут на небосводе увидел первую звезду, предвестницу долгой полярной темноты. 7 августа ездили в стадо кастрировать старых хор (старых самцов). Олени стояли у реки. Только подъехали, смотрим – кто-то плавает и ныряет в реке. Оказалось, что это тюлень, морской заяц! Ну и летовка в этом году! Это незабываемо.

К концу работы уставшее от беспокойства стадо поняло, видимо, каким «нехорошим делом» мы занимаемся, и часть её бросилась в воду, переплыла на другую сторону реки. Вернее, не на правый берег, а на один из островов реки Сибирчата. Река широкая. С быстриной. Скоро прилив. Плавсредств у нас с собой не было. Что делать?

Хорошо, что друзья и знакомые везде есть. В пяти километрах от острова в рыбакской избушке этим летом жила Таня Лаптандер из совхоза «Красный Октябрь». (В прошлом году на оленевых гонках в Воркуте она завоевала приз –

телевизор, а муж – снегоход «Буран»). Поехали с бригадиром к ней и попросили выручить. Она дала нам лодку-«казанку». Бензина не было. Пришлось тащить её волоком на двух упряжках все 5 километров.

Через час-полтора оленей обратно перегнали на нужный берег. Погода была солнечная, на реке – штиль. Переправу оленей снимали на «цифровик», но солнце было не с той стороны, отсвечивало, и плохо получилось. Такие переправы очень зрелищны, но для нас они весьма не желательны. Хорошо, что всё хорошо закончилось.

От Летовки сделали три яндовки. Чум стоит на месте, полной морошки. Вчера Таня с Лёшней собрали почти ведро. Сейчас утро после завтрака. Лёша ещё спит, а Татьяна снова направилась за ягодами. Толик занимается ремонтом. (Анатолий Терентьев – мой двоюродный брат. А постоянно упоминаю-пишу о нём потому, что мы живём одной семьёй, живём-ночуем и питаемся на одной половине чума. Жена его работает медработником в деревне, не раз тоже выезжала на лето в тундру. Дети взрослые. Старший сын служит по контракту в армии, младший – дома, дочь учится в Ухте. На другой стороне чума Саня с семьёй и пастух Лёша Канев).

На озере Кэрэг-ты мы с сыном опять наловили рыбы полный короб. Правда, больше щук, но и она на безрыбье «рыба», так как рыбных озёр опять долго не будет. Однако белой рыбы насолили ещё ведро. Тары большого объёма у нас, к сожалению, нет. Сами бочки не делаем и купить не у кого. Щук поставили сушиться.

Обычно олени-самцы сдирают с рогов меховую оболочку после Первого Спаса, а в этом году в ночь с 8-го на 9-ое «куштысис» первый хора. Гон будет ранний.

17 августа. От Летовки уже 7 яндовок (переходов). Опять стоим на реке Сё Сывъя. Погода испортилась, второй день измороюсь с сильным ветром.

15 августа с Лёшней опять ходили в горы. На самой высокой скале стоит маленькая вышка. Оттуда, говорят, в солнечную погоду в бинокль виден Карабом. Но была дымка, и мы Усть-Кару не видели, зато увидели чум 1-ой бригады. На обратной дороге спугнули зайчонка. Найда гналась по камням километра три. Не поймала. А вчера с сыном ходили смотреть каараль (большой стационарный загон), где совхоз «Красный Октябрь» ведёт пересчёт оленей. Приезжал Табак Вань, фамилия его – Пеналей. Взял приставших к нам четырёх своих быков. Ночью во время моей смены была сильная гроза с молнией. В горах она показалась жутковатой.

19 августа. Стоянка – Дрэбь шор. Стоим второй день. Второй Спас, Преображение. День рождения старшего сына.

В 6 утра ездил в стадо быков. Сильный туман. Измороюсь. Замёрз. Озёр рыбных нет, и по вечерам делать нечего, при свечах играем в карты. Во время яндовки щенки Гамлет и Чарли в первый раз бежали за аргишем своими ногами. А Гамлет даже переплыл речку. Свежей рыбы нет, едим морскую. Привозили гости с посёлка. Рыба называется Омуль. Очень жирная. При жарке масла не надо. И котлеты из щук теперь кажутся вкусными. Хорошо, что есть ещё несколько буханок «свежего» хлеба.

21 августа. Стоянка – Варка вис.

По вечерам в чуме становится уже сумрачно, зажгли керосиновую лампу. Возле гор и на летовке ивняка было мало, а сегодня вошли в зону «Зелёное море тайги». В каждой низине рощи. Не езда, а мучение.

Часть быков вчера ушла во 2-ое стадо. Сюда яндовали кое-как. Вместо четырёх в грузовые сани пришлось запрягать по два-три быка. На улице опять изморося и туман.

24 августа. Военный ручей. (Здесь некогда стояла воинская часть). Утро. Вчера ездили во 2-ое стадо за быками, привели 11 голов, осталось ещё 13. Погода мерзкая. Сегодня разделяемся со 2-ой бригадой. Они пойдут своей воргой, по своему маршруту, а мы свернём влево, на Мишень Вороп.

С посёлка Кара-Вом по мобильнику Таня звонила родным, детям и дяде в Сыктывкар, а отсюда связи с Большой землёй нет. Мешают горы. Дядя был рад звонку, хвалил, что ведём дневник. После школы он поступал в техникум учиться на ветеринара с целью вернуться на помошь отцу и братьям. Но жизнь сложилась иначе, пришлось жить вдали от родных мест. Работал мастером, механиком на крупном механическом заводе. Ремонтировал станки и механизмы. Работа нравилась. Но душа и сердце его всегда, видимо, были с оленями. Всегда тепло отзывался о детских годах, прожитых в тундре. Недавно издал книгу рассказов из жизни оленеводов.

25 августа, четверг. Мишень Вороп.

Вчера, только отъехали, – пал туман. Аргиши двигались вслепую. Перед стоянкой он рассеялся, а потом опять выпал до утра. Ехали долго, с остановками, чай пили уже около 23-х часов.

Вчера же, на старой стоянке, мимо чума проехал, не останавливаясь, вездеход. Через два часа с северо-востока на юго-запад пролетел вертолёт.

Сегодня ездили во 2-ое стадо за оставшимися быками. Гуси летают стаями. Осень уже вплотную подошла в тундру. Связи с Большой землёй нет.

28 августа. Стоим у озера Лун Тэла-ты. (Озеро Южного Ветра). Ловим рыбу.

Во время яндовки сюда Лёша, мальчик «без недели» семи лет, некоторое время вёл аргиш у дяди Толи. Мы с Саней ездили в стадо кастрировать хор.

Сегодня Успенье Пресвятой Богородицы. По радио общались с соседями.

29 августа. День рождения сестры Августы. Живёт в Сибири.

Чум переехал на озеро Мишка-ты. Вчера, УРА! по радио слушали Первую программу телевидения, а сегодня уже голоса «Русское радио» и «Воркута».

Погода переменная, ночью был заморозок. Во время юркования минут пять шёл снежок. Сейчас солнечно. Ветер северный. Уже который день, оказывается, видны Уральские горы, и звёзд уже уйма на небе, а мы всё ещё были в неведении. Но несмотря на это наша маленькая автономия продвигается к Цивилизации. Медленно, не спеша, но верно.

7 сентября. Осень пришла к нам, а мы пришли на Мирон Ямбо. Заходили в гости к Микиту. Он всё лето сторожил зимнее имущество оленеводов-ненцев.

Мирон Ямбо – последнее рыбное озеро. Впереди есть ещё озеро Бэлбан-ты, но мы там обычно не ловим. С утра – туман. Вчера пришло известие, что вертолёт за школьниками прилетит после 10-го числа.

10 сентября. Стоянка – озеро Абар-ты. Это озеро упоминается в известном романе «Два друга» коми писателя Я. Рочева.

Незаметно пролетело время. На носу Семён лун, мы уже близко от Воркуты. Через одну яндовку будет сотовая связь. Погода наладилась. Бабье лето. Ждём вертолёт. Обещают на 12-ое число.

С сыном смотрели звёзды. Видели 2 спутника. Наблюдали северное сияние.

13 сентября. Речка Выя вис. Прилетел вертолёт и увёз Алёшу. Лучше бы он не прилетал.

21 сентября. Движемся вдоль Воркуты. В бинокль видны останки сооружений близ Хальмер-ю, взорванных ракетами одним из наших Президентов. Россия бесподобна: сегодня строим, завтра – ломаем.

Погода хорошая. Сухо. Земля пересохшая, и олени тянут тяжело. На Янейты впервые за прошедшие две недели ловили рыбу. Плохая весть из Ярпияка.

24 сентября. Видны шахты посёлка Воргашор.

Погода хорошая. Позавчера ездили в стадо. У оленей идёт гон. В стаде специфический запах. Хоры дерутся до того, что калечат друг друга. Ноги ломают.

25 сентября. Едем-едем, а Воркута всё под боком. Чум возле Мульды. Тепло. Утром небольшой дождик. Лето продолжается.

27 сентября. Речка Яр-Вож. Недалеко от чума «новые русские» строят дорогу, роют котлован под новую шахту. Читал в газетах, – хозяином будет частная компания. Это в районе Юнь-Яги, первой железнодорожной станции от Воркуты.

28 сентября. Там же. Строители стреляли в наших быков. Одного убили. Сук...! Толик и Лёша Канев прибежали мне на помощь. Браконьеры увидели их и удрали на мотоцикле. Два человека. Ещё одного быка ранили.

Яндуем за холм Поконича-мыльк. Звонила дочка Маша.

29 сентября. Стоянка перед Поконича-мыльк.

Утром на траве иней. Днём хорошая погода. Ездили в стадо.

Здесь, возле станции Хановей, тоже идут работы по постройке ЦОФ (центральной обогатительной фабрики) для новых шахт. В бинокль наблюдал Сейдинскую телевышку. С этой местностью у меня связаны воспоминания о встречах с бурьями медведями.

Однажды пас стадо вдоль реки Сейда. Солнечный весенний день. Вдруг олени вздрогнули, отбежали, сбились в кучу. Из-за бугра выскочила воженка, испуганно смотрит назад. В чём дело?.. Подбежал туда. Смотрю. Вижу: медведь. Держит во рту телёнка. «Эберец макань! (непереводимое восклицание) Что тут сделаешь!..» А медведь положил добычу на кочку, встал, раскинул лапы и на меня идёт.

Я задом-задом и сел на сани. Хочу убежать на упряжке, харей свой ищу, но только не на земле, а под собой почему-то руками шарю.

Отвёл глаза на секунду, взглянул, а медведя – нету. Убежал.

В том году много было медведей. Возле чума ходили. Раз пастух Игорь распрыг упряжку. Смотрит – один пелей идёт в сторону. Стал окликать его. Оказалось, не олень, а медведь стадо обходит.

Второй раз, тоже возле Сейды, пришёл на смену, а Коля, покойный братан, говорит: «Медведь приходил. Ползёт, прижавшись к земле, а потом вскочил и, молнией, за стадом. Я бахнулся из ружья. Убежал...

Ночью не сплю, хожу вокруг стада. Приглядился: между кочек лежит «деда Миша». Подполз с подветренной стороны. Лежит на лапах, дремлет. Прицелился, бабахнул, спрятался. Перезарядил ствол. Медведь встал на ноги, смотрит против ветра. Опять стрельнул. Пулей, конечно. Видел как от пули на голове медведя мех шевельнулся. Ещё хотел стрельнуть, но патрон заклинило.

Ножом вытащил патрон. Вставил новый. Медведь ко мне боком повернулся. Выстрелил. Он – на меня, а у меня опять ружьё заело. Что делать?!. Хорошо, что две собаки были, бросились на медведя. Перезарядил ружьё, ещё раз бабахнул в него. Убежал «деда Миша».

После осмотрел след и место. Четыре выстрела, а ни кровинки не видно. В чум пришёл, весь дрожу, а люди – смеются».

30 сентября. Утром туман. Если всё будет нормально, разыщем в тумане всех быков, яндуем до Водомеров. Гуси всё ещё не улетели. По утрам куропатки кричат по-весеннему: «Кабер-кабер!» Вокруг стало полно мышей. Леммитов. Будет «урожайный год» на лис и песцов.

1 октября. Река Лёк Воркута. Стоянка – Водомеры. Так назвали потому, что здесь почему-то постоянно меряют уровень воды на реке Лёк Воркута.

Долгожданный выходной. Солнечно. С Таней ездили в баню к водомерам. (В чуме мы моемся в балаганах). Они наши давние знакомые. Звонили домой, в Ярпияк.

4 октября. Речка Пасын Вож. Сторожу ездовых оленей, – «Бык пастух». Сегодня печку топим не ивняком, а настоящими хорошими дровами. Вокруг полно брошенных буровиками брёвен и досок. Впереди видна очередная вышка, подсчитывают запасы угля на Сейде. В этом районе планируют построить ЦОФ, шахту и городок на 15–20 тысяч человек. Обещают всё выполнить по супер современному, но психология и мышление людей, как показало проишествие за 28 сентября, ещё долго, видимо, будет отставать от успехов технической цивилизации. Скоро здесь не только медведям, оленям путь будет навеки «заказан».

Вчера ездил в стадо. Был маленький дождик. Со стада привёл двух своих упряжных быков, оба по имени Полкан. А всего за мной и Таниным аргилем числятся 50 оленей. У каждого есть имя. И каждого надо знать «в лицо». Из них два – синей, один – красной, три белых и ещё одна чалой окраски.

Вечером был странный звонок от Максима. Вчера говорил с ним, и всё было хорошо, только просил выслать денег. А сегодня, видимо, обидели чем-то. В армии нынче не то, что при нас, – отцы-матери мирной службы боятся пуще войны.

На улице продолжение бабьего лета. Татьяна балует нас вареньями. «Нашествие» мышней кончилось. Куропатки остались. Интересно, прилетят ли этой зимой стаи куропаток до нашей деревни, на Усу. Года три их не было.

10 октября. Яндуем на речку Мадага-шор.

Однажды осенью, лет семь назад, из-за плохой забереги мы с Толиком здесь чуть-чуть не утонули вместе с упряжкой. Вода под треснувшим льдом оказалась глубокой, с сильным течением, а берег крутой и скользкий. Но кое-как выбрались, добрались до чума. Олени мокрые, сами – во льду, лишь собака, сумевшая удержаться на санях, – сухая. Господи! Вспоминать страшно.

Сегодня тоже мёрзнут пальцы. Гуси летят на юго-запад. Куропатки уже белые, летают большими стаями. Поставили чум. К вечеру стало подмараживать.

11 октября. Вода в вёдрах замёрзла. Спать было холодно. Солнце, немного снега и морозец. Чудное утро! Как у Пушкина.

Среда. Число не знаю какое. Чур. Уже знаю – двенадцатое. 12 октября. Яндовали, переехали Мадагу. Видел русского рыбака. Ловит рыбу на Мадага.

Целый день шёл дождь. Промокли, но не замёрзли. После установки чума ездил к реке Сейда за сухостоем. Вдоль реки Усы и железной дороги начинается полоса леса шириной до двух километров. В дальнейшем печку топить будем уже настоящими лесными дровами.

Разговаривал по телефону с дочкой Викой. Молодчина. Звонит самостоительно и не с какими-то проблемами, а просто так, чтобы услышать голос родителей. По вечерам с Татьяной дуемся в карты.

15 октября. Суббота. Покров день встретили «чернотропом» – снега на земле не было. А сегодня с утра туман, в обед – снег. Чум стоит перед рекой Сейда. Вчера ездили смотреть перекат, место переправы. Вода большая. Не переехать, ждём-с милости у Природы, сухой погоды.

27 октября. Стоянка – Уль Пар. Последняя водная преграда для оленей, река Сейда, позади. До Усы крупных рек нет. Перешли и речку Ошвор (Медвежий ручей). Чум стоит между ним и речкой Пыж-шор. В колхозное время здесь был караль (большой стационарный загон). Забой и подсчёт проводились рано, при высокой упитанности оленей. Теперь он проводится в конце декабря возле посёлка Абэзь. В ожидании забоя теряется треть товарного веса животных. Наши деды были умнее нас.

Сегодня ездили с Толиком в стадо. В первый раз на чистейшем снегу освежевали оленя на мясо. Кругом снег. Стали ездить на 3-х оленях. Здравствуй, Зимушка-зима! Живи и здравствуй, матушка-Тундра, суровая и прекрасная земля!

.....
Сидит старый Иван на своих нартах, сосёт трубку и ждёт новой весны.

Большеземельская тундра. 2011 год.

Подготовка к публикации С. К. Терентьева.

Валентина Лимерова

Валентина Александровна Лимерова, литературовед, автор более 100 работ по истории коми литературы, теории и методике литературного образования. Кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

Певец Севера Михаил Фёдорович Истомин*

«С первом в руках, с глубокой думой на челе, кругом обложившись книгами и бумагами, он неутомимо работал в тиши своего кабинета, как новый алхимик, искавший философского камня. Плодом таких усидчивых трудов его было множество сочинений, касающихся с какой-нибудь стороны нашего отдалённого и во многих отношениях ещё не тронутого, а между тем представляющего богатый и неистощимый рудник материалов для разносторонних учёных исследований, края. Один перечень статей его достаточно показывает, что автор их жил не в праздности и не напрасно. С другой стороны, из него также можно видеть, как обширен и разнообразен был круг тех предметов, исследованию и разработке которых он посвящал свои силы; и, следовательно, как богат и плодовит был его ум и как изобретательна и производительна фантазия. Без усиленно натянутой гиперболы мы можем сказать: «Это – маленький Ломоносов!»¹ Герой этого одобрительного отзыва Михаил Фёдорович Истомин был хорошо знаком местному читателю середины XIX века по его многочисленным прозаическим и стихотворным выступлениям в «Архангельских губернских ведомостях». Литературно одарённый и, судя по характеру его публикаций, имевший склонность к художественному виду письма, М. Ф. Истомин посвятил свой талант созданию документально точного портрета Севера России. Большинство из опубликованных им произведений представляет собой очерковую прозу, в которой вполне научные задачи автора (как можно точнее описать разные части Архангельской губернии) сочетаются с лирическим, эмоционально насыщенным стилем изложения. По-видимому, нераздель-

* Работа выполнена в рамках интеграционного фундаментального исследования, выполняемого в организациях УрО РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX – первой трети XX вв.».

¹ Сибирцев М. Титуллярный советник Михаил Фёдорович Истомин (краткий биографический очерк) // Архангельские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1864, № 20, 21.

ная любовь Истомина к слову и знанию и послужила основанием его биографу современному для сравнения своего героя «без усиленно натянутой гиперболы» с великим земляком Михайло Ломоносовым – человеком «всеобъемлющего духа» (Ф. Одоевский), достигшем блеска славы на литературном и учёном поприщах.

Жизненный путь М. Ф. Истомина (1821–1862) был вполне обычен для первых литераторов из среды российских «инородцев». Рождённый сто девяносто лет назад в семье зырянского священника в селе Ижма дальнего Мезенского уезда Архангельской губернии, он мог остаться в своей социальной и национальной среде, продолжить духовную миссию отца, который немало потрудился по обращению в христианство язычествовавших ненцев, подняться по церковной служебной лестнице, найти достойное занятие на ниве религиозного просвещения северян. В девятилетнем возрасте мальчик Истомин был представлен в архангельское духовное училище, затем в 1837 году переведён в архангельскую духовную семинарию, по окончании которой должен был поступить в распоряжение местной епархии. Однако судьба распорядилась иначе. В 1843 году, лишившись матери и оставшись круглым сиротою (отца его в живых уже не было), он вынужденно оставил семинарию за три месяца до полного окончания курса. Через четыре года борьбы с горем и нищетой Истомин поступает на службу в Архангельское губернское правление, где в течение девяти лет исполняет должности помощника столоначальника, редактора и секретаря 2-го отделения Губернских ведомостей. В 1856 году Истомин занимает вновь открывшуюся должность столоначальника в конторе Архангельского порта, а через два года приказом генерал-адмирала русского флота по гражданскому ведомству назначен начальником архива Архангельского порта и произведён в титулярные советники. По мнению М. Сибирцева – автора выше цитированного очерка об Истомине и, судя по всему, хорошо знавшего последнего, своему успешному продвижению по служебной лестнице молодой зырянин был обязан исключительно своим личным качествам – «скромности и нетщеславию». В качестве аргумента Сибирцев приводит следующий факт: во время известного посещения Архангельска Александром II, Истомин вручил императору приветственные стихи, им же сочинённые, и в ответ был награждён из рук государя бриллиантовым перстнем. «Награда в высшей степени лестная для всякого», – замечает биограф Истомина и спешит добавить, что «Михаил Фёдорович никогда не хвалился ею, даже редко носил драгоценный перстень».

Отдавая должное блистательным качествам Истомина-чиновника, Сибирцев выдвигает на первый план особую одарённость и трудолюбие Истомина-писателя и краеведа, его ревностное служение ещё не освоенному литературной и научной мыслью, но представляющему «богатый и неистощимый рудник материалов» северному краю. «Не на своей официальной службе проявил он талант свой, хотя и служил, как мы видели, честно и не без отличий», – восклицает Сибирцев, – «не в канцеляриях и конторах суждено было снискать себе славу и честь; не ловкостью и изворотливостью канцелярских докладов, не быстротою и сообразительностью административных проектов, не схватчивостию, меткостию и основательностию решений многосложных, продолжительных и запутанных разного рода процессов сделать известным своё имя: нет, он известен как литератор; он замечателен как архангельский поэт; он заслужил уважение, наконец, даже как писатель-учёный».

Как и большинство провинциальных авторов того времени М. Ф. Истомин имел скромную возможность для печатания. Несколько сочинений ему удалось поместить в «Библиотеке для чтения» и «Северной пчеле», но самыми доступными для него, как и для большинства российских провинциальных авторов, были губернские газеты. Так, сотрудничеством и участием Михаила Фёдоровича часто пользовалась неофициальная часть «Архангельских губернских ведомостей», чтобы «передать читателю … сведения о родном kraе». С начала литературной деятельности М. Ф. Истомина до его кончины в 1862 году, а затем и посмертно «Архангельские губернские ведомости» напечатали более двадцати его произведений, среди которых заметное место занимают очерки и беллетристические статьи «Бой оленей в Ижме», «Ижма (селение в Мезенском уезде, топографическое описание)», «Ковдо озеро в бывшем Кольском уезде (топографическое описание)», «О составе Ижемско-зырянского наречия», «Архангельский театр» (несколько статей), «Поездка в Соловецкий монастырь», «Об этимологических формах ижемско-зырянского наречия, с присовокуплением сборника зырянских слов», «Первые известия англичан об Архангельском kraе», «Обская экспедиция 1733–1738 гг.», «Подробности первого путешествия подпоручика Пахтусова на новую землю», «О втором путешествии подпоручика Пахтусова на Новую Землю», «Соломбала в XVIII столетии (исторический очерк)», «Ледосплав на Соломбале», «Путешествие Цивольки на Новую Землю в 1838 и 1839 гг.», «Полицейское управление на Соломбале», «Об источниках общественных доходов Соломбальского селения», «Архангелогородская старина», «Опись устьев р. Печоры», «Соломбальская купеческая гавань в прошлом столетии», «Яг-Морт. Чудское предание», а также стихотворные отзывы на исторические события. Несмотря на краткость некоторых из названных сочинений, все они, по мнению М. Сибирцева, представляют интерес «для каждого русского патриота, потому что знакомят с нравами и обычаями жителей далёкого и малоизвестного уголка отечества… Все сочинения Истомина запечатлены как вообще глубоким чувством патриотизма, так в особенности самою горячею любовью к родине», «хотя и дикому, или, как называют наши соотечи, «гиперборейскому», но, тем не менее, дорогому для него kraю». Не остался не замеченным «критиком» и изящный слог Истомина в изложении вполне «учёных» вопросов, относящихся к истории, статистике, топографии и других сторонах Архангельской губернии. «И прежде Истомина были в архангельском порту архивариусы,— пишет М. Сибирцев,— но ему первому удалось, говоря истоминскими же словами, «вдохнуть жизнь в мёртвую груду полуистлевших хартий, воскресить пыльные архивные связки с неясными, полуистёртыми письменами».

Богатые способности в Истомине открылись ещё в детстве. Если верить его биографии, «во всех классах (*т.е. в училище и в семинарии – примечание наше*) он отличался прекрасными успехами в науках и постоянно занимал первые места», а в часы, свободные от ученических занятий, не только читал и перечитывал, но и со всем тщанием переписывал «Руслана и Людмилу» Пушкина, «Громвала» Каменева, «Светлану», «Громобоя», «Шильонского узника» Жуковского и другие произведения тогдашних поэтов. Учась в классе риторики, он произносил уже на публичном семинарском экзамене собственное сочинение – изображение характера Феликса (лицо, упоминаемое в гл. 24 книги Деяний Апостольских), которое

заслужило пятнадцатилетнему автору единодушное одобрение всех посетителей испытания и любителей просвещения духовного. В философском отделении семинарии, – в превосходных рельефно-пластических стихах изобразил грозный момент второго пришествия Христова и поразительную картину страшного суда, на основании слов Евангелия: «Якоже молния исходит от востока и является во запад, тако будет пришествие Сына человеческого» (Матф. 24, 27). Вообще и прозой, и стихами юноша Истомин писал отлично и делал честь семинарии, в то время, при господстве латыни, крайне бедной и произведениями отечественной литературы, и средствами образования».

Первые публикации Истомина приходятся на 1844 год, когда в Архангельском историческом литературном сборнике были напечатаны три его стихотворения: «Марк Боцарис», «Душа праведника», «Два путника». В традициях своего времени, юный поэт был обращён к легендарным героям и событиям, облекая привлекательные для него исторические сюжеты в балладную форму. Публикация этих сочинений в сборнике, котором участвовали сложившиеся литераторы, была для молодого автора явлением примечательным, укрепившим его на литературном пути, тем более что на его стихи одобрительно отзывалась критика. Выходивший в первой половине 1840-х годов литературный журнал «Маяк» (полное название «Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе русской народности»), занимавший националистическую антизападническую позицию, разглядел в М. Истомине сочинителя, исполненного самой горячей любовью к отечеству, и отметил в библиографическом обзоре его стихотворения как «превосходные по чувствам», содержащие «ярко очерченные поэтические картины». Для нынешнего читателя поэтические достоинства первых стихотворных публикаций Истомина покажутся не столь выдающимися и даже не бесспорными. Его «поэтические картины» несут отпечаток ученичества и подражательности, что, разумеется, не было скрыто и от сотрудников «Маяка», но для журнала, приветствовавшего в отечественной литературе «дух патриотизма, религиозности и народности», достаточным основанием для утвердительной оценки стихов молодого северянина явилась их героико-патриотическая тематика. Первое из названных стихотворений посвящено герою греческой революции Маркосу Боцарису и обнаруживает влияние национальных идей Байрона, призывающего греков к вооружённому самоосвобождению и борьбе против поработивших их турок. Тема борьбы народов за национальную независимость объединяет и два других стихотворения; в поэтическом отношении они имеют романтический регистр – по-видимому, с точки зрения молодого автора, он наиболее приличествовал для передачи словом сути героических характеров. Вот, к примеру, отрывок из стихотворения «Два путника», в котором речь идёт о легендарном Уильяме Уолласе (у Истомина – Валасе), воодушевлявшем и успешно руководившем своими соотечественниками-шотландцами в сражениях с англичанами (XIII век):

Вид геройский, величавый
Обнаруживал в одном
Рыцаря – любимца славы;
Крепкий панцирь был на нём;
Шлем с отпущенными забралом
Гордый вид чела скрывал;

Всё героя в нём являло:
Пламень битв в очах сиял;
Но порой как бы случайно
Омрачался светлый взор,
И тогда с тоскою тайной
Он смотрел на темя гор.

Как видим, «портрет» героя далеко не индивидуален и целиком построен на «романтической» фразеологии: «вид ... величавый», «любимец славы», «гордый вид», «пламень битв», «светлый взор» и т.п. Это стихи начинающего поэта, которому пока трудно предложить собственное решение поэтической темы, и он целиком полагается на нормативный для героико-романтической поэзии набор образов и языковых средств. В последующем Истомин-поэт обратился к местным «славным событиям», благодаря чему стихи его обрели индивидуально-авторские черты и стали узнаваемы читателем. Между тем, особая расположленность к высоким темам и соответствующим средствам языкового выражения сохранилась у него и в его более «зрелых» стихах, если, конечно, допустить разделение непроложительной по времени творческой биографии Истомина на «ранний» и «зрелый» периоды. В целом к истоминской поэзии более других применимо определение «гражданственная». Будучи сотрудником «Архангельских губернских ведомостей», Истомин и в своей поэтической части деятельности оставался журналистом, учитывал надобности газеты и уместный для неё жанровый репертуар. Не удивительно, что большинство его стихотворений приурочено к каким-либо конкретным событиям, недавно происходившим, или извлечённым из архивных дел, так что их легко можно приобщить к «поэзии на случай». Не будем спешить в оценках этого сорта поэзии как находящегося за пределами границы «настоящей литературы»; вспомним хотя бы Виктора Савина, который также «служил» газете, стихи его были ангажированы злободневностью, и в то же время он вошёл в историю коми литературы как поэт первой величины.

В «стихах на случай» Истомин возводит факты местной жизни в факты российской истории и, наоборот, обстоятельства государственного масштаба, в особенности, военные действия России по расширению южных морских границ (стихотворения 1854–1856 годов «Прощание воина с невестою», «Воинам 32 экипажа черноморского флота», «С нами Бог!») он живописует сквозь призму личных переживаний северянина: «Развились знамёна браны, Битвы жаркие кипят, И на север с южной грани Вести славные летят!» Отдельной темой, общей для стихотворений «Судьбы Архангельска», «Спуск корабля «Нарва», «На отплытие винтовых клиперов» и др., является военное кораблестроение на Севере, воспеваемое поэтом как дело, предначертанное Северодвинью самой природой. В 1856 году в Архангельском адмиралтействе был заложен один из первых российских быстроногих винтовых лодок «Опричник», в том же году его строительство было закончено. «Опричник» предназначался для разведывательной и дозорной службы, в его обшивке были использованы лучшие корабельные материалы того времени – северная сосна и лиственница. «Опричник» ожидала славная и трагическая судьба: два года он плавал на Балтике, в 1858 году вышел из Кронштадта на Дальний Восток, через год пришёл в Николаевск-на-Амуре и был командирован в дальневосточную эскадру, в 1861 году вышел в Кронштадт; попав в невиданной

силы шторм, пропал без вести вместе с командой в Индийском океане. Этому кораблю, его первому выходу на большую воду посвящено стихотворение М. Истомина «На отплытие винтовых клиперов». Написано оно в 1856 году, когда жизненный путь «Опричника» ещё не был известен воспевшему его рождение поэту. Внутреннее, эмоциональное состояние поэта определяется гордостью за крепость кораблей, которые выросли на северных вервях и закалены полярным климатом. Одушевление «Опричника» и его собратьев («дети морей», «в путь снарядились», «как птицы») сосредствует с подчёркнутостью их технической оснастки и моцни – дара блистательной русской науки. Корабли – птенцы Архангельска в изображении Истомина гораздо телеснее и потому живее, человечнее героев ранних стихов – двух шотландских рыцарей, «спрятанных» поэтом под «крепкий панцирь» и «шлем с опущенным забралом». Вместе со своей темой поэт обрёл и литературное мастерство:

В полярном вы крае родились,
Могучие дети морей;
Окрепли и в путь снарядились
Изведать стихии своей.

И скоро из области снега
Далёко умчит вас волна.
Для лёгкого, быстрого бега
Вам сила двойная дана.

Для лёта не нужны вам крылья –
Помчат вас и парус, и пар.
И – мощный тот винт у кормила –
Науки блистательный дар!

Как птицы, вы вдалий понесётесь,
Туда, где царюет Кронштат,
И с флотом Балтийским сольётесь,
С могучими встанете в ряд.

Не раз на зыбях Океана
Вы встретитесь с бурною мглой,

И буйный порыв урагана
Вас вызовет гордо на бой.

Но твёрды, как сталь, ваши члены,
Упруг лиственничный набор;
И вынесут крепкие стены
Стремительный шквала напор.

И с вами команда лихая,
И доблестен ваш командир;
Блестяще их жизнь боевая,
Их славою полон весь мир.

Вам путь предстоит дни и ночи,
И явитесь в счастливый миг
Пред светлые Царские Очи,
Пред очи Вождя сил морских.

Ура вам, бесстрашные братья!
Примите прощальный привет:
Пусть Вышний своей благодатью
Хранит вас от горя и бед!

Поэтический образ Архангельска как северного морского оплота России создаётся Истоминым в стихотворении «Судьбы Архангельска». История города распадается в воображении поэта на два временных периода: прежде и ныне, до и после основания города. Вначале поэт рисует безжизненную пустынью, дикое пространство, не тронутое деятельностью человека. Реальные топографические детали местности сопровождаются оценочной лексикой, создающей впечатление неожиданного места: север холодный, страна безмолвно-дикая, степь болотистая, тундра глухая, вал холодный и т.п. Единственной природной реалией, заслужившей со стороны поэта положительные эпитеты, является широкая Двина с её прихотливым и свободным течением; мотивом для такой оценки служит её природный

потенциал, который в будущем будет поставлен на службу человеку. Нельзя не заметить, что доисторическое время «хладной страны» в стихотворении Истомина весьма напоминает многочисленные описания устья Невы и места, на котором был воздвигнут град Петров. Русская поэзия XVIII – первой трети XX веков выработала постоянные признаки допетербургского ландшафта, восходящие к мифологическим представлениям о хаосе – состоянии, в котором отсутствуют формы, свет и порядок. К примеру, у поэтов-классицистов особо акцентированными деталями дикого невского пейзажа являются лес, обрачивающийся «сурою дебрью», безграничное царство воды, как правило, мутной, грязной, бушующей, болото – зыбкая, непрочная поверхность вместо земной тверди, холод, а также отсутствие человеческой жизни – «пустота», «пустыня», «пустынность». Этот набор «хтонических» элементов практически полностью повторен Истоминым в изображении болотистых, утопающих в тумане, оглашаемых лишь воем диких зверей берегов Двины. Поскольку природная стихия подаётся как первобытный хаос, её покорение и упорядочение принимают значение космогонической деятельности, а основатель города, которым в стихотворении Истомина выступает Пётр I, приобретает статус демиурга.

Подобно граду на Неве, Архангельск возводится Петром из мрака, воды, безжизненной пустоты. Таким ли было до Петра устье Двины, на месте которого появился «шумный град»? Годом его основания считается 1584-й, когда вокруг Михайло-Архангельского монастыря была возведена крепость, а к концу XVI века Архангельск уже известен как центр русской торговли. Следуя правде истории, Истомин напоминает читателю, что вид «хладной страны» первоначально был изменён англическим мореплавателем Робертом Ченслором (1553 год), положившим начало торговле России со Швецией:

Но вот бесстрашный сын морей,
Среди безлюдных пустырей,
Пловец неведомый явился...
И сын отважный Альбиона
Под покровительством закона,
Воздвиг торговли там алтарь...
И всё там жизнью закипело,
И всюду золото зазвенело.

Однако демиургические свойства приписываются Истоминым исключительно Петру. Это он за одно мгновение, как по волшебству, место топей и болот превращает в город:

Как будто неким волшебством
Богатый город, многолюдный
Восстал из тоней и болот –
Воздвиг его Великий Пётр.
И волей крепкой, волей мощной
Красу ему и силы дал.
И царским словом завещал
Святой Руси оплот полноценный...

Образ Архангельска у Истомина полностью повторяет схему петербургской космогонии. Дело в том, что противопоставление города предшествовавшей пустоте характерно почти каждому мифу об основании города¹, но лишь в петербургском мифе величие города достигается не постепенным преодолением пустоты-пустыни. Петербург возникает на месте «полуночных блат» за один миг: «И вдруг из сей Хаоса бездны Сделался новейший свет!» (Селявин). Образ творения Архангельска, в точности совпадающий с основным мифом возникновения Петербурга как бы уравнивает два города – тот и другой являются «Петра твореньем». Не удивительно, что архангельский ландшафт в описаниях Истомина является прямым намёком на близость со столичным:

Там иноземных кораблей
Летят крылатые станицы
Из-за пятнадцати морей
С дарами роскоши стран дальних;
Народом пристани кипят,
И гордых зданий стройный ряд
Глядится в лоно вод кристальных.

Из прозы М. Истомина наиболее известным для современного читателя является его очерковое сочинение «Яг-Морт (Лесной человек)», опубликованное в 1848 году. Поскольку автор посчитал нужным снабдить это произведение подзаголовком «чудское предание» и оценил его как «образчик северной легенды», слышанный им на зырянском языке в Ижемском селении Мезенского уезда, в работах филологов оно приобрело репутацию «фольклорного». Так, В. И. Мартынов пишет, что «М. Истомин первым опубликовал в печати коми предание «Яг-Морт» и приводит мнение фольклориста Ф. В. Плесовского, считавшего, что истоминский текст – «это обычная волшебная сказка, в которой в роли дракона выступает леший, хотя и наполненная первым публикатором некоторыми деталями, должностными будто бы придать ей характер местного сказания»². Вопрос о том, что «Яг-Морт» Истомина опирается на народный сюжет, вряд ли может быть дискуссионным: рассказанная писателем история о разбойнике и чародее Яг-Морте, похитившем и погубившем прекрасную Райду, по своему типу принадлежит к распространённому у коми «колдовскому эпосу» (термин А. С. Сидорова). Однако заверения писателя относительно того, что считает не лишним передать предание «в таком виде, как сам слышал», не что иное, как литературный приём, стандартный для такого рода текстов зачин. Истомин предлагает читателю сюжет предания в собственном пересказе на русском языке – один только этот факт не позволяет отнести опубликованный им текст к аутентичному фольклору. Если обратиться к опубликованным в губернской печати текстам, претендующим на непосредственное отражение народного слова, можно заметить, что подлинно народных произведений, не переведённых на русский язык и не переделанных на авторский лад, среди них единицы. Причины такого обращения с коми фольклором

¹ См. книгу известного слависта Р. Николози «Петербургский панегирик XVIII века». – М., 2009.– С. 53–54.

² Мартынов В. И. Становление коми литературы (Идейно-эстетический аспект). – М.: Наука, 1989.– С. 42.

ром очевидны – это отсутствие чётких представлений о самостоятельной эстетической ценности народного творчества, а также адресованность публикаций русскому читателю.

Об ориентации М. Истомина на незнакомого с провинцией Коми края читателя говорит композиция «Яг-Морта». Сочинение построено по типу обрамлённого повествования: сюжет предания снабжён комментариями, обращёнными к аудитории, для которой «край Запечорья малоизвестен» и «почти неведом». Автор подробно описывает местность, характеризует туземных жителей, перечисляет их суеверия, предварительно рассказывает о Яг-Морте и злодействах, которые он учинял в запечорских селениях – т.е. предлагает пространные подробности, которые для самих туземцев, рассказчиков предания, не обязательны. Само предание вмешает в себя цепь последовательно разворачивающихся событий, начинающихся вслед за появлением вблизи одного из чудских селений необыкновенного человека («ростом с добрую сосну, по виду – дикий зверь»). Этот человек начинает убивать и грабить чудинов. Прозвище его Яг-Морт (Лесной человек) указывает на ближайшую ассоциацию с лешим, т.е характеризует персонаж как особого рода демона, связанного с лесной стихией. Однако, маниакальная кровожадность Яг-Морта человеческой природы, и автор называет его «могучим разбойником», «чародеем», которому подвластны стихии: он не тонет в воде, не горит в огне, «помрачает» солнце и звёзды. Однажды Яг-Морт крадёт дочь старшины одного из чудских селений красавицу Райду, и жених девушки, собрав товарищей, отправляется её выручить. После долгого сражения чудинам удается убить чародея, но Райда уже мертва, её труп находят в пещере колдуна. Чудины убивают Яг-Морта и, по обычаю, отрубают ему голову и забивают в спину осиновый кол.

Нужно сказать, что народные варианты преданий, схожих по сюжету с истоминским текстом о Яг-Морте были записаны фольклористами значительно позже, поэтому сличить истоминский текст с современными ему фольклорными образцами не представляется возможным. Однако, опираясь на подобного рода рассказы о «тунах-чародеях», довольно распространённых среди коми, можно предположить, что Истомин сохранил фабульную канву народного предания, но внёс элементы, чуждые для фольклорной поэтики (не характерные для устной речи выражения, подробности в портретировании действующих лиц, разного рода разъяснения, в которых местный слушатель не нуждается), осложнил сюжет не свойственным фольклору зачином, объясняющим читателю географическое и историческое местоположение чуди¹. Важно понять, что хотя М. Ф. Истомин и претендует на точность воспроизведения фольклорного текста, ссылаясь на то, что слышал его на зырянском языке в селе Ижма Мезенского уезда и только перевёл его на русский язык, движущей силой для него является не сам фольклорный текст, не его точная фиксация. Истомин позиционирует себя писателем, создаёт собственное произведение, и фольклорное предание выполняет в нём служебную функцию, как способ познакомить русского читателя «с бытом и нравами» отдалённой инородческой глубинки.

¹ Ср. с мнением фольклориста Ю. Г. Рочева, который считал, что безоговорочно отнести данный текст к фольклору не позволяет отсутствие паспортных данных и сложность композиции по сравнению с народными преданиями, однако, «соотносимость отдельных образов и их характеристик, отдельных мотивов с типично коми фольклорными – всё это говорит в пользу того, что произведение написано на основе коми фольклора». Рочев Ю. Г. Жанры несказочной прозы // Научный Архив КНИЦ УрО РАН Ф. 5. Оп. 2. Д. 356. Л. 5.

В свете зарождения художественной словесности у коми важно, что «Яг-Морт» Истомина обладает рядом литературных черт: усилены психологические мотивировки событий, подчёркнуто акцентировано внимание на сверхъестественном могуществе Яг-Морта, соотносимого с образом всех тёмных сил; идея о возможности только общей победы, а не индивидуальной; отсюда и отсутствие личного имени жениха Райды – победителем чудовища является не он, а весь народ. Таким образом, по идейному замыслу автора весь строй произведения указывает на то, что главным объектом изображения здесь является коми народ в его героико-эпическом прошлом и в настоящем этнографическом бытии. Надо сказать, что замысел М. Истомина оказался на редкость удачным, и едва ли обычная, пусть даже буквальная публикация оригинального фольклорного текста получила бы такой широкий культурный резонанс: в 1851 году текст был перепечатан журналом «Пантеон и репертуар русской сцены»¹, благодаря чему предание стало известно большому кругу читателей. В 1860–1870 гг. коми поэт И. А. Куратов пишет поэму «Яг-Морт», в которой размышляет об исторической судьбе коми народа; в эти же годы сюжет предания использовался в публикациях К. А. Попова, Ф. А. Арсеньева. В начале XX века сюжет предания используется М. Н. Лебедевым в одноимённой поэме, а в середине XX века по мотивам предания было написано либретто для первого национального балета «Яг-Морт», с успехом проходившего на сцене Сыктывкарского музыкального театра.

В целом, как писатель-прозаик, М. Истомин был нацелен на точность в описаниях и в то же время из протокольной правды жизни извлекал обобщающие, метафорические значения. Лучшим образцом его индивидуальной техники письма является «Поездка в Соловецкий монастырь» (1854). Рассказывая о своём посещении Соловецкого монастыря, Истомин строго документален: он детально излагает маршрут плавания, точно указывает время морских переходов между островами, расположеннымными на пути к Соловецкой обители, места остановок, отмечает все изменения погоды, даёт сведения о судах, на которых можно безбоязненно пересечь «грозную морскую пучину», описывает наружный вид Соловецкого Замка и строений внутри него – соборов, церквей, колоколен, ризницы, библиотеки, часовой башни, больницы, настоятельских и монашеских келий, мельницы, портомайни, казармы, кладовой и кухни. Познакомившись и познакомив читателя с тем, что находится внутри крепостных стен, путешественник считает важным подвергнуть осмотру внешнее пространственное окружение монастыря – «Святое Озеро, в волны которого погружаются все приезжающие», монастырское кладбище и «тёмные дубравы Соловецкия», «холмы, синеющие лесом», часовню, «отстоящую на две версты от монастыря на восточной стороне». В описаниях Истомина география Соловецкой пустыни простирается не только вширь, она по особому материальна, конкретно-предметна изнутри. Раки святых мощей, гробницы подвижников церкви, иконостас, «поражающий взор своею высотою и благолепием икон, в окладах и ризах, блестящих золотом, серебром и драгоценными камнями», тысячи горящих свечей, высокие, но тяжёлые своды храмов, поддерживаемые огромными колоннами, узкие проходы к тёмным келиям и пещерам, ниши, образуемые толстыми стенами, в трапезной – столовые приборы, «блестящие полудой», в оружейной – коллекция древнего оружия, в ризнице – «огромные шка-

¹ Пантеон и репертуар русской сцены. 1851. Кн. 5.– С. 52–57.

пы... полны облачениями из блестящей парчи, штофа и других дорогих материй, в них стоят несколько богатых архимандритских митр, множество золотых и серебряных сосудов, златокованных евангелий, между которыми одно огромное, весомое трёх пудов», в библиотеке – печатные и рукописные древние книги, и везде – «стенное писание» с изображением евангельских сюжетов и жизни святых иноков. Это реликвии, православные святыни, стяжавшие Соловецкому монастырю славу христианского центра Русского Севера. Каждая из этих вещей может считаться символом невидимой связи с духовным миром, и чрезмернодетальное, на первый взгляд, перечисление этих вещей призвано погрузить читателя в ту атмосферу святости, которую ощущает сам автор-паломник. Одновременно текст ориентирован и на воспроизведение художественного образа обители, в которой гармонично сочетаются труженичество и возносимая к Богу молитва. Отсюда ансамблевость храмовых и хозяйственных построек в описаниях паломника («Поклоняясь гробам святых подвижников, я зашёл в хлебопекарню, устроенную под сводами Успенского Собора: здесь я видел и лобызал камень, служивший возглавием смиренному послушнику Соловецкой обители, Фёдору Колычеву... Подле пекарни... находится тесная и тёмная келия, место первых подвигов Святителя Филиппа». Истомин словно пытается охватить взглядом и втиснуть в произведение всё видимое и осозаемое, создавая почти физическое ощущение особой тесноты, концентрированности пространства, свидетельствующего об обилии здесь «благодати Божией» и Его присутствия во всём, в том числе и в трудовой, обыденной жизни островитян.

Главной реликвией Соловецкого монастыря являются мощи основателей монастыря, преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, к ним, в первую очередь, устремляются паломники в надежде на их чудотворное заступничество. Истомин заостряет внимание на многочисленности паломников, прибывающих поклоняться святым мощам, как бы уплотняя и без того тесное от обилия предметных реалий пространство. «На нашем судне отправлялось до ста пятидесяти человек», «мы прибыли в монастырь накануне праздника Св. Апостолов Петра и Павла, когда бывает здесь самое большое стечние народа. В гавани стояли уже два судна с приехавшими прежде нас богомольцами, и более тридцати мелких судов, прибывших с ближайших берегов Беломорья. Обе гостиницы были битком набитые, и мы едва могли поместиться»; «Храм наполнен был усердными поклонниками, прибывшими из разных сторон», «раздался благовест к литургии в Соборе, и длинный коридор... наполнился народом», «богомольцев... на этот раз было семьсот человек или более» – как видим, автор прибегает к измерительному способу подачи информации, благодаря чему создаётся впечатление достоверности.

Но для автора важно и другое. Подобного рода сообщения рассыпаны по всему тексту и составляют особый смысловой рефрен, заключающийся в утверждении единства русской земли, непрерывности русского православного пространства, устремлённого к своей предельной грани, которой является в географическом и религиозно-метафизическом смысле заветное место Соловецкой обители. Как и в других видах travelога, «Поездка в Соловецкий монастырь» Истомина содержит местные географические названия нерусского происхождения – Солза, Яренъга, Сюзьма, Жигжин остров, Муксальма и др., но не в целях обозначения инаковости пространства. Наоборот, местная топонимика становится свидетель-

ством объединяющей силы православной идеи, соборности Руси Православной – «нашего благословенного отечества». Путешественник Истомина на всём протяжении своего странствия находится не в чужом пространстве, а, наоборот – в мире христианских святынь, т. е. сверхсвоём, уплотненном своим. Соловецкие реликвии ориентируют путешествие как в пределы географических координат, так и на освоение внутреннего духовного пространства в глубины личного религиозного мироощущения, а через него – к литургическому приобщению ко всему православно-христианскому миру.

До конца жизни М. Ф. Истомин не забывал и о своей малой родине. Один из самых лирических его очерков посвящён Ижме. Середина XIX века ознаменована активным развитием народоведческой литературы, большой пласт в ней занимали произведения о зырянах, в том числе об ижемцах, и последним в очерковой прозе зачастую придавался негативный образ. Защищая своих сородичей, Истомин пишет очерк «Ижма» (1862), в котором с глубокой симпатией рассказывает о быте, нравах, обычаях, хозяйственных занятиях односельчан. «Некоторые путешественники несправедливо упрекают ижемцев в нерадивости и неопрятности по домашнему хозяйству. Не говоря об этом много, заметим, что даже полы в домах моют по два раза в неделю. Кажется, что довольно для чистоты в деревне», – пишет он.

В некрологе Истомина читаем: «Уже тяжко больной, – он всё-таки не переставал, не только говорить, но и готовиться к путешествию на свою любезную родину, «в дальнее Запечорье». Вот что писал он, между прочим, одному из товарищей по семинарии, недалече как за месяц до своей кончины, и эти строки были едва ли не последними в его жизни: «Любезнейший, старый товарищ НН: месяц уже, как мы – соседи; разумеется, я побывал бы к тебе, если бы не катар, по поводу которого не выхожу из комнаты. А мы так давно не виделись. Хотелось бы мне разделить вечер с товарищем детства и юности накануне отъезда в дальнее Запечорье, куда судьба турит меня на днях. Ведь, может быть, уже не видаться более: побеседовали бы. Приходи, брат!» Но, увы! судьба «турила» его не в дальнее Запечорье, а в хладную могилу, из которой нет возврата, и свидания, действительно, невозможны...».

О Михаиле Фёдоровиче Истомине, человеке и литераторе, нам известно не так много. Тем не менее, можно с уверенностью говорить о его заметном вкладе в отечественную литературу,полноправной частью которой в середине XIX столетия стала и северная словесность.

Михаил Истомин

Истомин Михаил Фёдорович (1821–1862).

Краевед, поэт и прозаик, создатель архива Архангельского порта. Родился в с. Ижма Мезенского уезда Архангельской губернии. С 1837 года работал в Архангельском губернском правлении, с 1848 года – в конторе Архангельского порта; с 1858 г. – начальником портового архива. Активный корреспондент «Архангельских губернских ведомостей». Автор очерков о коми языке, истории и культуре северного края. Ему принадлежит первая публикация сюжета коми предания о Яг-Морте.

Об этимологических формах ижемско-зырянского языка с присовокуплением сборника зырянских слов*

(в сокращении)

Запечорским или ижемским наречием зырянского языка говорят жители так называемого Запечорского края Архангельской губернии Мезенского уезда, обитающие по берегам рек Ижмы и частью Печоры, – в приходах Ижемском, Мохченском, Сизябском и Красноборском, с принадлежащими к ним деревнями¹. Наречие это, имея в общем характере сходство с языком зырян пермских и вологодских и происходя от одного с ним корня, отличается однако же от него во многих частностях. Это уже особенное наречие, составившееся из смеси языков: зырянского, самоедского, русского и ещё какого-то неизвестного языка, вероятно, чудского, что можно заключить из того, что в мезенско-зырянской речи слышатся звуки, свойственные всем трём помянутым языкам, а чудской элемент проявляется в ней какими-то странными, грубыми звуками, совершенно чуждыми этим языкам. Да и никто не оспаривает того факта, что в северо-восточных областях древнего Новгорода, а следовательно, и по берегам рек Ижмы и Печоры издревле обитали чудские племена. Факт этот подтверждается ещё и тем, что неподалёку от Ижемского селения недавно ещё находили в земле разную домашнюю посуду и некоторые орудия, свойственные грубому быту полудикого племени, а на берегу Печоры покойный миссионер, о. архимандрит Вениамин открыл в обрыве горы пещеру, которую он, судя по некоторым признакам, считает чудской; из истории же известно, что в царствование Иоанна IV Грозного в Запечорье расселились новгородские выходцы, потомки которых и поныне носят русские прозвания; в ижемских волостях все лучшие крестьянские семейства

* Архангельские губернские ведомости. – 1857. – №№ 12–20.

¹ Запечорские зыряне суть потомки тех зырян Пермских и Вологодских, которые в эпоху проповеди Св. Стефаном Великопермским их края, Христианским учением удалились от его проповеди за реку Печору. При преемнике Св. Стефана, Пермском епископе Исааке (1397 г.), инонки Троицкой пустыни, основанной на Печоре, просветили всех зырян, живших по этой реке и её притокам. Истор. Росс. Иерар., т. V, стр. 550.

прозываются Хозяиновыми, Коневыми и Рочевыми (а роц или роч значит русский).

Ижемские зыряне издавна ведут меновую торговлю с галичанами, ездят с произведениями своего края едва ли не на все главные ярмарки, существующие в Российской Империи, и торговое движение в Запечорском крае усиливается с каждым годом. После этого неудивительно, что в настоящее время зырянская речь ижемцев вытесняется русскими: мужчины, исключая стариков-домоседов и детей, почти все понимают русский язык и потому даже в разговоре со своими домашними не упустят случая щегольнуть чужим красным словцом. Хотя между женщинами сохраняется ещё прародительское состояние родного слова, но и их речь нередко пестрится чуждыми словами, облечёнными, разумеется, в зырянские формы, и, по всему видно, что уже недалеко то время, когда тамошние зыряне совсем не будут знать свой язык, что, впрочем, для них едва ли не всё равно.

Мысль сохранить запечорское зырянское наречие от совершенного забвения побудила меня приняться за предлежащий труд, почему при составлении сборника ижемско-зырянских слов я имел в виду ввести в оный только слова собственно зырянские, коренные (ныне употребляемые), не касаясь слов и речений, взятых из русского языка, хотя и переделанных на зырянский лад¹; а при изъяснении этимологических форм этого языка я хотел дать некоторое понятие об отличительных его свойствах и, по возможности, познакомить с ним специалистов, или тех, кто по любознательности захотел бы интересоваться нехитрой речью полудиких детей природы, какими ещё в недавних годах были жители Запечорского края. Хотя г. Савваитов написал Словарь и Грамматику зырянского языка, но предметом занятий г. Савваитова был коренной зырянский язык, которым говорят зыряне Пермской и Вологодской губерний, и, как запечорско-зырянский язык есть одно из наречий этого языка, то между ними, при всей их родственности, есть заметное различие, которое заключается преимущественно в выговоре, в правописании и в том, что некоторые слова, сохранившиеся в одном языке, не существуют уже в другом. Как запечорско-зырянское наречие образовалось наиболее под влиянием русской речи, то для показания, сколько речь зырянская богата русскими словами, и как последние переделываются на зырянский лад, я счел не излишним приложить к сему отрывок: нечто вроде элегии о житье-бытье ижемцев, написанный природным зырянином, а также образчик разговора и рассказа зырянских.

I. О произношении слов

Мезенско-зырянское наречие не имеет собственной азбуки, а потому, в случае необходимости написать что-нибудь на своём родном языке, зыряне обыкновенно употребляют русские буквы. Но при этом трудно обойтись без особенных надстрочных знаков, как по обилию в зырянском языке звуков, неудобно выражимых через русские буквы, так и по причине различия между собой таких звуков, которые нередко встречаются при слиянии некоторых гласных букв, и которые

¹ Такие слова выражают, по большей части, предметы отвлечённые, или сделавшиеся зырянам известными в позднейший период времени, когда они уже познакомились с русскими.

неприродный зырянин с трудом может выговорить. Например, для различия звуков в словах: *йон*, сильный, и *йон*, крапива, – как в первом слове *о* имеет звук чистый, то и может оставаться без знака, а в последнем буква *о* выговаривается гортанно, и как бы с некоторым напряжением, и потому над *о* надо ставить какой-нибудь знак, например: ... Такого же знака требует и буква *e*, когда она произносится гортанно.

В зырянском языке много слов, в которых буквы *о* и *e* выговариваются таким образом, например: *кёрт* железо, *мёд* другой, *мёс* корова, *кёр* олень. *Сёд* чёрный, *сёкыд* тяжёлый, *нёр* вица и проч. Есть слова, которые от различия в выговоре помянутых гласных *о* и *e* – принимают различные значения; таковы: *дор* близость – *дёр* жир; *кок* нога – *кёк* кукушка; *кор* когда – *кёр* олень; *ош* медведь – *ёш* бык; *потны* колоться – *пётны* насытиться; *роц* русский – *рёц* угол; *шор* ручей – *шёр* середина; *вот* дань – *вёт* сновидение; *кодзны* окладывать – *кёдзны* сеять; *цетны* хромать – *цетны* бросить; *цер* топор – *цёр* чулочная головка и многие другие.

При стечении двух гласных: *aa*, *oo*, *yy*, *uu* последняя выговаривается коротко, как русское *й*, сохраняя, впрочем, свой характеристический звук, и потому над последним слогом можно ставить краткое ударение, например, в словах: *лёкаа* худо, *бураа* хорошо, *соо* соль, *пооны* бояться, *йоо* молоко, *ныы* девка, *кыы* язык, *туу* гвоздь. Это стечние гласных встречается в середине речений: *лёкааджик* хуже, *бурааджик* лучше, *лемооны* kleить, *пуюоны* сидеть, *кызызыны* слушать, *мыыкыд* разум, *үутэм* не имеющий сучьев, *тууя* сколоченный гвоздями. Кроме того, буквы *о* и *у* имеют короткой слог и тогда, когда стоят после других гласных, например: *цёо* тихо, *нёо* стрела, *нююны* лизать.

В мезенско-зырянском наречии все слова, как бы они ни были многосложны, имеют ударение на первом слоге, например: *вимэд* пятый, *висьтасем* исповедь, *пёрысьмема* оstarевший, *весъкыдаджык* справедливее.

[...]

Пример обыкновенного разговора

Видза олан! Мый каран?

Лок видза. Ме пукала, шойтця; зэй мыдзи, – вольською ю выльсько – цери кым.

Сідз! А уна цери шеді? А мыен кыинныд – чуптэн или тыыен?

Унаыс – абу уна, да цериыс зэй бур – нёль выйцери, пуд кык кымын; а кым тыыен.

Аттэ диве! Выйцери! Да вед сяа дырнин из пырлы ми юунум. Войдар во и мойми тутця из воо татэн выйцери. Ме иг и тёд, ыштэ та во выйым.

А мукед цери кучемаа кыйсе?

Здорово живёшь! Что поделываешь?

Приходи здорово. Я сижу, отдыхаю; очень устал, только что пришел с реки – ловили рыбу.

Так! А много попало рыбы? Чем ловили, заколом или неводом?

Много-то, немного, да рыба очень хорошая – четыре сёмги – пуда с два. Ловили неводом.

Эко диво! Сёмга! Да она уже долго не заходила в нашу реку. В третьем году и в прошлом вовсе не было здесь сёмги. Я и не знал, что в этом году есть.

А другая рыба каково ловится?

Лёкаа; почти нинэм абу.

Этія беда ношна абу ыджыд; мед веське только выйцери унджык шедэ, — лоам пötэсь.

Выйцери юанум уна колэ вооны. Быд тулыс пöляліс войтоо, а эта тоо мореясь Печера воме уна выйцери вöтлышэ.

А мукед цери сыа тöлыш будтэ из вöтлыш! Кудз инэ сидз?

Ог куж сие висьтооны; колэ вооны и мукед цери сидже выйым, — только олэ джуджыд местэын, кытце тыыяясnum оз судзыныс.

Кучемаа тi пöтка лыянныд? Позяс эм си помлась свинець да порох небны?

Пöтка та абу зэй уна, но сидже, код ылэджык яге ветлэ, мыйке адзыллас; только поткаыс онi зэй варгес, понтэг нинэм он бось. Цюцки да дозмер вергесмис, байдык ношна позяс кыйны; сёла лыйны сидже колэ уна смысел: сие он оддя и аддзы — пу космын пукалэ; ацьыд вед тодам, кучем сыа дзеля.

Байдык да сёла, да и быд пöтка бурджык кыйны лэцтэн.

Менам уна лэцъяс пукталэма: ог тöд, шедэ эм мыйке.

Зэй важен — сылы выйым нин во сёкуим — Печера дорын олi пöрысь мортас пöрысь гöтырыскэд.

Нылэн вöлi только кык пи и öтины.

Кор пияныс быдмисныс, орткооны куцисныс айлысны му горны, цери кыйны, пöтка и зверь лыйлыны, пес керооны, а ныы сид же орцасис мамыслы нянь пöжооны, мёс лысътыны, дöрем вурны, цюлки кыйны, ычкысыны, вундыны, и быдцен баба робета карны.

Этія и ладнэ!

Öтик пи вöлi зэй ыджыд, ён и вына,

Худо; почти ничего нет.

Это ещё беда невелика; лишь бы только семги побольше попалось, — будем сыты.

Сёмги в реке нашей должно быть много. Всю весну дул северный ветер (полуночник); а этот ветер из моря в устье Печоры много загоняет сёмги.

А другой рыбы этот ветер будто бы и не загнал! Как же это так?

Я не умею этого сказать; должно быть, и другая рыба также есть, — только она живёт в глубоких местах, куда наши неводы не достают.

Каково птицу стреляете? Можно ли для неё покупать свинец да порох?

Птицы в эту осень не очень много, но кто подальше в лес ходит, также кое-что видит; только птица теперь очень хитра, без собаки ничего не возьмёшь. Глухарь да пеструха ухитрились, куропатку ещё можно ловить; чтоб рябчика застрелить, также много надо сноровки: его не скоро и увидишь — сидит себе между сучьев; ведь сам знаешь, какой он маленький.

Куропатку да рябчика, да и всякую птицу лучше ловить сильем.

У меня много силья накладено: не знаю, попадёт ли что-нибудь.

Очень давно — тому есть уж лет триста — подле Печоры жил старик со ста рухой.

У них было два сына и одна дочь.

Когда сыновья подросли, пособлять стали отцу своему — пашню пахать, рыбу ловить, птицу и зверя стрелять, дрова рубить; а дочь также пособляла матери: хлебы печь, коров доить, ру башки шить, чулки вязать, косить, жать и, вообще, всякую женскую рабо ту править.

Это и хорошо!

Один сын был весьма велик, дюж и

а мёд хоть ылә из воо сәчем багатырь, но Ен сетіс сылы мыықыд: сыа зэй вöлі рам и айсә быд пöраэ кызызысис, а мёдыс помла из позь сiйэ войпны: тая вöлі лёг и скёр. Сыа пыр обедитiс воксэ и цейсә, и айыс сie быд лун пинялiс.

Вокъяс тöлlyн быд лун ветлiсныс яге ош вылә, и тытэн мукед поравой узисныс, – олiсныс и вежоолун.

Öтпыр ай и мам витчисныс nie лун, кык, вежоолун, а ныя пыр оз локныс гортэ, и гортын куцисныс думайтны, ыштэ ош nie сёис и зэй тöждысисныс.

Пöрысь морт мёдi нин мунны ягэ, корсъны пиянсә, но мёд лун вылын адзеныс, öти вок пöрысьджыкыс локтэ, а пасыкемыс сылэн виресътма.

Куцисныс юасъны, кудзъ, мый, – кыце сыа карис мёд воксэ. Мам, цёй куцисныс бöрдны.

Сыа висъталiс нылы, ыштэ аддзисныс ыджыд ошкес, лыисныс пищальяссыныс, и из сюрныс. Сэк ныя вугзыисныс ошкыс вылә церьясаныс, но ош вöлі зэй вына и личкис nie. Вокес сыа сiдз жугэдiс, ыштэ сыа си местэ вылас и кулi, а сыа öдва вермис пышшины.

Айыс только коонитiс юрнас, и из войп ни öти кыы. Сы бöрын писэ колис гортын, а ацыс нежаа мунi си туй выытi, и зэй ылын ягын адзис писэ, пу улын куйлэ кöрталэмä и öдва лооя.

И висъталiс сыа, кудзъ пöрысьджык вокыс кöрталiс сiие и колис кууны ягын.

Пöрысь морт прокленитiс пöрысьджык писэ и вöтлiс сiие керкассыс.

Кудзъ важен миян Изъвайын олэмась, сельске, прöстэ, кудзъ природа тре-буйтэма и асланыс нацианыс; тöдiсны ооны трезве, спокойнэ, приятнэ, лишнэй ыджыд тревогатэг, суетнэй забота-

силён, а другой хотя и далеко не был богатырь, но Бог даровал ему разум: он был смирен, и отца во всякое время слушался, а о другом нельзя было то же сказать: тот был суров и вспыльчив. Он всегда обижал брата и сестру, и отец бранил его каждый день.

Братья каждый день зимой ходили в лес на медведя, и там в иную пору ночевали, – живали и по неделе.

Однажды отец и мать ждут их день, два, неделю, а они всё ещё не пришли домой, и дома стали думать, что их медведь съел, и весьма опечалились.

Старик хотел уже идти в лес искать сыновей, но на другой день видят, идёт брат, который постарше, и платье его окровавлено.

Стали расспрашивать, как, что, – куда он дел другого брата. Мать, сестра стали плакать.

Он рассказал им, что они увидали большого медведя, выстрелили из ружей, и не попали в него. Тогда они бросились на медведя с топорами, но медведь был очень силён и смял их. Брата он так изломал, что он на том же месте и умер, а он едва мог убежать.

Отец только покачал головой и не сказал ни одного слова. Потом он сына оставил дома, а сам тайно пошёл по его дороге и очень далеко в лесу нашёл сына – лежит под деревом, связанный и чуть жив.

И рассказал он, как старший брат связал его и оставил умирать в лесу.

Старик проклял старшего сына и выгнал его из дома.

Как издавна у нас в Ижме жили просто, по-сельски, так, как требовала природа и их нация; знали (умели) жить трезво, приятно, без лишних больших тревог и суетных забот: рабо-

тэг, робитсныс, трудитсныс, запасныс цюкартсныс, бытныс продолжитны, кудзь следуйтэ кресьяниллы. Асьнис ныя тёдсныс, кучем нылэн званиеныс; вынныс кузя справитсныс ассыныс деланыс, нинэмэн из упоститныс ассиныс праваныс. Олісныс рамаа, честнэ, никодэс из ёбединтыс; суд, тяжба из кыпэдныс ассянныс обидаэн.

Томанъяс сэк уна из воо, ворыс гежед находитцыс, быдэн ас трудэн вердцисныс, запасныс ке эчамыліс, нежели кабалитсныс ас семейство кутыганыс! Кодлэн деньганыс из судзлы – ёртаётлы сужайтсныс, бёр честнэя орласисныс, обман лыттайтэм из видзныс, лесьтэн из дружитцылныс. Озырман ход хоть из тёдныс, кредитъясэн вёдитчины, кодлы сетны, кытысь босьны; но экономнэесь вёліныс, кругныс бергедныген. Из вооныс ныя смелэесь, из лыстыныс сэк веритны аслыныс асьнис: ыштэ ыджыдчыкаа нажывитам сыздорнитуен; целядъяс моз сэк полісныс, мед видз-муныс э оз босьныс мынтытэм долгныс пыдля. Из тёдныс порядокъяс, кудз гражданске поступайтны, карсаяс моз вёдитчины: только сэк сымый тёдсныс, мый кылісныс вицкоись, особенно ад помла да царство помла, мальчикъяс моз веритсныс, кудз будтэ сэк нылы сэтэн синводзаныс и лоас, страшнэй суд сэтце суас! Онія вкусэн из тёдныс, кудз оборотъяс иметны, онія моз делаясэн, и уважитны мортэс ас делаяс дыръяныс, ни смелэесь нылэн из воо опаснэесь вылэ вугзысьны. Польсес ныя вёліныс; Ен скот моз олэмаэсь: музыльсись только сёисныс, мый природа нылы пуктіс ныруланыс сейны, азь и сёртни честын вёлі, цери яйкэд пызан вылын дружественнэй приеманыс.

тали, трудились, запасы собирали для продолжения (поддержания) быта, как следует крестьянам. Сами они знали, какое у них звание; по силам своим исправляли свои дела, ничем не упускали (никому не уступали) своих прав. Они жили смирно, честно, никого не обижали, суда, тяжбы не поднимали (не заводили) для обид с их стороны.

Тогда немного было замков; воры редкие находились (воры были редки): все своим трудом пропитывались; умаялись ли запасы – соломы лучше подбавляли, нежели кабалили себя, содержа семейство! У кого денег не хватало – друг друга ссужали (ими), обратно честно рвались отдать (с рвением отдавали); обмана, проволочки не соблюдали (не делали), из лести не дружились. Пути к богатству хотя не знали, водится с кредитами, кому дать, откуда взять, но были экономны, делая обороты; они не были смелы, не смели тогда верить сами себе: что-де больше наживём таким путём (образом); тогда, как дети, боялись, чтобы сенокосов и пашен не взяли за бесплатный их долг; не знали тогда порядка, как поступать по-городски, водиться (обращаться) с горожанами; тогда только знали столько, сколько слышали в церкви, особенно об аде да о царстве (небесном); как мальчики (дети), верили, как будто тогда же им это тут и будет, Страшный Суд тут (их) и застанет. Нынешним вкусом (по-нынешнему) не знали (умели), как иметь обороты в нынешних делах, ни человека уважить при своих делах, ни смелости у них не было бросаться в опасности; боязливы они были; как Божий скот (животные) жили: если на земле то, что природа им клала под нос (предлагала); борщ и репа были в чести, дружественно принимались на столе (вместе) с рыбой и

Нажывитцисныс сэк ныа, промышлайтісныс, ветлісныс яранъяскэд, ос-
тякэяскэд ётвыы, согласнэ воліныс,
артасисныс ёрта-ёртлы, ёбіда ны кос-
мын из воо – обман ни грабеж. Олісныс
сідз экономнэ, доволенэсь сэк воліныс
середней бур оләмен. Кодпомсянь сэк
поддісныс карны каменнэй вицько
(Изъвын, 1804 в.), юрбытны Енлы сэ-
тэн, кодэс карыген самей суліс ніе
кодзыд вояс, нянныс сэк лолі чыгем,
сэтце самэй и нёшта сотдтіс ыджыд рас-
хода наборъяс (1812 в.) Ен кодэн ніе
визыліс, веләдіс ные ооны, воздержнэ,
экономнэ. Кодэс ныа сэк пöралы ста-
ратцисныс кольбооны, ёрта-ёртлы орт-
сасемен, нянен и деньгаэн, код мыйтэ-
мен вермалісныс, жертвуйтісныс ас бур
запасъассиныс, старатцисныс ѳти быт-
сэн сёлләмен, озыр нужнәес ләптіс, а сыа
сылы робитіс, рамаа скромнэ олісныс,
кудзь совесть нылы чоктіс. Кор вицько
куцис эштыны (1820 в.), сэк природа
ящик воссис (озыр лолі вольнэй вояс),
кытысь ныа босъталісныс, кодлы бурсэ
мый колі, кудз будьтэ Ен киысь моз!
Сәчем сэк лолі довольство, кудз бур сэс-
ся быть нельзя! Цветитіс сэк местэнум
(Изъва), миця цвета роза моз; спокой-
нэ волі довель, нинэмись нужда из воо:
корысьяс сэк эчамыліс, из ветлы никод
тыдоо мед ыджыд волесъясах. Славит-
чыліс местанум чеснэсътэн и довольство-
эн, быдчяма уна бурен!

Но вот лои (миян) невчасье, – иг-
верме ми казиооны, – воис кыське олэ-
манум, лёк змея моз, прелюбодейнэй
особа, розорительнэ рёскош, коді ку-

говядиной (с рыбой и говядиной на сто-
ле, в дружественном приёме).

Тогда они наживались, промышля-
ли, ходили с самоедами и остыками со-
общца; были согласны, друг другу помо-
гали, обиды между ними не было, ни
обмана, ни грабежа. Так жили эконом-
но, тогда довольны были середним (по-
средственным) добрым житьём. Только
что тогда начали строить церковь (в
Ижме 1804 г.), чтобы молиться в ней
Богу, – при самом строении её застали
их (застигли) голодные годы, хлеб (про-
питание) тогда был тесен (затруднитель-
но); к тому же ещё прибавилось: с боль-
шими расходами наборы (1812 г.), ко-
торыми Бог их посетил, научил жить
воздержно, экономно. – Эту пору ста-
рались проводить тогда пособием друг
другу хлебом и деньгами – кто сколько
мог, жертвовали из своих добрых запа-
сов; старались единодушно всем серд-
цем, богатый поднимал (пособлял) бед-
ного, а тот для него работал; смирило,
скромно жили, как совесть повелевает.
Когда церковь стала поспевать (дост-
раиваться), тогда ящик (лоно) приро-
ды открылся (отверзлось), откуда они
брали, кому какого добра хотелось, как
будто (словно как) из рук Божьих. Та-
кое было тогда довольство, как лучше
этого нельзя! Тогда процвело наше ме-
сто (Ижма), как прекрасно-цветная
роза; спокойно было тогда жить, как в
Эдемском раю; всякой всячине тогда
было вдоволь, ни в чём не имелось нуж-
ды. Нищие тогда уменьшились (число
нищих уменьшилось), не видно было –
не ходил никто в наибольших волос-
тях. Славилось тогда место наше чест-
ностью и довольством – всяким доб-
ром!

Но вот случилось с нами несчастье:
не могли догадаться – откуда пришла
в наше житьё, как злая змея, прелю-
бодейная, разорительная роскошь, ко-

цис прожиратны асьнумес и жыветнумес! Да кёдзе нёшта, садите ён койд пычканум (лёк) страстьяс, выжывитны позътэмъяс Ен ыджыд вынтэг; только Сыа (Ен) сие вермас, чыгъедэмен, мёри-тэмэн, кудз ыджыд висемъясэн, нечаяннэй напастъясэн, ыджыд розоренье-эн, кодъясэс роскош рёдитас. Оз ке сийе Ен быред ас ыджыд милэстънас, сяа миантэ быредас! Справитцыны ми ог верме никучем жыветъясен, рассеитас миантэ по лицу сея земли, мукедсэ мёгилаэ. Оні лои сэчем олэм – быдчяма лои уна, честыс и богатствэыс, быд почетнэй суетасыс: мый чыкем сёлэммы колэ, мёд землясьваенс, код синлы миця видзедны, сяа лои дёвель уна: табакыс и винаясыс, быдчяма забаваясыс, дик-меданъяс томъясэс, олэмнысэ вунэдтэдэз; озыр гажа сэк лолэнис, кодыр сяа хмель юраныс, жыветлы сэк пом оз лолы, только сымый сэк забота, кор кодкед гажедцыны, да хёзянинэ пёрны. Дружба сэк сэн ыджыд вёосе, мый ыжда веселье-ыс, пустошайтан би койд гажа, кыцедэз юраныс выйым. Модаяс лои уна немецкей и аглицкей, кодлы кучем требуйтце, чыкема хоть стрястъстыслы. Оні уна шутка серам, алас принадлежностьнас; оз, оз тёдныс только сийе хитрость, кучем выйым ловкей, онія светлэ приятнэй кудз слой гажа, деликатнэ, спокойнэ ооны веселэ, олан мирлы не противнэ. Водзяя койд уна абу, упрочитысь олэнумес, делаэн и примерен, – кучем важен волэмаэс важъя татэн олысьяс, мода помла думайтцытэг, ёрта-ёртлы топедэмен, общей совет карыгъясэ, бураа, советнэ ооны, йёзэс мед чыгемтытэг. Оні веське смелэй уна, быдчяма дела вылэ: только сэсё ѿти полэм, мед важъяс койд ог лоэ, кудз важ дедъяс олэмаэс. Мелкей посни расходдъясэн, принадлежнэй модаясэн, кодтэг оні яндзюм петны, мед оз кыси сэчем шуэм: э, кучем абу миця! Лои

торая стала пожирать нас самих и наш достаток! Да ещё сеет, насаждает внутрь нас, как крапиву, злые страсти, которых невозможно изгнать без великой Божьей силы. Только Он может это (сделать) через голод, большие болезни, большие разорения, нечаянные напасти, которые породят роскошь. Если Бог не истощит (не искоренит) её своей великой милостью, то она истощит нас! Мы не сможем справиться никаким богатством, рассеет нас по лицу сей земли, других (сгонит) в могилу. Ныне такое стало житьё – всего стало (появилось) много – чести и богатства (и) всякой почётной суеты; чего испорченному сердцу хочется – привозят из другой земли, на что глазам красиво смотреть (что для глаз красиво), того стало весьма довольно: табаку и вин, всяких забав, одуряющих молодых (людей) до забвения жизни; богаты, веселы тогда становятся, когда хмель в голове, богатству тогда конца не бывает, тогда только и заботы, когда с кем повеселиться, да сделаться хозяином. Тогда дружба тут бывает столько велика, сколь велико веселье, опустошительное как огонь, пока есть в головах их. Мод стало много – немецких и английских, кому какая требуется – хотя бы по испорченным страстям. Теперь много шуток, смеху с их принадлежностями; не знают только того искусства, как жить ловко, нынешнему свету приятно, весело, спокойно, деликатно, не противно миру. Подобных прежним нет много упрочителей нашего житья делом и примером, – какие издревле были здесь прежние жители, без помыслов о моде, с помощью друг другу, по общему совету жить в добром согласии, без стеснения посторонних. Хотя теперь много смелых на всякое дело: однако, есть одно опасение, чтоб мы не сделались, как досельние, — как старые деды жи-

йторни чыкем. Старики яс кулалэныс, важ асык моз оралэныс – сэк лосяны лёк азь койдэс, буръяс дорын нясти койдъяс, нравственнэстьлэн разаяс, обществолэн сектэдъяс, рёд-вужъяслы корбаяс. Пёра оні лоны куцис, сыа цветъяс тыдалэныс, роскошь слабэссь вынсялэ, здоровьелы чыкеданъяс, бур честлы воштанторъяс, розоритцем ваеданъяс; вот тая лосе беда – нравъяс труднэ справитны, здоровье вылэ бергедны, доверие воны, ёртаётлы веритетэ, нужда дырий орткооны. Кодэ оні ми кыятам, Изъва озыр общество, гажапыръя веселэ, слабесь вылэ уськедце; ни оти оні оз тыдоо нравъяс чыкем помла тёждыс: надетцем лои Ен вылэ, водзе сетас отаа ооны, коді сылы противнэ, – сэк ке только сетас миан, кор оз куцы жалейтны, мир лестьясэ усемыссь, кодэн адлы сюрам жертва, мёдор бурсыс лишилцям. Роскошь вылын кытны ныйы, быдчяма лёке усьны, кодэн уна пёръясям гут моз, кости кулалам рановременнэй смертэн; чыгыйсь сымый из на куу, мыйтэм виалис роскошь, невоздержнэй лёк олэм, кодысь миан колэ пооны, сыа вед лишиллас быд бур олэмъяссонум, вадалас скудэсътэ; сытэг вед пётын куцям веське эча нажыткаэн; расход лоас сэк дзёля, важъя дедъяснум койд же: вурны-вöцьны асынум куцям, портнэйлы деньга ог сетэ: быдэн куцяс ацыс кузя пасьта мера тёдны, быдэнлэн лоо туша кузя. Донтэм лоас сэк товар, лихнэй расходъяс оз ло. Расходнумес эчамедам, деньга сэк куцям чёжны вот вылэ, да соо вылэ, эча нёшта паськем вылэ нянь куцям асынум кёдзны, цери местэа ретка сёям, сые асынум вузалам. Ен никодэс чигъен оз ви робитысес никодыр. Оттэмаа сэк ооны куцям – бара мыйке Ен сетас: только сыа миан нужнэ – совесть чеснэ хранитны, распутствоись зэй пооны, рассудоклы вошты-

вали. От мелких расходов, причинённых модами, без которых теперь стыдно выйти, чтоб не услышать такой речи: э, как некрасиво! – произошла безвозвратная порча. Если старики перернут, как старые обручи перервутся – то они (нынешние люди) будут, как дурной борщ – перед хорошим, как грязь – заразой для нравственности, отягощением обществу, укоризной родным. Настаёт теперь пора, видны стали цветки, роскошь пересиливает слабость (слабых) – разрушители здоровья, истощители имущества, губители добродетели (доброго имени), виновники разорения: вот какая приходит беда – нравы трудно исправить, здоровье возвратить, прийти в доверие – чтобы верить друг другу, при нужде пособлять. Куда мы теперь плывём (стремимся), ижемское богатое общество, – радостно и весело склонившееся на слабость! Ни один теперь не знает, не заботится (не печалится) о порче нравов; надеемся на Бога, что впредь даст жить широко (жизнь роскошную), тогда как это ему противно, – разве тогда только даст нам (попустит это), когда не будет жалеть о том, что впали в мирскую прелесть, через которую будем жертвой ада, лишимся загробных благ. Покато плыть по роскоши, впадать во всякое зло, которым много обманываемся, как мухи, безвременно умираем рановременной смертью. От голода столько ещё не умерло, сколько убила роскошь – не воздержная, дурная жизнь, которой нам надо опасаться; ведь она лишит нас всего доброго житья, приведёт в скудость: без неё были бы мы сыты малым достатком; расход тогда будет мал, как у досельных наших дедов, шить, починивать будем сами, портному денег не дадим, каждый сам будет знать меру платя своего, у всякого будет по росту; тогда

тэг, рам мудрэсттын воосины – сыа, мед ыджыд дела, мыыкыд чёжны разумэн, кодэн ке ми озырмам, быдлын лоас гажа, быдпöраэ веселэ, пустэй забаваястэг, разоритантортэг. Но однаке местэнум сымыдатэм озыр оз ло (только ке разумен лоас) скотэн и деньгаэн, мыймыдатэм сек вöл, кодыр вицькояс карисныс, Могчей-Бёже и Мицяяге (1821 и 1833 в.), код вояслы коллеомысътэн юрвойтырnum циналіныс, запасъясныс муналіныс йöz бокевей войтыр дорэ, мужедыс вина вылэ, роскошь вылэ ог и казьтэ; скотъяс ыждаа эчамисныс (и местэнум чыгемсис). Ен ние ацыыс босьтыс. Слава Богу, сетліс Ен, мыйлы выйым казьтылны, вечнэ сийе хвалитны Сы сетламаяс пыдля!

сдешевеет товар, лишних расходов не будет; уменьшим расходы, станемкопить деньги на подати, да на соль, ещё немного на одежду, хлеб будем сами сеять, вместо рыбы есть редьку, а рыбу продавать. Бог никого работающего (трудящегося) никогда не убьёт голодом; тогда станем жить нешироко – опять Бог что-нибудь даст; нам нужно только совесть хранить честно, крепко бояться распутства, не теряя рассудка, быть в смиренномудрии – это самое великое дело, копить ум с разумом, которым мы, если обогатимся, – то везде будет радость, во всякое время весело, без пустых разорительных забав. Однако наше место всё же не будет столько богато (если и будет с умом) скотом и деньгами, сколь богато было тогда, как строили церкви в Мохченском и Красном бору (1821 и 1833 г.), по истечении каковых лет, главные люди (первые почётные люди) убыли (выбыли), запасы их перешли к посторонним чужим людям, а некоторые на вино, – а роскоши и не упомянем, – скот сильно уменьшился (и наше место стеснилось). Сам Бог его взял. Слава Богу, давал Бог – есть чем помянуть, вечно восхвалять Его за Его даяния!..

Примеч. Этот зырянский рассказ записан со слов природного зырянина Гермогена Филипова.

Подготовка к публикации В. А. Лимеровой.

Альбина Ануфриева

Ануфриева Альбина Зиновьевна (1940–1996) чужлёма Ухтинской (ёні – Сенгилейской) районса Порожск грездын. 1950–1970-өд воясö үджавлёма Арктикалён войкытшаса діяс вылын. Сәнi и заводитöма гижны. 1967-өд воо заочной помалома Дудинкаса зооветеринарной техникум. 1977-өд воян вуджёма Сыктывкар. Пырёма үджавны медучилище.

Медбоддза висьт йөзöдбома «Войыв козу» журналын 1962 воян.

«Майбыр», «Марина» повесътъяс да некымын висьт, на пын и «Тандзе Марья», пырисны сылён «Майбыр» книгаб (1989-өд во).

Тандзе Марья*

Висьт

Бёрья кадо уна гижёны да сёрнитöны народной медицина йылысь. Филиппинской хирургъяс по вир войт лэдзтöг вöчёны операция. Паськыда по бурдöдёны виссысь войтырös йöзкостса кужысь-тöдьисьяс и Вьетнамын... Миянлы, изыватас йöзлы, ставсö тайös лыдигён тöд вылö усьё асланым кужысь-тöдьись Тандзе Марья.

Рочева Мария Фёдоровна, либо Тандзе Марья, кызды ми ставён сийös шуим, оліс Изьва района Гам сиктын, Вылыс Гам грездын. Кувсис сийö ökмысадас кык арёсон, 1964-өд воян. Артала да артмö: кор ме сöмын на чужи тайö свет вылас, Тандзе Марьялы вöлёма нин квайтымын кöкъямыс арös, и некутшöм дивö абу, мый ме помнита сийös сöмын пöрысьён. Но и пöрысьнас сийö вöлi мича: ичöтик, косиндзи, пельк. Сийö

ветлöдлiс зэв тэрыба и кокниа. Он быттьё син водзын: мунё кё моски кузя Тандзе Марья, сапöг каблукъяснас сöмын: чок-чок-чок, – тшолкий. Кокошника, сыръя чышъяна, сийö век вöлi сэтшöм мичаа вöччöма, мый видзöдан да любйтчан. Гамын тшапитчыс изыватас аныыд уна, но Тандзе Марьясы тшапитчысъджык эз вöв. Коди сыкёд паныдаасяс, быдён зильö видзасыны пыдди пунктöмён, од кёть кодос босыт – либо вöвлi нин сы чунь пом улын, либо сюрлас на: он од водзö вылö тöд, кутшöм неминуча суас тэнö, гашкё, аски-аскомыс.

Дерт, позьё юавны: мый нö, тiян Ижмайын больница эз öмöй вöв? Больница, дерт жö, вöлi, и вöлiны врачъяс. Но врачъяс вежласисны: öти үджалыштас, мёд, коймёд – некымын дас вонас

* Ануфриева А. Майбыр.– Сыктывкар, 1989.– Стр. 101–111.

водзö и тшötсö воштöсны йöзыс, кымын врач вежсис Ижмаса больничаын, а Тандзе Марья – век танi, век аслас Вылыс Гамын, и кажитчö нин вöлi, мый сiйö век и лоас. Сэсся, кыдз сöмын эськö небыддожыка шуны, – врачыд öд кутшöм на веськалас, тöдьсис али абу, кужыс али абу, таланта али абу. Жаль кöть, но быдсямасыс жö на костын и паныдаасыл!

А Тандзе Марьялён талантын не-код эз падъявлы сы вöсна, мый йöз син водзын сувтöдавлiс кок вылö медся сьöкыд виссысьясöс. Шуёны, зэв вылö по донъявлöма Тандзе Марьялышь тöдöм-кужöмсö кызы вояссы дырджык Ижма больничаын уджавлöм хирург и главврач Брюшинин ёрт. Врачö Архангельскын велöдчöм бöрын сiйö воёма Ижмäö да уна виссысь мортöс сувтöдöма кок йылö. Ачыс кужыссы-сяма хирург, сiйö абу яндысыльвлöма юасылны Тандзе Марьялышь. Йöзыс шуёны, весиг больничаö по сiйöс уджавнны корлöма консультантöн. А Тандзе Марья та вылö: ог по вермы ме больничаад лун-лун пукавнысö, лекарство дуксыс поююрой висьмас... Ме нин ас вöлясис, мый верма да кыдз кужа, гортын вöча... Но, коло татчö шуны, Тандзе Марья йылышь йöз костын öнöдз олоны бурён казытылёмъяс, а мый танi збыль, мый легенда – абу кокни торийдны. Ачыс Брюшинин ёрт важён нин абу ловтья, а гöтырыс, профессия сертиис син бурдöдись врач, а онi, дерт, шойччöг вылын нин, – Ольга Николаевна Брюшинина, олö эськö Печора карын да, меным весиг адрессö сылыссы селлесны, но, тыдалö, важмöма адрессыс: письмöй воис бöр...

Тайö висьтсö гижны пуксыйтöдз ме дыр юаси быдторсö Тандзе Марья йылышь. Менам блокнотъясын эм уна висьтасыбм мохчаса, ижмаса, бакурса да кипиевоса войтырлён, кутшöм сиктö

вöлi веськала, сэн и юася Тандзе Марья йылышь. И ставныслён, кодкöд сёрнитлi, öтик дон: Тандзе Марья вöлi зэв бур лекар, кöть некор эз велöдчыв непöштö мединститутын, но весиг школаын. Но сiйö öмой мыжа, мый чужлiс сэтшöм кадö, а эз во ветымын сёрёнджык. Кор сiйö чужис, став Ижма-Печора пасьталаыс öдвакö вöлi кöть öтик врач-специалист, дай прöстö грамотной йöзыс вöлi лыда... А Тандзе Марьялы, тундравын, чомыйн чужсылым нывкалы, весиг думыштны велöдчöм йылышь вöлi некыздз. Сидзкö, миянлы коло донъявны Тандзе Марьяös сöмын сы серти, мый и кыдз сiйö вöчис йöзлы бурсö.

Мый жö?.. Заводита ассянь. Ме сюрлi Тандзе Марьялы чунь помъяс улö куимыссы, куимнаныссысö – челядьдырыйи... Отчыд гожся кадö ми паныдасим туй вылын да сiйö юалис: «Мада, кокъясыд пыр на татшöмөс? Мыйсис нö висьмисны?» Ме вочавидзи, мый кокъяс виссыёны со кык во нин, врач шуö: экзема по да сетис мазь. Бабöй, мися, быд рыт сiйö мазынас мавтö кокöс, но оз тай отсав: чулкиös пöрччигён кучикöн тшöтш кульсöй. «Висьтав бабыдлы, медым дасьтас вай тупыль, да волы ме ордö», – тшöктис Тандзе Марья. Кутшöм рад лои бабö, кор ме юörti сылы Тандзе Марьякöд сёрни йывссыс!

– Но инö, слабог, со видзöдлан, ставыс тэнад бурдас, – шуис мем баб, – Тандзе Марья öд турунъяссö öктö да наыссы кутшöмкö мазь вöчас, та вылö, тöдöмиссы, и выйсö корис...

Тандзе Марья ордö ветлöдлыштöм бöрын кокöй бурдис зэв регыдён, и некор нин сэсся эз лöмöссыыв.

Мöдись менё вокой катöдис Тандзе Марья ордö даддьён, кор ме исалiгён кокöс чеги. Помнита, кыдз йитис менссым кок лыös Тандзе Марья. Ме куйла вöлi сы ордын, вылi судтаас, а Тандзе Марья пукалö крёвать дорас да

мекőд варовитő, веськыда ме вылő видзбöдöмён. Видзöдласыс сылён пурт кодь лэчыд, видзöдлас, да и вунöдан, код тэ эм сэтшöмыс. А ачыс сэки малалö-löсьюдö менсым чегём кокöс, но некутшöм дой ме ог нин кыв, кöть не-важöн на тыр гёлöсöн чарзö-бöрдö. Дыр-ö ме сэк куйлі Тандзе Марья ордын – стöча от тöд, но эг зэв дыр: велöдчöм-сыс тай эг коль-а. Коймöд классын ме сэк велöдча вöлi... Неважöн Гамö волi да ме казтыштi тайöс воклы и юалi сылысь: «Санё, тэ он помнит, код кокöс ме сэк чеглi?..»

Вокöй сöмын и нюммунiс да завидь-прысь шуис: «Бура, тыдалö, тэчис коктö Тандзе Марья, ачыд кö он тöд, код коктö чеглiн! Ме тайöс ог жö помнит. Сöмын помнита, кор пыртi тэнö Тандзе Марья ордö, Сюлю тэнсыыд гынкöмтö пуртöн вундiс, сэтшöма кокыд вöлi пыктöма... А шуйгыд али веськыдыд – тайöс аслыд бурджык тöдны, чойö. Ме тай, со, чеглi жö кокöс да кувтöдз чотысöн коли, небось ог вунöд. Ижма больничайын тэчисны-вöчисны, и Сыктывкарын дыр куйлi, а век жö чота. Тандзе Марьялён эсъкö ни рентген эз вöв ни нинöм сэтшöмыс, но ыджыд таланта мортыд и сыйтöг кызд колö ассыыс делöсö вöчлiс...»

Воккöд тайö сёрниöс ме татчö вайöдi эг, дерт, сы могысь, мед омöльтны врач-ясöс да та отсöгöн кыпöдны Тандзе Марьяöс. Прöстö вок кöсийс тöдчöдны, мый врачыс öд уна, да кутшöм дорö веськалан, а Тандзе Марья öтик вöлi, и неудача сылён, йöзыс шуёны, эз вöвлы: босытчас кö мортöс бурдöдны, бурдöдас нин, медтыкö босытчис-а!..

Коймöдьсye ме Тандзе Марья ордö пышши больничайыс. Квайтöд классö пырöм водзын тайö вöлi, августын. Ми, гамса школьникъяс, весалiм колхозлы выль урожай кежлö му керка (овоще-хранилище). Сэн ме симöм кöрт тувиyöн

и дойдi чуньöс. Муртса дугдiс вирыс киссыны, водзö уджалi ныв-ёргъяскöд. А сэсся и пикö вои не сöмын чуньöн, но и ставнас киöй пыктiс да лоис кер кызта. Сюри больничай. Огпомнит, дыр-ö ме сэк куйлi больничаас, но зэв ясыда, быттьö ставыс тöрыт на и вöлi, помнита: войнас вöлi ог узь да кылi, кызд мекöд öтик палатаын куйлысы нывбабаяс сёрнитöны ас костаныс: «Жаль нывкаыс, – шуё öтиыс, – асывнас вундасны кисö». «Оз кö öд вундны, абу олысь», – содтö мöд. А первойыс кайтö: «Кутшöм жö эсъкö и олöм лоас ныв мортлы веськыд китöгыс да...» Менам весиг ки юкалöмыс лöньялiс либо вунлi, сэтшöма ме шöйöвöши, кор тайöс кылi. Гырдзäбöдз по киöс вундасны!.. Кодлы мый, а ме шуи виччысыны, кор суседкаяс унмовсясны, да пышшины татысь. Колö шуны, челядьдирый ме зэв збöйöн вöлi, мукöд зонмыс мейсъёна рамджыкön вöлiны, кöть нин аслам Санё вокöй.

Пышши ме больничасыс öшинь пырыс, халат да тапочки кежысь. Кызд вои Мохчаюрö, ог нин помнит, а со Нöлыньö колö вöлi вуджны Нöлынь пос вомöн и тан ме сувтi... Полöм босытс да. Пона жö вöлi со мыйысь: бабöй тшöкыда шулывлiс, мый Нöлынь пос улын по чöргтäяс олöны. Да и не сöмын менам баб тадзи шулывлiс, а гамса став пöрысь пöчыс. Тадз повзбöдлывлiсны ассыныс внук-внучкасö. Кутшöмөсö найö, Нöлынь пос улын олысь чöргтäясыс, – некор, дерт, некод эз аддзывлы, но кодлы инö сэсся олöмад эссыны, не кö муса бабыдлы? Ми эским, и Нöлынь пос дорын некор эг котравлöй сёр рытъясын. Но онi öд полан кöть он, а котртны Гамö колö, и туйыс сэтчö öтик... Нöлынь поссо ме котртi синмöс куньöмён, эг тай конъясь ни усь. Кайыштi Злöбалань чой паныц, туй бергöдчанi-нöдзис, сэсся лолöй быри да, сувтi.

«Бергёдча кё, чортсö аддза али ог?» – öтик мёвп волі юрам. Ачым тірала поломысь, но сæk жö и окота кöть нин син бöжнам видзöдлыны чортсö, кутшöм сiёй эм. Ме эсько зэв радейтi лыддысынны, лыдди уна книга и насыс тöдi, мый некутшöм чорт ни дявл abu, да дас öтик арёснад, тыдалö, мортыс abu на тырвыйтö тölка. Да и думыштöй асъныд: вой шöрвойтн сулалö туй вылын дас öтик арёса зэв висысь морт, пытшкёсса жарсыыс быттьö быын сотчö, сулалö сэтшöм местайын, кодён пöрысьяс повзьöдлоны посни войтырёс... Ме видзöдлi бöрö, Нöлынь послань... И – аддзи чортсö. Неыджыд тушаа, жеб, гёна гёгрёс чужёма и ачыс ставнас зэв гёна. Сiёй пукалiс перилö вылын кокъяссö кресталöмён да вак-вакён сералiс ме вылын – видзöдiс мелань. Мен эсько казтыны, мый шулiс бабö сы йылысь, кыдз мездысынны чортсыыс, усяс кё нин сiёй син улад, да татшöм здукас тай менам став ичöтик вежёрой юрсыым воши. Ог тöд, кыдз сiдз артмис, но дzonьвидза кинам шеныштi чöртланьыс да городi мый вынысь:

– Чörтыс тэнö!..

Чörтыс воши, быттьö эз и вöв.

Öni ме казтыла тайёс да сöмын нюмъяла. Тöда, мый менам сæk волi галлюцинация, а сæk ме тайё кывсö эг на кывлы... Но со ме, медбörти, и Тандзе Марья ордын. Öдзöссö восьтiс Сюлю... Ме мöдись нин казта тайё нимсо, и öni бытть колö восьтыны, кодi сiёй волi, пöрысь Сюлюыс. Сюлю волi Тандзе Марьякöд öттшöтшъя, весиг öткодь ов-ним-вича, старуха, чужёмсянныс немöй. Некод оз волi помнит, кутшöм кадсян Сюлю олö Тандзе Марья ордын, гашкö, томдырсянныс. Сюлюён зэв сöбыыда, мёмъялöмён, артмö волi сöмын öтик кыв, и тайё кывнас волi «мамö». Мамöён сiёй шуис Тандзе Марьяös, служитiс силы сöлёмсянъ-

ыс: керка дорын став сöбыыд да сöйд уджсö вöчис Сюлю. А уджыс тырмис, öд Тандзе Марья ордын век олiсны висысьяс. Та понда Сюлюös некор и не-код, кöть кутшöм кадö, эз сулы весь олыссыён. Сiдз и сæk: сöмын ме пыри да кутi висьтасыны садьмöм Тандзе Марьялы, сiёй нин, видзöда, юкалö сартас, кисьтö самёварö ва, сюйö би. Чай юём бöрын Тандзе Марья тшöктiс меным кайны вылi судтаас да водны, сэн пö прöст вольпась эм. Ставыс пö лоас бур, юин пö тэ пöжöм турун и öni унмовсълан, а садьман да, киыд лоас важ кодь вöсни нин. Унмовсъны ме век жö пырысъ-пыр эг вермы, кöть дойыс быттьöкö и збыль чиныштiс, и мем лои сэтшöм кокни, ставыс лои кыздzök веськодь, и кажитчыны кутiс, мый ме кывта ю кузя пыжён, и менö качайтöны гыяс... Кайис Тандзе Марья да юалiс:

– Мыйла нö он узь, мада?.. Узь, эн пов, сойтöгыд ог коль Сандра моньёыслысь внуchkасö... Сэсся миян дорö кайис ылавысь пырём Сюлю да нюжöдiс Тандзе Марьялы сюмöд. Сюмöссыс кильсö Тандзе Марья пысалiс емö, емсö таöдз тшук кежлö вомас сюйлöмён, да вурыштiс менам пыктöм килутшö!..

– Ак тэ, кутшöм abu кывзысысь ачыд, – мелiа, и стрöга, броткис Тандзе Марья, – век тай на он узь. Доймö öмöй киыд? Оз? Эн пов, лёксö Марья бабыд нинöм эг вöч, а кери ме тэнiд завöлöка. Кörъясöс тай тшöкыда лечитl тадз, завöлöкäön, да бурдлывлiсны. Бурдан и тэ!.. – варовитö, а ачыс синмам ёся сiдз видзöдö, быттьö пуртöн вундö... Узи ме, тöдöмысь, зэв дыр. Помниста садьмöмös, первой мёвпöн волi: «Кöн нö менам веськыд киöй?» Да и кыдз он думышт тадз, кор бörяя кымынкö луннас сiдз нин велалi ки доймöмлы, мый кажитчыны кутiс: век тадзи и лоас. А садьми, куйла шоныд небыд вольпасьын, пöttöдз узьсöма, и нинöм оз дой-

мы. Видзёдлі веськыдвывлань, а киой Ѻшало крёвать дорё джоджас пуктём ыргён таз вестын, и чунь помсым, буретш сэтысь, кыті кёрт тувнас дойдлі, виялө ор: кап-кап-кап. Тазъяс пёшти джынийс нин точкёма. А дойдлём киой и збыльсь пёшти сы кызта жё лоома, кыдзи и шуйгай... Радсыс и дивёсым эг казяв Тандзе Марьялыш кайомсо. Матыстчис мелань да юаліс:

— Палялін, мада? Аддзан, Марья бабыд эг пёрийдлы тэнö, став лёкыс нин кисыд петіс. Но и ладнö, но, инö, и бур. Мёдысь верös сайё кутан петны да казты Марья бабтö... Казытöдас менö тэныд, мада, нёшта и сийö, мый тайö чуньлон гыжыйд кутас быд тулыс вежсыны. Эн кёрлав чужёмтö, таысь он нин кув, а тайöыс — абу сой пёлён олём! Абу жё öд ме ен, кысь ме тэныд öні топыд, бур гыж босыта да пукта? Кёртай, небось, быд тулыс жё сюръяссö вежё да, олö...

* * *

Муса Тандзе Марья баб! Менам и збыль кызь кык во чёж быд тулыс вежсис тайö гыжой, но тайö öд и збыльсь — абу шог! Мыйла Тандзе Марья сёрнинас тшёкыда казтывліс кörъясо? Дерт жё, сы понда, мый кёр дорын чужём-быдмём нывка, сийö ичотдырыиыс на, первоыйсьюсö лечитлёма кörъясо. Со мый висьталіс Сизябск сиктын и öні на олыс Фиста баб, Тандзе Марьялён нылыс:

— Мамёлы ар дас кымын вёлёма, кор ётчыд авко кёр (тадз шүёны чом дорын быдтöм, ки помысь вердём кёрөс) кутас чотны. А сэсся авколён кокыс сізд пыктёма, мый кörыйд сы вылö тувчыны оз вермы, кутас чеччавны куим кок вылын. Мамё и видлас, дас арёса нывкаыд. Пидзёсис по чегома,— да тэчас. Тасянь сылён и практикаыс пан-

сяс, висьмом кörъясо век лечитёма. А ѹйз пысьс медводзён мамё лечитас ассыс писо, квайт арёсао, кор сийö коксо чегас...

Но öд Тандзе Марья не сомын лы лёссыдьсёон вёлі. Кыдзи ме ас серти тёда и кыдз шүёны сийёс тёдлём став ѹйзыс, мортыс кужис лечитны гипнозён, — öнія ногён кё быттьё донъявны тайёс. Кытысь сылён вёлі тайё күжомыс, кор сийö казявліс ассыс татшом сямсо? Тандзе Марьялыш öні он нин юав.

Öні öд гипнозтö ёна пыдди пуктёны-а. Сэк, кор оліс Тандзе Марья, сэтшом сяма морттö нимтылісны еретничайон, дай ставыс... Тёдіс сийö и турунъяс. Со мый меным висьталіс Сыктывкарын олыс Тандзе Марьялён внучка, Роза:

— Бабö тёдіс, кутшом турун да кор колö öктыны, тёдіс не сомын лунсо, но и чассо. Öктіс, кыдз мем кажитчö, став турунсо, быд сикассо. Весиг вёлі нююр кайла да мырпом вая, тшёктас мырпом корсö весавны и эн по шыбит, косьта по да лекарство лоас. Но медся уна висьсисо бабö лечитіс, дерт, ки-кок чегомаяссо да калекаяссо.

И меным тёд вылö уси Валя, роч нывка. Валечка оліс Тандзе Марья ордын кык во. Кор батыс сийёс вайёдіс миян Гамё кытысъё рочысь, Валечкалы, кыдзи и меным сэк, вёлі öкмис арёс. Но сийö вёлі мышка, и кётे ёртасис и мекöд, и гамса мукöд нывкёд, эз вермы котравны миянкёд крут кыръясо, вотчыны ягын, тёвнас иславны даддьён. Сийё весиг школаö эз ветлы, а гамса учительяс сетлывлісны сылы задание, да велёдчис гортас, Тандзе Марья ордын, — мед не кольны программаыс. Помнита сийё лунсо, кор Валечка воис Гамё. Ме кая вёлі Ижмасянь горто тыртём ведраён, котёрён, медым удитны на школаö. Ижмайын ме вузалі йёв,

мед баболён волі съомыс нянь ньобны. Котёрта волі туй кузя, и друг менё вётодіс вола, да ямщиқыс меным городіс:

— Гамса, пуксы! Гортодзыд катода, сомын отсав меным роч дядьоыскод варовитышты!.. — Ме эг виччысь мёдыс кором, пукси көшоваас, көні пукаліс, ямщиқыссындыз, төдтөм дядьо. Нывкассо ме эг дзик пыр казяв, сийос волі ёна гартоома-тубралома, и куйліс сийо чола. Сы вылө мем и индіс ямщиқыс да шуис: — Нывсө Тандзе Марья ордо лечитны вайёдё кытысък зэв ылсыс! Батыс менсым мыйкө отаро юасьо, а ме мёмт моз сомын нюмъяла, велодчытом мортыд, рочсо оғ төд да!

Роч дядьоыс күтіс юасыны менсым, күтшом классын ме велодча, сәссе Тандзе Марья йылсыс. Ми пё сы йылсыс төдмалім ётик нывкасиян, коді быдмома татчоос детдомын, а сәссе сийос ыстомаобсы мианланьо велодчыны ткачихао. Гижлі пё ме, да Тандзе Марья вочавидзис: вайёдлы пё, видзёдла нывтö.

— А мый,— юаліс менсым роч дядьо,— Тандзе Марья и збыль кужысь морт?

— Збыль! — съоломсянъ эскоді ме.

— Коты эсько мед босытчис,— майшашо дядьоыс,— ѡд гижис сомын, мый видзёдла по нывтö. Быдлао нин нүодлі Валюшай, татчо медбөр надеяон вайёда. Доймом бөрас Москвайын, клиникаын дыр куйліс и мый, а мыш век жо быдмис и быдмис... Тэ пионерка? — виччысътог юаліс дядьо.

— Да,— вочавидзи,— таво примитисны.

— Босыт, сідзкө, пионерской шефство Валечка вылын,— сёрнито мекод локтём мортыс,— отсав урокъяссо велодны, ладнё? Ме, дерт, сёрнита гамса учительяскод, но и зэв эсько бур, тік, татчоос нывкаяс, дружитчаныд Валюшакод да отсаланныд сылы.

Ладнё, мися, ныв-ёртъяскод сёрнитча да ми кутам волыны Валечка доро, мед сомын миянос Сюлю лэдзас-а. Велодчыны отсалам и... Төдтөм мортлы сетём кывссо ме эг веж, первой төвссо, кор Валечка сомын куйліс, дзик эз ветлодлы, ме быд лун, школаись воом борын, велоді сыкод урокъяс. Кыткө ме сылы объясняйта, а овлө волі, мый Валечка меным толкуйтö, ѡд сылон бать-мамыс, воломкө, учительяс, да бура уна жо сийо төдіс, уна интересной книга лыддыывлома сэтшоммөс, күтшом миан сиктес библиотекаын эз и вөв. Валякод меным, дерт, волі зэв интереснö! Но кызд жо жаль волі Валечка сийо здукъяасас, кор ме сулывлі сийос лечитігас!..

Тандзе Марья, дерт жо, некодёс эз лэдзлы кайны вылі судтаас сәк, кор лечитіс виссысъясо, татшом кадо кө волі локта, ме век волі пукала уліас Сюлюкод, лыддыысигмоз либо прости чола: Сюлюкод он сёрнит! Сыкод сёрнитны кужис сомын Тандзе Марья, найо ёта-мёдсө гёйрвоисны. Но коркө Сюлю ѡд и ывлАО петавлас, сәк и сюйла волі юрөс пос вывсянныс вылі судтаас, ичтө арлыда морттö тай некутшом ѡлодом оз кут. Помнита: Валечка куйлө вольпасяс кымынъон, а Тандзе Марья, крөвать дорышас пукаломон, чунь помъяснас личкалө и личкалө сылыс мышссо. И сэтшом, тыдало, тайо абу кокни удж, мый кыкнаныслон широн киссё ныломыс. Валечка сомын ружёктывлö, а Тандзе Марья кыдъя рочон век мыйкө юасьо да висътасьо, сийос ылодом могыс.

Кык во оліс Тандзе Марья ордын роч нывка, кык төв төвийис. Коркө-й воис батыс сийос гортас нүодны. Ме волі буретш сэн, кор сийо локтіс. Батыс, бурако, синъясыслы эз эски, кор аддзис нывсө. Помнита тай: кыз синваён бордзис. А ѡд сийо учитель, асьсо

нин киын кутны күжкысъ морт. Нэм кежлө паметям коли верстъё мужичой-лон тайё бордомыс. Сийю юаліс Тандзе Марьялысь:

— Мария Фёдоровна, шуой, мыйон меным мынтысыны тіянылы ставсыс, мый ті вёчинныд?! Шуой көтү күтшом дон, коло кө, ме керкаос вузала, но тіянкод мынтыся кызд коло!..

— Керкаид ётик? — чөв олыштөм борын юаліс Тандзе Марья, — тэ олан сәні?

— Ётик, дерпт. Но и мый? Ме верма и частной патераын овны.

— Ас керкаад ов, семья од тәнад. А мынтысыны... Чай-сакар вылө од се тыштан. Сәссея коркө, Валечка кор быд мас, ас на жётка вылө петас да Марья бабсо кө сийю кадодзыс оз вунёд, гөснеч меным ыстас, мича сыръя чышъян... Он вунёд Марьюшка бабтö, Валентина? — юаліс Тандзе Марья да сибодліс нывкаос ас бердас.

Валечкалён батьыс ветліс нылыскод да миянкод, гамса нывкаяскод, креж дорё, любуйтчис, кызд нылыс повтог котрало медся крутинъясті, сәссея фотографирийтіс ставнымос ётчукорён, Валечкаос пуксьодіс шорас, дзоридз бүкетон киас... Паметь по колю тіянылы, — шуис дядьё, кор сеталіс миянлы фотояссö. Ёти фото и оні на эм Гамын, видзö сийюс Юния Ануфриева (Соколова).

Неважён ми казытылім Валечка йыллысь Гамын аслам учительницақод, Истомина Павла Яковлевнакод.

— Да, ме сийю нывкаос помнита бура, — шуис порысь учительница, — көтү эсько Тандзе Марья ордын сэтшом виссыс челядьыс уна вөвлі, а Валяыс од воліс Гамё 1964-од воян, кор Тандзе Марья кувсис. Валя помалома медицинской институт, лоома челядьёс бурдодыс врачон, педиатрон... А Тандзе Марьяос медбör туюс колльбодныс чукорчыліс йозыс эз ётик сурс морт...

...Гамын меным висъталісны и Тандзе Марьялысь медбör лунсо да кулёмсö. Со кыздзи тайё волома.

Кулём водзас медбörъя некымын восö Тандзе Марья олому аслас внучка ордын. Внучкаыс, Галя, оло верёсыскод Вылыс Гамын. Тайё — уна челядя семья. Со и пукалоны, волом, ётчыд гожом пом кадо, асывнас, ставныс ыджыд пызан сайын, ставныс юёны чай. Друг Сюлюлон чужомыс вежсяс, быттоб мыйысыкё ёна повзяс. Галя, кызд и Сюлю, видзöдлас Тандзе Марья вылө, а мёдис и шуо: «Внучка, вай джоджё шыбитлы воль да ме водла тшук кежлө...»

Окмысадас кык сәк волі Тандзе Марьялы, и таодз сийю некор эз висълы либо, висъліс кө, сяммис висъны не кодлы петкодлытог. Та вөсна и Галялы ёна диво лоас бабыслон коромыс. Но кызвысяс, водтодас бабсо да шуас: «Бабо, мыйлако тай тәнад гыжъясыд дзик лўзодісны...»

— А мый нё, — небыдица вочавидзас баб, — быть лўзод, ме од талун кула. Челядь мед оз повзыны, ысты гортысь поснияссö.

И сомын тайёс шуас Тандзе Марья — гурйыв воссяс пыран одзёс, и пырас вылыс гамса том нывбаба, моздорас кутё лёккысъ горзысъ арён-джынийона писо. Казялас пырысыс джоджын куйлысь Тандзе Марьяос да и городыштас:

— Марьюшка бабнымо, мый нё джоджын куйлан? Модарьюгыдас ѡмой мёддочан? Эн тэрмась, тэ коддьомыслы кык нэм коло овны, да сийю на этша лоас.

— Мый нё детинаыдкод лои? — одва кывмён нин сёрнитё Тандзе Марья, — доймис али мый?

— Веськыд кисо тай водзё нюжодны дзик оз вермы, вөрзьома ли мый ли киыс. Видлан?

— Татчо, мекод орчон, пуксыыв сыкод, видзöдла нин, ловийон сүин да, —

корома Тандзе Марья, а кор нынбаба пыыскöд пуксясны сы дорö джоджас, кагалыс кисö чунъяссяныс пельпом-мöдзыс личкышталомён видлас да шуас: «Пельпом лыыс тай абу местын, вörзьёдома и эм... Галя, менам öд лёккой нинём нин абу, да отсöгтöг ог нин правит, вай пуксыыв татчö да кызд ме личка, тэ нетшышт сойсö».

Внуучкаыс отсöгён тадзикöн сетас отсöг детинкалы Тандзе Марья, а сëсся, зэв дöвöль, пыдисянь ышловзяс да шуас:

— Слабог, олёмам медбör мортлы отсалi безвинной дитялы, да тысы менё енмыс ас дорас кокниа босытас... Лёня, ноко, мыгчы детинкалы кампет, мед судзöдö... Бура тай тшапкис кампетсö, сидзкö, бурдiс киыс... Лёкён Марьюшка бабныдтö некод эн казтылöй...

Сiёо лунас и кувсяс муса баб, воль вылысь оз нин и сувтлы. Регыд кувсяс и Сюлю, мёдöдчас аслас «мамоыс» борсяя.

Тандзе Марьёс медбör туяс колльöдны юззыс и збыльысь чукörtчылöма зэв уна. Колльöдчыссясыс по вöлöмайбас гу дорсянныс Нöлынь поскöдз, а тайö öд — некымын километр. Ижма кузя, Печора кузя кутшöм вöлöсть эм — быдлаясь воломайбас Тандзе Марьён

И XXI нэмийн юззыс пыр локтöны Тандзе Марьялöн гу дорас.

бурдöдомаяс, сы чунь помъяс улö коркö сюрлöм юз... Кызь во сылон кулöмсянь коли, а волы гу вылас — век сёянтор куйлö, а гожомын кö — и дзоридз... Оз кус Тандзе Марья йылысь паметыс изыватас юз пöвстын, казтывлöны сiёос верстö юз, пöрыссяс, кодъяс ассынис тöдлисны Тандзе Марьёс. А челядьнислы да внукъясныслы найö висьтавлöны, со öд кутшöм морт овлiс-вывлis миян Гамын, нималiс бур делöён, тöдём-кужöмён. Висьтавлöны сэтшöм уна и сымда нога, мый öнi он нин и гöгöрво, мый танi збыльысь вöвлöмтор, а мый — легенда, майд. Но тайöс öд колö олёмнад шедöдны, мед тэ йылысь кулём бöрад лöсбöдлисны майдъяс!..

Ирина Ильина

Ильина Ирина — кандидат исторических наук. Автор более 150 публикаций в российских и зарубежных изданиях по проблемам традиционной культуры коми, хантов, северных русских.

Ижемская целительская традиция и Тандзе Марья

Решая проблемы адаптации человека к экстремальным условиям Севера, целесообразно обращаться к опыту, накопленному коренными народами этого региона. В процессе приспособления к окружающей среде они не только выработали способы защиты от неблагоприятных для жизни природных факторов, но и активно использовали для этих целей ресурсы среды обитания. Материалы этнографических исследований народа коми показывают, что одним из важнейших механизмов культурной адаптации является традиционная медицина, особенности которой складывались во взаимодействии со всей системой природно-экологических и социально-экономических факторов. Климатические и географические условия обитания, хозяйственно-бытовой уклад жизни, социальная организация, этнокультурные контакты обусловливали как характер заболеваний, так и способы их лечения и предотвращения, создавая тем самым этническое своеобразие народно-медицинской практики. Ярким примером влияния этих факторов на медицинскую культуру этнической группы является традиционная медицина ижемцев, характеристики которой посвящена данная статья. В ней представлены материалы полевых этнографических исследований, проведённых летом 1984 и 2006 гг. в Ижемском районе Республики Коми (с. Ижма, Мохча, Сизябск, Гам, Кипиево).

Ижемцы — самая северная этнографическая группа коми, сформировавшаяся в XVII–XVIII веках в бассейне средней Печоры и её притоков Ижмы, Колвы, Усы на основе переселенцев с Мезени, Выми, Усть-Цильмы, ассимилировавших впоследствии коренное население — европейских лесных ненцев. Коми первопоселенцы на Ижме оказались в экологических условиях, предельных для функционирования традиционного хозяйственного комплекса коми, и успешно адаптировались к ним благодаря введению новой отрасли хозяйства — оленеводства, заимствованного у ненцев и впоследствии усовершенствованного. В процессе развития оленеводческого комплекса и освоения зоны крайне-северной тайги и тундры у ижемцев выработалась яркая культурно-бытовая специфика, которая проявилась и в народной медицине, причём как в ассортименте лекарственных средств, так и в структуре медицинских знаний.

Попав в новые экологические условия, ижемцы практически утратили традиции использования в лечебных целях высших растений. Из более чем 140 видов растений, использовавшихся в народной фармакологии коми, на Ижме зафиксировано применение лишь следующих: багульник (*керч*) – отвар веток принимали при кашле, одышке; берёза (*кыдз пү*) – верхним слоем берёзовой коры заклеивали раны, нарывы; настойку берёзовых почек принимали внутрь при желудочных болях; кипрей (*мупача*) – отвар цветущей травы принимали при кашле; лютик (*виж турун*) – компрессы из травы применяли при болях и ломоте в суставах, пояснице; мята (*мятнэй турун*) – отваром травы полоскали горло при ангине, принимали внутрь при кашле; подорожник (*лап кор*) – свежие листья накладывали на раны для вытяжки гноя, скорейшего заживления; тысячелистник (*пороз турун*) – свежую траву, компрессы из отвара травы применяли наружно как кровоостанавливающее и ранозаживляющее средство, внутрь отвар травы принимали при болях и ломоте в суставах; клюква (*турипув*), морошка (*мырпом*), брусника (*пув*) – эти ягоды ценились как витаминные средства, отвар чашелистиков морошки пили от кашля.

Более характерно для медицинской практики ижемцев применение в лечебных целях лишайников. Лопастянка исландская, или исландский мох (*ош съёд юр нитиш, съёд нитиш*), в форме горячих компрессов использовалась при болях и ломоте в суставах, при растяжении мышц, при сильной усталости рук и ног; распаренным мхом растирали больного при простуде. Нередко мох запаривали горячей мочой больного. Ягель (*еджыд нитиш*) употребляли как профилактическое средство от цинги, ели при боли в зубах.

Показательно следующее сравнение: если прилужским, вишерским, верхневычегодским, верхнепечорским коми, проживающим в зоне тайги с богатой и разнообразной флорой, были известны целебные свойства не менее пятидесяти видов растений (каждой из этих групп населения), то ижемцы использовали в повседневной медицинской практике чуть больше десяти, причём наиболее широко лишайники.

Весьма показательны и изменения, произошедшие в обрядности, связанной с Ивановым днём. Повсеместно коми считали, что целительные силы трав в период летнего солнцестояния настолько велики, что придают лекарственные свойства и росе. Эту росу собирали, расстилая на лугах льняные полотенца, в Прилужье (южная группа коми) в купальскую ночь каталась по росной траве, приговаривая: «*Сизимдас сизим турунысь лысва – сизимдас сизим висьём вошас!*» (с семидесяти семи трав роса – семьдесят семь болезней исчезните!). На Ижме же именно роса, выпадавшая на Иванов день, считалась особо целебной, поэтому связанную в пучки траву в течение трёх дней по утрам выносили «собрать три росы» (*куим лысва чукёртны*), затем высушивали и хранили в красном углу на случай болезни.

Ассортимент лекарственных средств расширился за счёт широкого и разнообразного применения продуктов оленеводства. При малокровии, цинге, заболеваниях почек пили свежую кровь оленя. Считалось, что тёплая кровь только что забитого животного благотворно влияет на самочувствие, взбадривает организм и придаёт новые силы. Растворенный костный мозг оленя закапывали в уши при гнойном воспалении после простуды и в глаза с помутневшей роговой оболочкой;

использовался он в качестве растираний при ломоте и опухолях суставов. При простуде, сильном кашле, ангине, заболеваниях печени пили растопленный мозг из костей нижних конечностей оленя. Головной мозг употребляли как средство от головокружений. Печень животного считалась очень полезной при малокровии и желтухе. При истощении, малокровии больного кормили киселем, сваренным из оленьих рогов. Довольно распространённым лечебным средством являлся олений жир. При простудных заболеваниях его пили, им тщательно растирали тело при ломоте и болях в суставах, ушибах. Использовался он и в качестве смягчающего средства при обморожениях и ожогах. Для ускорения созревания нарывов, вытяжки гноя при мастите, фурункулёзе, золотухе к воспалённым местам прикладывали компрессы из распаренных оленьих шкурок. С этой же целью использовали тоненькую плёнку с мездры шкуры жирного оленя, приклеенную к нарыву с помощью мыла.

Одним из факторов, способствующих сохранению здоровья, является пища, поэтому следует подчеркнуть изменения, произошедшие в структуре питания ижемских коми. Основой рациона оленеводов являются мясо и рыба, обеспечивающие организм необходимыми в экстремальных климатических условиях белками и жирами. Свежая, вяленая, сушёная или слабозасоленная оленина, рыба, дичь, бульоны на оленьем мясе и костях, рыбе, топлёный внутренний олений жир, жир, снятый с бульона, костный мозг, каши и лепёшки на оленьей крови были повседневной пищей. Особое значение имеет сыроедение: в летнее время – ягоды, дикорастущие лук и чеснок, являющиеся не только сезонными лакомствами, но и витаминными добавками, зимой – строганина из оленины и рыбы и в любое время года – печень, сердце, кровь оленя.

Анализируя ассортимент народных лечебных средств ижемцев, нельзя не заметить определённого влияния ненецкой народной медицины. Сходные природно-экологические условия проживания и хозяйствственные занятия могли обусловить и сходные приёмы лечения. Тем не менее, видимо, из ненецкой медицины пришли такие лечебные средства, как исландская лопастянка, чашелистики морошки, костный и головной мозг оленя, кисель из оленьих рогов, поскольку для народной медицины коми в целом они не характерны, а с заимствованием у ненцев оленеводства ижемцы могли перенять и знания о лечебных свойствах данных продуктов. От ненцев заимствованы и некоторые гигиенические средства: так, например, детские колыбели оленеводы устилали оленьким шейным волосом, под который насыпали хорошо впитывающие влагу берёзовые гнилушки или мох – на такой подстилке ребёнок всегда оставался сухим, в качестве перевязочного материала использовали стружку из тальника или берёзы (Хомич, 1974. С. 238; Василенко, 1994. С. 60).

Переход к оленеводческому хозяйству повлиял на структуру медицинских знаний, содействовав преимущественному развитию такой отрасли медицины, как травматология. Условия оленеводческого быта с высоким уровнем травматизма, отдалённостью от населённых пунктов при кочёвках требовали от каждого оленевода умения оказать срочную медицинскую помощь, а повседневная ветеринарная практика обеспечивала накопление необходимых знаний в области анатомии, способствовала формированию соответствующих приёмов и методов лечения. Поэтому человек, способный оказать действенную травматологическую помощь,

имелся практически в каждой оленеводческой семье. Показательна в этом отношении судьба известной костоправки из с. Гам по прозвищу Тандзе Марья (Мария Фёдоровна Рочева, урожд. Витязева, 14.04.1866 – 25.08.1962; этимология прозвища не ясна). Дочь оленевода, выросшая в тундре, она с детства начала изучать анатомическое строение животных, затем под руководством отца стала оказывать ветеринарную помощь: училась вправлять вывихи, лечить растяжения, помогать при отёле. С восемнадцати лет начала практиковать на людях. Отличаясь особой наблюдательностью, хорошей памятью, имея сильные чуткие руки и твёрдый характер, она достигла большого мастерства и пользовалась особым признанием населения не только ижемского куста деревень, но и всей средней Печоры. В целом же её пример – типичный путь формирования большинства ижемских костоправов, и до сегодняшнего дня в ижемских сёлах практикуют врачеватели, из числа которых выделяются лекари узкой специализации: специалисты по массажу, вправлению разного рода вывихов, переломов, лечению «надсады».

В условиях деревенского быта оказание травматологической помощи осуществлялось в бане. Предварительно распарив больного, растерев его маслом или жиром, костоправы вправляли вывихи, делали массаж в форме поглаживаний, похлопываний, разминаний при растяжении мышц, ушибах, ломоте в суставах. В сложных случаях прогревание и массаж повторялись в течение нескольких дней.

Массаж применяли при «надсаде» – опущении органов брюшной полости после тяжёлой работы, переноски грузов. Разогретая область живота массировалась в форме глубокой пальпации от нижних отделов брюшной полости к подреберью. Если больной чувствовал тошноту, то процедуру сразу же прекращали. Затем на живот накладывалась фиксирующая повязка,держивающая внутренние органы в приподнятом состоянии. Больному рекомендовался физический покой, но поскольку в условиях оленеводческого быта соблюдать его было сложно, то процедуру лечения приходилось периодически повторять.

Массажем пытались лечить и постоянные головные боли, головокружения, вызванные, по народным представлениям, «смещением мозга» после ушиба, резкого поворота головы. Костоправ отметками на шнурке, повязанном по надушной линии вокруг головы, измерял расстояние от середины лба до правого и левого уха, от ушей до затылочного бугра. Если часть шнура оказывалась длиннее, то приступали к лечению: костоправ лёгкими разминающими, поглаживающими, поколачивающими движениями массировал голову, затем с силой сжимал её со всех сторон, как бы придавая голове «правильную форму». Часто такой массаж, несмотря на наивное объяснение причин болей и принципа лечения, облегчал состояние больного.

Свообразные приёмы были выработаны народными врачевателями для лечения переломов. После тщательного осмотра места травмы костоправ вправлял повреждённые участки и накладывал лёгкую шину из бересты или тонких дощечек, которые укреплялись тесёмками. Шина ежедневно снималась, место перелома массировалось лёгкими покалывающими движениями щёткой (*эу* – пучок щетины, перевязанный верёвкой и залитый с комля смолой). Затем вновь накладывались повязка и шина. Если перелом был открытый, то осколки кости удалялись, рана обрабатывалась водкой, отваром тысячелистника, присыпалась порошком.

ком из белемнитов и забинтовывалась мягкой тканью. Шины в таких случаях также были временными и периодически снимались. Костоправ постоянно контролировал, правильно ли срастается кость. На более длительное время фиксировали переломы, обматывая их влажной оленьей шкурой, которая после высыхания становилась жёсткой и удерживала конечность в нужном положении.

Ряд приёмов врачевания был обусловлен представлениями о причине болезни как «скоплении дурной крови», и задача врачевателя заключалась в том, чтобы как можно быстрее и искуснее устраниТЬ её. С этой целью в народной медицинской практике применялась процедура кровопускания. Место кровопускания на теле распаривалось, на вскрытый сосуд накладывался рог с отверстием для высасывания воздуха, а после окончания процедуры — тугая повязка.

Применялся ижемскими врачевателями и следующий способ лечения «простуды, ушибов, расслабления членов и других болезней, связанных с порчей крови: берут сухую берёзовую губку, обрезают её наподобие плоского кружка, кладут на больное место и зажигают сверху. Когда огонь зажжённой губки начнёт достигать тела и больной почувствует боль — это значит, что в том месте нет скопления дурной крови и что губку надо приложить к другому месту и так далее до тех пор, пока губка, коснувшись тела, не отскочит сама собою. Иногда она отскакивает вершка на четыре. Это считается признаком того, что в том самом месте есть сильное скопление дурной крови. Тогда губку снова прикладывают к этому месту и, придерживая её чем-нибудь несгораемым, выжигают тело глубиною на две или три линии. После сего начинается гноение раны и нередко бывает, что при наклонении её книзу извергается чёрная сгустившаяся кровь, потом начинается гноетечение, и в таком виде поддерживают рану до тех пор, пока больной не получит облегчения» (Кочиев, 1848. С. 553–554). Трудно судить об эффективности такого лечения, поскольку в настоящее время никто из информантов не применяет его на практике, но характерно, что аналогичные способы лечения были хорошо известны многим народам Европейского Севера, Дальнего Востока, Центральной Азии (Шренк, 1855. С. 493; Богоявленский, 1966. С. 11).

От ненцев был заимствован способ лечения воспаления глазных век. Весной, после того, как глаза в продолжение всей зимы подвергались действию блеска снега и дыма от костра, разводимого в чумах, у заболевшего появлялась резкая боль в висках и орбитах глаз. Ненцы считали, что это происходит от сильного прилива крови к глазам. Чтобы избавиться от этого, они обычно надрезали верхние веки ножом и выпускали кровь. При этом больного укладывали на спину, врачеватель выворачивал ему веки и делал надрезы. Затем к надрезам прикладывали комочки снега, которые впитывали в себя кровь (Хомич, 1974. С. 238).

При всём разнообразии приёмов и методов лечения, зависящих от характера травмы, индивидуальных навыков лекаря, поведение костоправов во время оказания медицинской помощи имело одну общую черту. Сохраняя полнейшую невозмутимость даже при крайне беспокойном поведении больного, каждый из них обязательно вёл разговор со своим пациентом. Доверительно-доброжелательный и вместе с тем уверенный и волевой тон успокаивал больного и, конечно же, производил определённый психотерапевтический эффект. Это хорошо осознавалось самими врачевателями, и поэтому хладнокровие, выдержанка, терпеливость

считались среди них необходимыми профессиональными качествами. Наличие постоянной связи врачаевателя и больного в процессе лечения являлось одной из причин эффективности народно-медицинской практики.

При проведении полевых исследований обращает на себя внимание рационализм народной медицины коми-ижемцев. Характерные для народно-медицинской практики коми магические способы врачевания известны на Ижме преимущественно на уровне быличек и редко применяются на практике, в основном при лечении детей. Характерно, что термин *пöлясьысь* (*пöлявны* – дуть, сдувать), этиология которого связана с приёмами магического врачевания, использовался на Ижме для обозначения костоправов, в практике которых элементы лечебной магии практически отсутствовали.

Показательно и отношение коми оленеводов к ненецким шаманам. Исследователями давно отмечены факты особого почтительного отношения к сакральным лицам чужого народа. Однако ижемцы, переняв у ненцев рациональные средства и методы лечения, прислушиваясь к пророчествам ненецких шаманов, всё же отмечали их беспомощность в лечении болезней, пренебрежительно оценивали шаманские камлания по поводу изгнания злых духов болезней. «*Тадибеи - обманщики, только смешат людей, когда пробуют кого-нибудь излечить*», – отмечали информаторы, соприкасавшиеся с практикой шаманов сами или слышавшие о них от родственников.

Одна из причин подобного рационализма вполне очевидна. В условиях освоения северных территорий, перехода к новому типу хозяйства большой процент травматических повреждений, простуд в условиях оленеводческого быта требовал особого внимания именно к такого рода заболеваниям. Легко объясняемые рациональными причинами, они столь же рационально и лечились. Но, вероятно, дело здесь и в особенностях передачи определённых традиций в условиях формирования новой этнической группы.

Индифферентное отношение к лечебно-магической обрядности и сегодня сочетается у ижемцев, особенно у людей старшего и среднего возраста, с широким распространением представлений, характерных для традиционного мировоззрения коми. Среди них бытуют былички о колдунах, насылавших на людей болезни, о духе, вселяющемся в человека (*висян, лишинка*) и причиняющем страдания, о банных и домовых, способных подменить ребёнка.

В соответствии с традиционными представлениями строятся и рассказы о наиболее известных врачаевателях, особое место среди которых занимает Тандзе Марья, упоминавшаяся выше. При описании собственно лечебной практики подчёркивается её искусство мануальной терапии: «*когда она лечит, только пальцы работают*» и сама целительница, обсуждая вопрос о передаче своего дара, говорила: «*вот эти руки и пальцы мне надо отдать*» (Историческая память, 2005.– С. 131). В то же время личность Тандзе Марьи наделяется чертами, характерными для мифологического образа коми *тöddyсь* (*тöдны* «знать, узнать, отгадать») – лица, обладающего сакральными знаниями и особым даром. Неслучайно в некоторых текстах о ней используется термин *еретница*, применявшийся для обозначения знахарей, приобщённых к «иному» миру. Приобщившийся к иному миру становится отличаемым от других людей, и Тандзе Марья «*не как все была бабушка – ходила особенно, сарафаны носила по-особенному, красиво,*

Известная ижемская целительница Тандзе Марья.

никто так не носил и – самое показательное – **«в глаза никогда не глядела»** (ПМА 2: Ануфриева, Жилина).

Обладая особыми знаниями, знахарь, как считается, наделён способностями видеть тайное и предвидеть будущее. Поскольку в процессе любого лечения исключительно важным является правильная постановка диагноза, то на этом аспекте неизменно акцентируют внимание информанты, рассказывая об известных знахарях. Они полагают, что *тёдысь «видит»* болезни ещё до осмотра человека. И Тандзе Марья наделяется способностью узнавать о цели прихода очередного пациента уже в тот момент, когда видела его, глядя в окно, ставить диагноз до осмотра. В целом ряде текстов звучит устойчивая формула *«Знаю-знаю, зачем пришёл»*.

Сам же процесс лечения описывается как быстрый и незаметный, что характерно для рассказов о чудесном исцелении.

«У моего свёкра в шею вступило: шею разогнуть не может, голову повернуть не может. Жена привела его к Тандзе Марье. Не успели зайти, она говорит: «Знаю, знаю, зачем пришли». Посадила свёкра на табуретку, где-то шею потрогала, где-то чуть-чуть погладила, где-то легонько подёргала. А свекровь за её спиной сидит на лавке. За их спинами... «Ну, оглянись, – говорит она свекру, – посмотри на свою красавицу». «Как я оглянусь, если шея не ворочается?» «Оглянись, оглянись, не бойся». Повернул мужик голову: точно, крутится шея, как будто ничего и не было». (ПМА 2: Жилина).

Мотивы «диагностирования на расстоянии» и «быстрого исцеления» в некоторых текстах усиливаются мотивом «надёжного лечения», в которых подчёркивается то, что, как и сильный знахарь, Тандзе Марья за один сеанс может избавить от болезни на всю жизнь.

«Я с внучкой Тандзе Марии дружила. Много ей помогали. Скажет: это сделайте, то принесите. Отказать не боялись. Потому что помогать она помогала, но иногда и наказывала: из-за этого еретичка некоторые [её] называли. Тем более что прямо на человека никогда не смотрела, всё в сторону глядит. Так что боялись отказать. Мне она, правда, плохого ничего не сделала. Наоборот, однажды даже помогла. Она сама видела, если у людей что-то не в порядке. Только заходишь, она уже знает, где болит. А я в детстве «акробаткой» была: постоянно что-то делали, возились, баловались, куда-то лазили. Как-то (лет четырнадцать мне было) зашла к ней, а она говорит: «Что-то, внучка, с тобой неладно. Ложись-ка». Я легла, она по животу стала водить, я и уснула. Сколько спала, не помню. Она будит: «Вставай, внучка». Налила мне крепкий чай, дала кусок чёрного хлеба, сахар. Я всё это выпила и съела, и она мне говорит: «Ну, теперь у тебя никогда не будет болеть». И действительно, сколько ни поднимала тяжестей, какую тяжёлую работу бы не делала потом, ни разу не сорвала ни пупок, ни поясницу» (ПМА 2: Ануфриева).

Образ сильного знахаря предполагает ещё один мотив – мотив противоборства, который в эпосе коми используется в многочисленных сюжетах о состязании сильных знахарей между собой. В современных рассказах эти сюжеты реализуются в текстах о противостоянии знахаря и скептика, который по «природе» своей, а часто и по официальному статусу, по исполняемой должности обязан подвергать испытанию силу знахаря. В этих рассказах знахарь или арестовывается и уничтожается властями, или исцеляет преследующее его официальное лицо и таким образом побеждает. Подобный текст о Тандзе Марье записан в 1984 г. от ижемского чиновника, пожелавшего в то время оставаться неизвестным, поскольку он являлся инициатором обращения к костоправке, а это было наказуемо.

«В пятидесятых годах в Ижму приехал новый районный начальник, который решил провести показательный суд над Тандзе Марьей, чтобы наказать её как распространительницу вредных суеверий. Стал опрашивать местных жителей, собирая дело на неё. Естественно, мало кто соглашался свидетельствовать против известной костоправки. Одни сами обращались к ней за помощью и были благодарны, другие, может, из опасения перед её возможностями. Как бы то ни было, материал не собирался для суда.

И в это время начальника угораздило подвернуть ногу. Да так, что никакое лечение, никакие хождения по больницам не помогли. Один из местных жителей, я это был, стал уговаривать его сходить к Тандзе Марье. Вначале, конечно, начальник уёрся: как это, сам на неё дело собирает, и к ней же пойдёт?! Но, в конце концов, видит, что иного выхода нет: нога распухла, ступить на неё невозможно, и надежды на исцеление никакой. Пришлось согласиться. Правда, поставил условие: так, чтобы никто не узнал о его посещении костоправки.

Подъехал я на запряжённой лошади рано утром, часа в 3-4, и в темноте ещё приехали в Гам. Зашли в дом, а бабушка сидит на лавке у окна и говорит: «Знаю, знаю, зачем пришёл!» Начальнику неловко, он-то понимает, что Тандзе Марье, наверняка, известно про его вопросы. А Тандзе Марья посадила его на лавку, ногу осмотрела, помяла – размяла как-то и говорит: «Вставай и иди!» Тот чуть ли не кричит: «Ты что, издеваешься что ли?! Я ходить не могу, поэтому и приехал». А она в спину подталкивает: «Иди-иди». Сильнее толкнула, он и пошёл к дверям, как будто ничего не было.

От своего замысла судить Тандзе Марью начальник отказался» (ПМА 1).

В традиционной культуре коми приобщение к сакральным знаниям и получение силы налагало на человека особые этические обязательства, важнейшим из которых является запрет на коммерциализацию лечебной деятельности, что проявляется в отказе целителей не только от денежного вознаграждения, но и от прямого сотрудничества в рамках каких бы то ни было учреждений за плату.

Так, по словам информантов, и в жизни Тандзе Марьи был момент, когда, оценив эффективность её методов, ей предложили официально работать в больнице. Однако она отвергла это предложение, сулившее хоть и небольшой, но стабильный заработок:

«Вы уж сами как-нибудь лечите, раз у вас работа такая, а я за деньги не могу» (ПМА 2: Ануфриева).

В то же время этот запрет не касается натуральной оплаты в форме подарка,

угощения или необходимых для лечения средств. Традиционно считается, что «приходить с пустыми руками к знахарке – впустую». Есть рассказы о том, что Тандзе Марье нельзя было отказывать, если она что-то сама просила. Эти тексты указывают и на определённую социорегулирующую функцию, выполняемую знахарем в традиционном обществе благодаря владению тайными знаниями и умениями.

«Как-то пришла Тандзе Марья к соседке, уже старая была, бедно жила. «Шаньги, – говорит, – испекла, а масла нет. Дайте немного масла». У соседки масла было много, но она пожалела, в общем, не дала ей масла, а потом сильно заболела, пришлось обращаться к Тандзе Марье. «Так, – рассказывала, – масла пришлось за своё лечение больше отнести». А только ведь на выпечку просила.

Ещё случай был. Одна соседка (уже не та, другая) в очень красивой шали ходит. Тандзе Марье шаль понравилась. Она умела красивое носить, сарафан на ней по-особенному сидел, да и ходила красиво. Попросила эту шаль у соседки, но женщина отказалась. Наверно, Тандзе Марья за отказ её наказала – соседка заболела сильно. А к кому ещё пойдёшь лечиться? Только к Тандзе Марье. Потом. Вместо подарка отнесла ту самую шаль. И выздоровела».

«Как-то под её окнами играют мальчики, мяч пинают. Она им несколько раз говорила: «Здесь под окнами не играйте, стёкла побьёте у меня своим мячом». А те не слушают, дальше играют. И, конечно же, один мальчик, в конце концов, пнул по мячу и разбил окно. Тандзе Марья вышла на крыльцо, что-то сказала вроде как про себя. Потом у мальчика нога распухла. Пришло ему с родителями вместе идти к Марье» (ПМА 2: Ануфриева Р. Г.).

Показательно, что информаторы ни в коей мере не осуждают Тандзе Марью, даже в тех случаях, когда, на первый взгляд, наказание представляется местью за отказ в её корыстной просьбе. Описанные случаи рассматриваются как наказание односельчан за склонность, жадность, непослушание.

В соответствии с представлениями о наследовании дара, особыми целительскими силами наделяются потомки ижемской костоправки. В настоящее время практикуют её внучатые племянники, хотя вряд ли они прошли длительный путь традиционного обучения.

Мифологизация образа Тандзе Марии привела к формированию своеобразного культа целительницы, который зафиксирован в деревнях по Ижме и не имеет аналогов у других групп коми. Основа его была заложена при жизни целительницы, когда её медицинская практика получила всеобщее признание, и в последующем развивалася в рамках хорошо сохранившегося у коми культа предков. По рассказам односельчан, на похороны Тандзе Марии пришло столько благодарных людей, что процессия растянулась на три километра. В последующие десятилетия сохранялись воспоминания об уникальных способностях местной костоправки. На рубеже веков объектом поклонения стала её могила на старом кладбище д. Гам. По словам информантов, в случае болезни «надо прийти на могилу, лечь на неё и попросить у бабушки» исцеления. Женщины верят, что земля с могилы помогает исцелиться и обезопасить себя от несчастий всем Мариям – для этого необходимо взять с могилы щепотку земли и носить с собой. В целом подобные ритуалы хорошо соотносятся с традиционными представлениями, согласно которым умершие предки (*важ йöz «старые люди», рёдительяс*) незримо присутствуют рядом с

живыми потомками и помогают в трудной ситуации, а также с представлениями об особой роли тёзки больного в лечебно-магической обрядности.

Однако покровителями коми обычно называют прямых предков до четвёртого колена или тёток и дядьёв, благосклонностью которых пользовался человек при жизни (Уляшев 2000: 149), и факты почитания отдельной личности, за исключением религиозных подвижников, в качестве общего покровителя не известны. Кроме того, обращает на себя внимание, что особо востребованным образ целительницы стал в последнее десятилетие, когда местной интеллигенцией были инициированы обустройство могилы Тандзе Марьи, публикации о ней в прессе. В библиотеке – центре культурной жизни с. Гам энтузиастом изучения родного края Т. З. Сметаниной создан специальный уголок с материалами о целительнице, восстанавливается генеалогическое дерево рода Витязевых, причём выявлены и родственники, переехавшие в XIX в. за Урал, проводятся вечера, посвящённые памяти Тандзе Марьи, на которые приглашаются живущие в окрестных сёлах потомки. Показательно, что представленные на выставке материалы создают несколько идеализированный образ врачевательницы, «которая всем помогала, всех лечила, даже из Москвы, из Ленинграда, отовсюду» (Историческая память: 131). В то же время отсутствуют тексты, подобные вышеупомянутым рассказам о наказании злахаракой, хотя они широко бытуют в народной традиции и, безусловно, известны краеведам. Складывается впечатление, что испытывающие искреннее уважение к Тандзе Марье местные собиратели расценивают эти тексты как дискредитирующие врачевательницу, и, возможно, неосознанно отбирают материалы, соответствующие их личным субъективным представлениям об идеальном народном целителе, сформированном под влиянием современных СМИ.

Всё это позволяет усматривать в особом почитании ижемской врачевательницы определённую этнополитическую составляющую, связанную с попытками коми-ижемцев обосновать свой статус как отдельного этноса. Учитывая, что значимым элементом идентификации, способствующим формированию чувства этнической общности, является гордость за прошлое своего народа, надо признать, что личность уникальной целительницы как нельзя лучше подходит для роли «национального героя» «престижного предка». И местная интеллигенция получает дополнительный стимул для официального оформления складывающегося в рамках народных традиций культа Тандзе Марьи, уважение и благодарность к которой сохраняются среди всех поколений ижемских коми.

Подводя итоги, необходимо отметить, что, несмотря на определяющую роль государственной системы здравоохранения, в последнее десятилетие в силу различных причин социально-экономического, медицинского, этического планов резко возрос интерес к традиционным способам лечения и практике народных врачевателей не только со стороны населения, но и со стороны специалистов медико-биологического профиля. Такие локальные медицинские традиции как ижемская дают уникальный опыт адаптации к конкретным экологическим условиям и открывают перспективы для интеграции научной и народной медицины.

Литература

Богоявленский, 1966 – Богоявленский Н. А. Медицина у первоселов русского Севера.– Л., 1966.

Василенко, 1997 – Василенко Б. И. Народная медицина ненцев Ямала.– Салехард, 1997.

Историческая память, 2005 – Историческая память в устных преданиях коми: материалы / Сост. М. А. Анкундина, В. В. Филиппова.– Сыктывкар, 2005.

Кочиев, 1848 – Кочиев. Зырянские обычаи // Вологодские губернские ведомости. 1848, № 49.

ПМА 1 – Полевые материалы экспедиции автора в Ижемский р-н Республики Коми, июль 1984 г. (информанты Терентьева В. Ф., Хатанзейский Н. К., Чупров Т. С.).

ПМА 2 – Полевые материалы экспедиции автора в Ижемский р-н Республики Коми, август 2006 г. (информанты Ануфриева Р. Г., Жилина Т. И., Семяшкина М.Д., Сметанина Т. З.).

Уляшев, 2000 – Уляшев О. И. Культ предков // Народы Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н. Ф. Мокшин, Т. П. Федянович, Л. С. Христолюбова.– М., 2000.

Хомич, 1974 – Хомич Л. В. Материалы по народным знаниям ненцев // Социальная организация и культура народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич.– М., 1974.– С. 231-248.

Шренк, 1855 – Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России.– СПб., 1855.

Анатолий Микушев

Микушев Анатолий Константинович (1926–1993 гг.) – фольклорист, литературовед, организатор науки, автор обобщающих трудов по истории коми литературы, создатель учебников, учебных пособий. Родился в Сыктывкаре 5 ноября 1926 г., окончил среднюю школу, а затем Коми пединститут (1947) и работал преподавателем в с. Ыб. В 1950 г. поступил в аспирантуру под науч. руководством известной фольклористки А. М. Астаховой. В 1953 г. А. К. Микушев защитил кандидатскую диссертацию «Песенное творчество народа коми в советскую эпоху», в 1970 г. – докторскую диссертацию «Генезис и эволюция коми песенного творчества». С 1950 по 1972 гг. А. К. Микушев работал в секторе литературы и фольклора Отдела языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР научным сотрудником и заведующим сектора, с 1972 г. А. К. Микушев возглавлял кафедру коми и финно-угорской филологии при Сыктывкарском университете. А. К. Микушев – лауреат Государственной премии Коми АССР, Заслуженный деятель науки Коми АССР и РСФСР, почётный член Венгерского этнографического общества, почётный член Финно-угорского общества (Финляндия).

Научный отчёт о Канино-Тиманской фольклорной экспедиции (май-июнь 1972)*

Наш фольклорный отряд состоит из 4-х человек – Ю. Г. Рочева, Н. Д. Бомбергер, Л. Ф. Бобриковой и меня. Естественно, что маршрут экспедиции был тщательным образом разработан в Ненецком окружкоме КПСС. Встретил нас очень гостеприимно секретарь ОК Анатолий Дмитриевич Артеев. Он и посоветовал нам выбрать предметом внимания экспедиции такие пункты, как Несь, Воловковая и Нижняя Пеша.

В сельхозотделе Окружкома я познакомился с энергичным на вид и разговорчивым зав. с/х отделом Валентином Евстафьевичем Румянцевым. Широким жестом хозяина сразу на ты принял он меня в своём кабинете. При всём том он влюблён в своё дело и свой край. Даже выучился ижемскому диалекту, хотя сам он русский. Считает, что ижемцы и коми – два народа и в подтверждение этому привёл лингвистический документ. Что такое по-коми «Чипас костын кай сибдёма?» Это неплохо. А у ижемцев не то. У них звучит это скверно. Вот тебе и один народ. Мне, конечно, ничего не оставалось возразить ему кроме одного – у русских ведь тоже существуют диалекты, иногда непонятные один другому. Кажется, я совсем не убедил своего оппонента.

Весь Канинский полуостров объединён в одном большом совхозе «Северный полюс». Он был образован в 1960 году на базе четырёх совхозов. Его ближайший сосед – колхоз «Россия». Основное направление колхоза – рыболовецко-оленен-

* Находится на хранении: Научный архив Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 118. Т. 1. Л. 11–45.

водческое. Два сельсовета на Канине – с/с Шойна (объединяет кроме с. Шойна дер. Кия и населённые пункты Канин нос и Микулнин мыс). Всего населения здесь – 752 человека и канинский сельсовет (всего населения 1560 человек, сюда входят с. Несь, Ниж. Мгла, Верх. Мгла, Чиж и Яжма). На Канине сейчас живёт 2312 человек. Из них – колхозников русских – 578, коми – 307, ненцы – 531. В Канинском с/с живёт 274 коми и 571 русский. Председатель колхоза – Егоров Юрий Сергеевич, секретарь парткома – Третьяк Иван Антонович. Центр колхоза находится в старинном селе Несь. Колхоз считается самым мощным и богатым в Ненецком округе. Доход его в 1971 году составил 2413971 рубль, причём рыбодобыча дала 761768 рублей, обработка рыбы – 487394 рубля, оленеводство – 615 тыс. рублей, животноводство – 137 тыс. руб. дохода. Колхоз имеет 3 траулера: «Кейла», «Тобольск», «Кумбыш». Промышляют (кроме охоты и прибрежного зверя) белугу, нерпу и др. морского зверя. Наступающим сезоном собираются возобновить промысел акул. На промысел едут до берегов Африки. Морским промысловиком был коми парень Вокуев Е. Е.

Весь улов сдаают в Мурманске (вылов в Баренцевом море), плавбазы (у Африки), Мезенский рыбокомбинат.

Оленеводство на Канине сравнительно менее развито. Колхозное стадо насчитывает всего 17080 оленей. Пути кочевок такие: Канинский камень (летовки), проход. Пути – Чижи, Несь, Яжма и Мезень (Сояна, Долгощелье), Пинега (зимние пастища).

Знатные оленеводы – Ануфриев Григорий Титович («Орден Трудового Красного Знамени»), Каюков И. П. («Знак Почёта»).

Переходить на оседлость стали в 1930-х годах. Кочевых на Канине осталось 78 семей коми и ненцев (485 человек).

Занимаются также охотой на белого песца, лису рыжую, зайца, горностая. Знатный охотник – Платон Ефимович Бобриков.

Итак, как говорят в Окружкоме, это многоотраслевой, многонациональный и очень богатый колхоз.

Первый колхоз в Канино-Тиманье назывался по-коми «Выль олём». Первый председатель Чупров А. В., типичное для 30-х годов романтическое название. Колхоз был оленеводческий, находился на Канине, был образован в 1934 году. Был ещё другой колхоз «Выль туй» (председатель Вокуев И. Ф.)

Как и повсюду на севере, бок о бок с ижемцами тундровые просторы обживали колвинские яраны. Об этом красноречиво говорят данные ономастики. На Канине живут такие колвинские семьи, как Хатанзейские, Выучейские, ненцы: Ванюта, Канюковы, Бобриковы, Андреевы, Нюров. Ижемские – Чупровы, Хозяиновы, Филипповы, Рочевы, Каневы, Терентьевы, Ануфриевы, Артеевы. Примечательна сама история заселения Канина. По царскому указу царя Ивана (XVI век) Канин отдавался в полное владение ненцам. Ненцы стойко противились появлению на полуострове ижмо-колвинских оленевых стад. Но ижемцы разными хитростями, особенно при помощи водки, проникли в Канино-Тиманье.

А есть ли на Канине промышленное и капитальное строительство? На этот вопрос мне ответил всё тот же зав. с/х отделом Окружкома Валентин Евстафьевич. Всё располагает к себе в этом богатырского сложения человеке – его хватка, напористость, даже грубоватость работает на него. По его словам, на Канине

(Несь) построен механизированный скотный двор, телятник на 200 голов, работают Дом культуры с кинозалом на 250 человек, столовая, строится восьмилетняя школа, новая молочно-товарная механизированная ферма, механическая мастерская, гараж на 15 тракторов.

На Канине экспедиции ищут газ, и нефть, и редкие полезные ископаемые. Работают две экспедиции, и обе подчинены Архангельску. «Газ-71» вездеход (узкие траки) портит тундру сильнее всего.

Промысел морского зайца запрещён. Добывают его исключительно на нужды оленеводов для изготовления салямок. Из шкуры одного морского зайца выходит до 40 метров оленьего тягла.

/.../

Меня, конечно, заинтересовал вопрос о процессе оседлости в округе. Процесс этот начался ещё с 30-х годов. В настоящее время в округе насчитывалось 1348 хозяйств коренной национальности (ненцы и коми), из них переведено на оседлость 917 хозяйств с населением 4900 чел. Не переведено на оседлость 365 хозяйств с населением около 1800 человек.

Перелистывая газету «Наряна Вындер», заметил, что относилось к нашей экспедиции. Итак, о Канинском тундровом совете газета сообщала 10 марта 1967 года вот что: Несь – это центр самого западного в округе т./совета, база одного из самых мощных в округе колхозов – «Северный полюс». Колхоз раскинулся по всему полуострову: от мыса Канин нос на север до мезенских лесов на юге. Ловцы-поморы добывают /.../ рыбу на определённых участках – Тарахраново, Губистое, Кулемны, Местный, Половинный, Конушинская корча. Первые поморы поселились на Канине ещё в XVII веке. Развитию Неси способствовало то обстоятельство, что поблизости находились хорошие сенокосные угодья, хорошее местоположение для рыбы, морзверя, зверобойного и пушного промысла, – всё это тянуло сюда переселенцев. В 1831 году в Неси сооружена первая церковь, чтобы успешнее шла христианизация края. До революции батраки Канина ходили «на покрут» (батрак нанимался на сезон зверобойного промысла). Договор был более чем жестокий: на четвёртую часть ($1/4$ – шла батраку, $3/4$ – хозяину). Уже в 20-е годы на Канине организуются два кооператива. Так, кооператив «Оленевод» снабжал оленеводов всеми продуктами питания, боезапасами.

В колхоз «Северный полюс» мы прибыли с запозданием на один день, переночевав в с. Нижняя Пеша. Пешский куст (Пеша и д. Волоковая) оставлен для обследования Н. Д. Бомбергер. Я же выехал на Канин. Прибыв в с. Несь, я обратился за помощью к секретарю парткома Третьяку Ивану Антоновичу и зам. пред. кохоза Нюрову Валерию Ипатовичу. Они уже получили до этого телеграмму от секретаря Окружкома КПСС А. Д. Артеева с указанием о содействии нам. Поэтому эти два руководителя тут же организовали наш выезд в центр Канинского полуострова в дер. Чижи, где живёт большое число коми. Буквально за три часа был снаряжён вездеход, и молодой опытный водитель Юрий Сергеевич Коткин, юноша богатырского сложения, подогнал вездеход к правлению колхоза. Вместе с нами в кузов вездехода набилось полно охотников и колхозников, направленных в дер. Яжму для копки колодца. Ехали берегом Белого моря. Вдали виднелась чистая вода, а всё побережье было забито высокими торосами. Дважды наше внимание привлекали огромные айсберги, которые поначалу я принял было

за корабли. На первой остановке высадились охотники. Только что был открыт охотничий сезон на гусей, и все спешили за добычей. Охотничья избушка стояла на берегу моря. Просторный коридор перед помещением. Печка, нары в два этажа, лавки вдоль стен и самодельный стол – вот интерьер избушки. Попрощавшись с охотниками и пожелав им удачи, мы поехали дальше. Время от времени пролетали над нами вереницы гусей, лениво и медленно поднимались с земли белые куропатки, когда почти под их носом громыхал наш вездеход. Правда, водитель несколько раз безуспешно пытался подстрелить эту ленивую птицу. Ехали спокойно без тряски. Началось интенсивное таяние снегов, и белая тундра показывала свои голые чёрные пустыри с чёрным ягелем. Тряска началась тогда, когда мы двинулись по торосам лайды (здесь так называют низменное прибрежное место). Вдруг вездеход остановился. Оказалось, что мы подъехали к пяти охотничьим рыболовецким избушкам, у местечка Боровое, около которых стоял военный вездеход. Нас сопровождали муж с женой – Филипповы (Р. Я и С. А.). Наш вездеход обступили бородатые охотники, а один с чёрной бородой представительный, в свитере, рявкнул: «Кто здесь с Москвы?» Узнав, что москвичей нет, он поинтересовался, не за стариной ли я еду в тундру. Он, конечно, получил положительный ответ, и обрадованный представился: «А я писатель Юlian Семенов, в понедельник еду в Мезень, вас разыщу в Неси!» На память я сфотографировал группу охотников с писателем в центре и с охотничими трофеями в руках. Недалеко от избушек была низенькая, занесённая снегом часовенка и пять высоченных крестов. Такой пейзаж, говорят, типичен для всего побережья. Охотники пояснили мне, что внутри часовенки есть икона Николая Угодника, что кресты ставили рыбаки после удачной путины. Подъезжая к дер. Чижи, мы натолкнулись на большое оленье стадо. Пастухов поблизости не было. Видно было «му розь» – копище: олени копытами добывали из-под снега ягель. При виде нашего вездехода стадо бросилось наутёк с пастбища. Проводник пояснил мне, что трёпа – это уже протоптанное стадом и покинутое им пастбище, а махало – это пугало от волков, выставлялось вокруг копища, т.к. оленеводов было мало, а пугало отпугивало от стада волков. Немного спустя мы столкнулись и с самим оленеводом. Лицо его было бронзовым от весеннего загара. Я не сразу заметил, что он был безруким. Руку потерял на охоте в молодости. Это был озырявшийся ненец, говоривший на чистом ижемском диалекте, 66-летний Тимофей Семёнович Ванюта. 35 лет он был бригадиром оленьей бригады. Сейчас он давно уже пенсионер, но старого пастуха снова потянуло в тундру. Он работает зам. бригадира. А бригадиром – его сын Фёдор, недавно демобилизовавшийся из армии. Отец поехал с сыном-бригадиром в тундру, чтобы передать своё мастерство по наследству сыну.

Нашу дорогу преградила река Чёрная. Неожиданно налетел туман (туманитіс), и мы вдруг затормозили перед огромной полыньёй. Пришлось повернуть в сторону и ехать берегом. Наконец водитель нашёл удобный переезд через реку, и мы благополучно въехали в дер. Чижка уже в одиннадцатом часу ночи. Впрочем, ночь – это здесь условно. Я пишу отчёт в три ночи, а светло как днём. Сразу же мы явились к молодому бригадиру комплексной рыболовецкой бригады (он же член парткома колхоза и пред. селькома), бывшему балтийскому моряку (поныне форсит в тельняшке), а ныне – бригадиру четырёх пузанов, Коткину Виталию

Алексеевичу. Он влюблён в свою деревню, в Канин. От него мы узнали, что коми парень Вокуев Егор Ефимович (29 лет) ходил недавно на колхозном траулере до берегов Африки. А сейчас он звеньевым. Бригада состоит из 22 человек. Она молодёжная: лишь самому старшему 43 года, все же не дотянули и до 30-ти. Ловят навагу в реке, селёдку в море. Получают в год около 2000 руб. За 1971 год выловили 1270 центнеров наваги. Бригадир недоволен только тем, что дер. Чижка до сих пор не превращена в центр Канина. И ещё его печалит тот факт, что мезенцы и сейчас перебивают их улов, не дают бригаде полностью специализироваться, полностью использовать резервы. Проблема утечки молодых кадров из деревни тут не существует. Но вместо неё есть проблема воды. Устье р. Чёрной в торосах. Море погоняет в реку солёную воду, не пригодную для питья. Зимой легче: пьют снежную воду, как повсюду в тундре. А летом запасают дождевую воду. Когда запасы кончаются, ездят к ручью за два километра от деревни. Есть 2 пробуренных колодца, но вода в них малопригодна для питья. Такое же положение в Волоковой.

Знакомство с чижскими певцами началось с щутливого припева: «Когда песня до конца не допевается, нам по рюмочке винца полагается». Нашим гидом стал Семён Александрович, весёлый седой старик, умеющий и любящий пошутить. Его жена, ненка, Раиса Яковлевна говорит на чистом ижемском наречии. Её девичья фамилия – Ванюта, сейчас – Филиппова. Её тётушка по матери Дарья Григорьевна Канева живёт с ней же в отдельной комнате (бабушка – чистая ижемка из Сизябска). Таких, как Раиса Яковлевна, здесь называют сора, в значении метис. Р. Я. не дождавшись чижских певцов, запела ижемские частушки. В д. Чжи знают песни «Медбролья лунъяс ми гуляйтам», «Юлонька», «Бобе, бобе, тоштэ», «Мича зонмей», «Как вечер моя милая», «Мамашенька браница», «Ехали ребята», «Зили да зели», «Се ташки кинарейки», «Во саду ли в огороде». Уже из этого перечисления составных единиц песенного репертуара дер. Чжи видны две характерные черты: 1. в нём преобладают русские песни; ижемцы отдали явное предпочтение северно-русской песенной лирике перед собственной, 2. песенный репертуар Чжи почти ничем не отличается от общеижемского; поют точно те же песни, что и по всей Ижме и Печоре, причём вариационные различия в песнях незначительны.

Определённую тенденцию можно обнаружить и в импровизационной культуре дер. Чжи. Уже по первому взгляду представляется, что канинские ижемцы, как и остальные группы ижемцев, любят, или по крайней мере, любили причитывать. Сейчас интерес к причитаниям спал. Все вопленицы в один голос заявляют, что давно уже не причитывали, многое забылось. И это, видимо, так. В отличие от коренной Ижмы тут лучше сохранились свадебные причитания; помнят, но не умеют воспроизвести трудовые, бытовые и рекрутские причитания. Довольно сохранившийся вид имеет свадебное причитание «Вёльнэй уськедэм», выполненное Еленой Николаевной Чупровой (69-летней пенсионеркой). Но что-то не слышно здесь о профессиональных вопленицах. Вопят без особой охоты. Знает причитания 73-летняя Мария Ивановна Канева, но предпочитает им русские песни. Она сообщила нам, что прежде причитывали весной во время проводов в армию, но как мы её не уговаривали, воспроизвести даже отрывок причитания не сумела.

В д. Чжи нам вовсе не удалось обнаружить эпических песен. Собственно

говоря, певцы толком ничего даже не могли ответить на наши настойчивые вопросы о Сюдбее, Тасинии, Харачеях, Садеях и т.д., не слышали песенных зачинов типа «Важен оліс яран гозъя». А между тем живущие тут же тундровые ненцы поют свои эпические хнабц (на Канине не различают сюдбабц от ярабц, всё означают одним словом – хнабц). Мы познакомились с ненцами Ардеевым Павлом Артемьевичем и его женой Паракковьей Павловной. Ненец точно в той же манере, как колвинские яраны из Зауралья, спел песню «Младший Ламдоко», даже мотив сходный. Потом выяснилось, что ненец слышал эту песню действительно от зауральских ненцев. Он же знает предания о Ваули. Кстати, термины «изъва кылэн яран мойдъяс», «яран кыла мойдъяс» здесь встречаются. Рассказывают об оленеводе Егоре Андреевиче Вокуеве, который пел песни о том, как от прикосновения Ёмы белая упряжка превращалась в чёрную. Вокуев был родом из Сизябска. Добавляют о нём: «Сыа яран кыла мойдъяссэ изъва кылаэ вуджедліс». Вероятно, Вокуев был одним из тех, кто создавал колвинский эпос на базе ненецкой и коми традиции. Сам он умер вот уже 33 года назад.

Представление о канинских коми, как о самостоятельной изолированной группе, не совсем верно. Вернее говорить о канино-тиманской группе ижемцев. В канинских и новых и старых поселениях (Несь, Чижка, Кия) живут переселенцы из тиманской деревни Волоковой. Так, тесными родственными узами с Волоковой связана семья моего хозяина Семёна Александровича Филиппова. Сам он переселился в Несь из Волоковой. В Волоковой же живут и родственники его жены (см. также сведения об исполнителях).

Канино-тиманские ижемцы связаны с ненцами тесными семейно-брачными узами. Ижемцы брали в жёны инек, и те полностью переходили на язык мужа, перенимали язык мужа, забывали свой ненецкий. Столы же популярны факты, когда ижемки выходили замуж за ненцев. Таковы примеры. Татьяна Григорьевна Чупрова из Сизябска в начале XX века вышла замуж за ненца Ванюту. Вокуева Елена из Волоковой за колвинского ярана Хатанзейского Фёдора.

Жёны-иньки у ижемцев – у С. Г. Филиппова из Неси жена Р. Я. Ванюта, у Канева Н. Ф. из Чижки жена Ванюта. Языком семейного общения в этих случаях становился обычно коми язык. Впрочем, немало ижемцев освоило ненецкий язык (Сара Вокуева из дер. Кия в детстве изучила ненецкий язык). В настоящее время языком общения между нациями Канина всё чаще оказывается русский язык. В той же семье Филиппова дети говорят по-русски, хотя неплохо знают и коми.

Семейно-брачные связи ижемцев и ненцев не всегда развивались в дружеском направлении. Д. Г. Канева рассказала о том, что в Сизябске в начале XX века резко отрицательно отнеслись к браку её сестры Т. Г. Чупровой с ненцем Ваньютой. Дело дошло до того, что её бакурские тётки демонстративно не явились на свадьбу племянницы (мыля яран сае петіс?).

Об одном из сочинителей северно-коми эпоса сообщила Д. Г. Канева. Оказывается, уже многие годы ненец-оленевод из с. Несь Пичков Илья Григорьевич поёт ненецкие сказки для коми слушателей, поёт на ненецком языке. Вслед за пением тут же пересказывает пропетое на коми языке: «Сыылігмоз мойдэ, изъва кылэн верме висътооны. Первой яран кылэн сылас, сэсся изъва кылэ перевидатас, объяснитас, медым гёгервоисныс». Она же рассказала о своём отце Григории

Мартыновиче Чупрове (вт. пол. 19 века), знатоке эпических сказаний о богатырях: «Ае богатыръяс помлась уна сыліс-мойдліс». Одно из сказаний о Добрыне она сумела воспроизвести в прозе – это сюжет о муже на свадьбе своей жены. «Ае пыр вўлі миянлы мойдліс!»

Об одном оригинальном виде канинского отходничества узнали мы со слов Р. Я. Филипповой. Её отец ненец Яков Ванюта вместе со своими друзьями отправился в Архангельск на оленях развозить пассажиров, как извозчики: «Парма ёртъяскед ветліс Кардоре войләччины, народ нооләдлісныс корен. Елена чое войләччыліс же».

Канинские оленеводы завозили продукты, делали годовой запас в Мезени. За продуктами ездили и к приезжим рыбакам в Кию.

На рыбакский промысел на озёрах Канина оленеводы ездили порою на 20–25 дней. Артель (Парма ёртъяс) завозили на оленях в избушку продукты по зимнему пути. Улов обрабатывали, солили в бочках, закапывали бочки в мёрзлую землю, а следующей зимой вывозили домой. Если не хватало бочек, солили прямо на мёрзлой земле. Сами шли налегке от с. Неси километров за 40-50 (сообщение С. А. Филиппова). А вот сообщение о первопоселенцах местечка Волоковое. Первым поселенцем был сизябский оленевод Артемий Иванович Терентьев. Он прибыл сюда со своим стадом в начале XX века. Кругом был лес (вёр волэма гёгер). Оленевод построил маленькую избушку и ловил мелкую рыбу балаганом, предназначенным в общем-то для другой цели – балаган предохранял оленевода от комаров во время сна. Вскоре к А. И. Терентьеву стали прибывать переселенцы-родственники из Ижмы. Но ещё в годы русско-японской войны, когда в этих местах кочевало стадо Г. М. Чупрова (отца Д. Г. Каневой), Волоковое было безлюдным местечком (сообщение Д. Г. Каневой).

Сведения о связях канинских переселенцев с переселенцами на Кольский полуостров. Переселения на два заполярных полуострова во времени совпали – вторая половина XIX – нач. XX вв. Среди кольских переселенцев помимо коренных ижемцев оказываются выходцы с Канино-Тиманья. Так, сын первоселенца Волоковой – Пётр Иванович вместе с тремя братьями до I мировой войны переселился из этих мест на Кольский полуостров, а отец остался жить в Волоковой. В годы Великой Отечественной войны П. И. Терентьев был председателем колхоза в Краснощелье. А житель с. Краснощелье колвинский яран А. Ф. Выучейский женился на ижемке из Волоковой А. Н. Каневой (сообщение С. А. Филиппова).

Ижемские оленеводы в годы Великой Отечественной войны в составе 6 лыжного батальона действовали в районе Петсамо на оленых упряжках, совершали дерзкие рейды в глубокие тылы врага. В отряде разведчиков на оленых упряжках находились и канинские оленеводы – коми и ненцы.

Село Несь застроено избами разного времени постройки. Компактна застройка района бывших кочевников коми и ненцев. Эту часть села почти целиком строил С. Г. Филиппов. Он был не только оленеводом, но и хорошим строителем. По типовому проекту, начиная с 1963 года, он воздвигнул 14 домов. Прежде здесь был пустырь, насчитывалось только три дома.

Старинная деревянная церковь в центре села была сооружена в 1860-х годах. Прежде в селе была другая церковь, сгоревшая во время пожара.

Не так давно ижемцы крепко придерживались прежних обычаев. За невест приходилось платить юр дон. Д. Г. Канева с гордостью сообщила, что её дед

получил за дочь богатый юр дон: «160 шайт да кык ведра вина. А менам юр доныс вёлі 40 шайт!»

По рассказам ижемцев, богатырские сказки занимали у них большое место. Сказание новеллистического характера «Мича Рёман» в исполнении Р. Я. Филипповой по развитию бытовой сюжетной линии, по своей концовке, повествующей о возвращении жены к мужу, близко к харутинскому варианту (1968 г.). Д. Г. Канева добавила, что «Мича Рёман» исполняли «сыылгымоз, нюжедлыгымоз», в дер. Волоковой.

В Неси популярен своеобразный жанр оленеводческих бытовых сказов. Мастерами таких сказов являются Р. Я. Филиппова, её муж С. А. Филиппов и сестра Е. Я. Хозяинова. Сами сказители признаются, что такие «вöёлэмторъяс» воспроизвелись ими не один раз и таким образом приобрели сравнительно устойчивую форму. Так, Е. Я. Хозяинова, прежде чем рассказать на магнитофонную плёнку свои мытарства по весенней тундре, «прорепетировала» без слуховой записи. Я сравнил оба варианта и установил, что основные эпизоды рассказывались в одних и тех же устойчивых выражениях. Свой рассказ женщина так и определила – «Мойд местаэ». Её сестра Р. Я. то и дело подсказывала ей, и своему мужу, как лучше построить рассказ. Эти устные сказы, и в самом деле, могли сойти за бытовые сказки. Прекрасным сказителем является и их тётка Д. Г. Канева. Таким образом, можно говорить об устойчивой традиции семейного сказительства, о семейных сказах, воспроизводимых неоднократно для близких людей.

Ненецко-коми фольклорные контакты дают о себе знать на каждом шагу. Оленевод из Сизябска Вокуев Егор Андреевич, умерший 33 года назад, славился в своё время как мастер «яран мойд мойдны». Он рассказывал и пел их на коми и ненецком языках. Дело в том, что он с ранней юности совместно с большеземельскими ненцами длительное время пас оленей. Переселившись потом на Канин (в начале века), Е. А. не забыл ненецкие сказания и песни, предпочитал петь не коми и русские песни, как большинство ижемцев, а именно ненецкие песни эпического склада. Накануне Великой Отечественной войны его не раз возили в Нарьян-Мар петь ненецкие песни (сообщение его дочери Е. Е. Чупровой).

На Канине во время ледохода не причитали, а провожали лёд с песнями. Пели русские поморы.

Сами канинские старожилы прекрасно чувствуют, что во всём укладе их жизни, прежде всего, в языке и фольклоре, произошло смешение коми, ненецкого и русского элементов. Не без юмора замечают они о себе: «Ми вошим куим кыы косме. Изъва кыысэ кучим вунэдны, яран кыысэ иг велалэ, а роч кыысэ тёдам «кое-как-так», став кылыс ётлаасис. Абу изъватаасъяс, абу яранъяс, абу рочъяс».

Конечно, канинцы в этом случае несколько сгостили краски, вообщем-то они не отделяют самих себя от ижемцев. И всё-таки общую тенденцию подметили довольно точно.

Канинцы не знают смысл таких слов, как *мой, чожмер, ёшка-мёшка, ыб, парма* (не следует путать со словом *парма ёрт*).

Устные сказы канинцев – «вöёлэмторъяс», «ас олэм помласс» примечательны ещё в том отношении, что они заменяют здесь песенные импровизации автобиографического характера. Последних же на Канине обнаружить не удалось. «Сылэн уна пёвесьтыс ас народлы, бёкесэ из висьтоо», – сообщила Р. Я. Филиппова о своей сестре.

Произведения ижмо-колвинского эпоса открыты нами на Канине только 22 мая 1972 года благодаря колвинцу Пичкову Илье Григорьевичу, бывшему первому председателю Канинского тундрового совета. Несмотря на плохое состояние здоровья (ему тяжело дышать и говорить), он без всякой раскачки, одним духом в первый же вечер знакомства исполнил нам две эпические песни «Злой Тынгус» и «Сын богатого оленевода». Местные жители рассказали нам, что у старика имелось бесчисленное множество подобных песен, которые он с равным успехом исполняет на коми и ненецком языках. Бывало, в чуме женщины и мужчины во время заботы оленей каждый занят своей работой, а он работал руками, в то же время напевал эпическую песню о трёхголовых Гундырах. На Канине эпические песни пели не только соло, как обычно повсюду, а дуэтом. Тот же И. Г. любил петь их на пару с племянником Яковом Андреевичем Пичковым или с братом Гавриилом Пичковым. Песни И. Г. хорошо знают жители с. Неси. О них нам много рассказывали ижемцы. И. Г. назывался колвинцем. Его предки – ижемцы (бабушка), его жена – ижемка. В семье на равных правах употребляются коми и ненецкий языки, а также русский.

Таких, как И. Г., сейчас на Канине, видимо, немного. По крайней мере, кроме него, нам не смогли указать на другого мастера.

Во время пения И. Г. непрерывно нюхает табак, прибегает к жестам и мимике. Пение непрестанно, иногда на половине фразы, прерывает прозаическими вставками, продолжающими сюжетную линию песни, её главную мысль. Часто эти прозаические вставки имеют форму реплики. Вставки и реплики вклиниваются не только на коми, но и на ненецком языках. Время от времени И. Г., забывшись, начинает петь по-ненецки, а потом, опомнившись, смущённо улыбается. Вообще, он с равной лёгкостью исполняет эпос и на коми и на русском языке. Иногда, вроде бы стремясь украсить песню (а это стремление певец подчёркивал сам – «колэ вед мичмедны сыланкылыслысь кыысэ»), он обращался и к русской лексике.

И. Г. знает множество героических эпических песен. Кажется, нет конца этим героическим произведениям. Ещё недавно он пел их любителям песни. А число любителей не сосчитать. Даже пока я записывал, в его комнату то и дело входили ненцы, коми и русские, внимательно и с почтением слушали монотонный и заунывный напев, а потом, спеша на работу, незаметно удалялись, чтобы не помешать записи.

Старому певцу было трудно петь. Заметно было, с каким усилием давалось ему пение. Поэтому я попросил для облегчения хода работы пересказать содержание ряда песен прозой.

В общей сложности за десять дней мне удалось записать от И. Г. Пичкова 8 героических песен и одну новеллистического балладного типа песню. Было очевидно, что это была лишь часть его репертуара. У нас, к сожалению, не было времени и сил для завершения работы – распутица грозила надолго задержать нас в Неси, а аэродром закрылся в первый же день нашего приезда. Ко всему прочему моя недавняя болезнь дала о себе знать с новой силой, и местные врачи настойчиво рекомендовали опять лечь в их больницу. Пришлось пообещать им записывать на дому, не отлучаться далеко из дома. Всё это сдерживало работу. Только вертолёт, специально высланный для нас в Неси по предложению секрета-

ря Окружкома А. Д. Артеева, прервал наши занятия с И. Г. Пичковым. Наверно, со стороны было смешно смотреть на нас; мы оба чихали и кашляли, но запись не прерывали.

Итак, главная часть репертуара И. Г. – это героические эпические песни. Все они: «Злэй Тунгос», «Озыр кёрдормалэн пи», «Гёрд кёра стариk», «Сусуй рёбетник да сизим Тынгос», «Му кёра стариk», «Няувча пи» – рисуют образ доблестного, смелого, самоотверженного оленевода, расправляющегося с врагами. Обычно иноземным захватчиком является злой тунгус, неожиданно нападающий на оленеводов со своим огромным войском. Противниками богатыря выступают злые чудища – пырнысьяс, чудовищная Ёма, которую не берёт никакое оружье. Ёма наделена волшебной способностью – безболезненно для себя отрезает от своего тела куски мяса, и те снова срастаются.

Настоящим гимном человеку звучит песня «Сусуй-рёбетник да сизим Тынгос» на известный сюжет о победе человека над смертью. Сусуй-работник мстит смерти за надругательство её над его женой. Помощниками Сусуя в его борьбе со смертью оказываются древние тотемные существа – белые медведи (ва ошъяс).

И. Г. знает такие песни новеллистического характера, сложенные кем-то до него о действительно произошедшем в недавнем прошлом событии. Такова песня «Сера кёра пи».

О мастерстве И. Г. в тундре знают и ненцы и ижемцы. Мне много раз рассказывали о том, как в недавнем прошлом певал он вместе с племянником Яковом Пичковым. Чувствуется, что песни И. Г. неплохо знает и его жена, ижемка, Акулина Трофимовна Артеева, родом из Сизябска. Однажды, слушая повествование И. Г. о Сусуй-работнике, она не выдержала и запела: «Съмертэ лок, менэ сей». Однако, на наши просьбы спеть фрагмент песни перед магнитофоном дала решительный отказ.

Если ненецкие эпические песни на Канине живут и сегодня полнокровно, если Л. Ф. Бобрикова с завидной лёгкостью нашла несколько великолепных певцов-ненцев (П. П. Ардеева, П. А. Ардеев, Латышев А. Ф. и др.), то нам просто повезло с И. Г. Пичковым. Других знатоков ижмо-колвинского эпоса здесь, как утверждают старожилы, уже нет. Так что можно говорить с большой уверенностью об угасании эпической традиции на коми языке на Канинском полуострове.

И. Г. Пичков интересен во многих отношениях, в первую очередь, как представитель выраженного двуязычия. Связь его песен с эпосом канинских ненцев не подлежит сомнению. Он и сам может рассматриваться как отличный исполнитель ненецкого эпоса канинской школы. Вместе с тем его нельзя оторвать от колвинской школы эпических певцов, к которым он принадлежит не только по языку (ижемскому диалекту), но и по своему рождению.

Ещё несколько бытовых деталей из жизни населения с. Несь. Посёлок коми и ненецких оленеводов построен на островке, который почти затапливается во время половодья. Когда 27 мая я взлетел на вертолёте, моему взору открылся полу затопленный островок, на котором я прожил десять дней. А Филипповы говорят, что за продуктами во время наводнения они добираются до магазина только на лодках. Во время моего пребывания в посёлке оленеводов все были заняты исключительно тем, чтобы подготовиться к весенней распутице: смолили лодки и, главное, заготовляли питьевую воду, заготовляли лёд для летнего холо-

дильника: резали торосный лёд, который половодьем прибивало к дому весеннеев половодье. Вот как сказал об этом С. А. Филиппов: «Палахъяссэ юыс гортэдз ваедас, пилаэн вундам да гожэм кежлэ пагреме пыртам, ледник местаэ». Около всех домов ижемцев стояло множество бочек, заполненных утрамбованным снегом. Ненцы более беспечны: ни бочек, ни дров около их домов нет.

Канинские коми хорошо сознают, что на них сильно повлияли соседи – русские и ненцы. Об этом я слышу на каждом шагу. Вот и сегодня в семье С. А. Филиппова прозвучала снова своего рода самохарактеристика канинских коми: «Ми вед ог комиэн сёрнитэ, а кудз сюре брёдитам. Ёти кыйен – туньки-таньки вошем народ, Канинас дзикедз гудрасим».

Канинские коми из всех фольклорных жанров, кажется, лучше всего сохранили причитания. Одни и те же причитания использовались как при свадьбе, так и на похоронах. У ижемцев это наблюдается на каждом шагу. Вот один пример. На свадьбе невеста причитала по адресу безродного человека так:

Ді вылэ падмем кёч кой тэ,
Турун йылысь тусялэма (вариант усялэма),
Кёч пель йылысь пелялэма (оторвался),
Вёр шёр вёрысь нопъялэма.

Но именно так же причитала тогда, когда умирал какой-либо безродный человек (кулас ке айтэм-мамтэм, сідз же бордэдасныс).

Угасанию коми-ненецкой фольклорной традиции на Канине способствует, видимо, не в малой мере малопохвальное «усердие» представителей местной администрации. Работник ненецкого окружного краеведческого музея ненка Л. Ф. Бобрикова, сама родом из Канина, с горечью вспоминала, как в детстве их стыдили в школе за каждое оброненное ненецкое или коми слово. А сейчас всё преподавание в канинских школах ведётся только на русском языке. Не удивительно, что сами школьники избегают говорить на родных языках даже в семьях. Я сам наблюдал, видимо, типичную для Канина картину: родители обращаются к детям на коми языке, а те отвечают им по-русски.

Более того, «усердие», видимо, распространяется даже на национальное достояние русского народа. Местные краеведы по непонятным причинам «забыли» о легендарном Аввакуме из Пустозерска. Вероятно, считается за дурной тон писать о попе, пусть он даже протестант. Эти вопросы я поставил перед главным редактором местной газеты А. Т. Коктаровым, но не получил внятного ответа. 17 сентября 1971 года Президиум Архангельского совета «Общество охраны памятников истории и культуры» вынес решение в ответ на ходатайство нарьян-марских краеведов: «Установку памятника в Пустозерске автору «Жития» Аввакуму Петровичу считать нецелесообразным». Комментарии, как говорят, излишние.

В Нарьян-Маре имеется Дом народного творчества. Я познакомился с его директором Торгатовой Р. В., весьма миловидной, но, как мне показалось, совершенно беззащитной и не очень инициативной женщиной. Она посвятила меня в свои беды – в штате её учреждения нет ни одного человека, знающего коми или ненецкий язык. Естественно, что в ДНТ не было и нет никакой фольклорной фонотеки.

Город Нарьян-Мар возник в 1930 году. Его первыми поселенцами наряду с русскими и ненцами были ижемские коми. Я познакомился со старожилами Нарьян-Мара, так сказать, первопоселенцами. Они приехали сюда с Ижмы в 1929 году. Это бывший оленевод Серафима Васильевна Чупрова, У. М. Вокуева, А. Г. Рочев, С. В. Чупрова и А. Е. Рочева, переселенцы с Ижмы в 30-х годах, хорошо знают свадебные, похоронные и трудовые причитания.

Слушая Нарьян-Марское радио, узнал, что ныне вместо красных чумов в тундре выезжают агиткультгруппы на вертолётах. Краевед А. Г. Рочев сообщил любопытную деталь, слушая запись песни И. Г. Пичкова «Гёрд кёра старик». В песнях утверждалось, что женщина не может пройти между двумя сизмы (так назывались стойки-палки у огневища в чуме, на которые ставилась перекладина, держащая котёл). Действительно, нельзя было шагнуть через сизму, считалось за грех. Там же поблизости хранились священные предметы, в частности, сядеи.

Ниже по Печоре от Нарьян-Мара видны трубы лесозавода. Это знаменитый лесозавод «Стелла Поляре», основанный в 1903 году. Сюда тянулись бесконечные толпы ижемских сезонников из Мохчи, Сизябска, Гама. Одним из них был бывший крестьянин из Мохчи Сметанин Алексей Григорьевич, отец Домны Алексеевны Каневой, 65-летней пенсионерки. Поселились переселенцы в посёлке, расположенному на берегу Курьи за несколько километров от завода. Бревнокаты, ходившие сюда на скатку древесины, прозвали местечко Сахалином. С тех пор за местечком закрепилось это наименование. Сахалин, или Стелла Поляре, было местом ссылки политиков, местом бурных стачек и маёвок, местом революционных традиций.

По данным Ненецкого окружного краеведческого музея устанавливается, что в 1903 году норвежская фирма «Стелла Поляре» (Полярная звезда) под руководством Мартина Ульсена построила трёхрамный лесозавод вблизи Тельвиски. Фирма получила от эксплуатации рабочих лесозавода баснословные прибыли. Рабочие стекались сюда в большинстве своём с северно-русских и ижемских сёл. Это были сезонники, готовые в поисках куска хлеба взяться за любую работу. Фирма нещадно угнетала эту забитую крестьянскую массу. Приведу только один факт, извлечённый мною из материалов местного краеведа Трофимова. 3 декабря 1912 года крестьянка с. Мощуга В. М. Филиппова, мать трёх маленьких сирот, обратилась за помощью к управляющему Мартину Ульсену. Она писала, что её «старший сын работал водоливом на барже у фирмы «Стелла Поляре», во время шторма утонул», что она, несчастная женщина, умоляет спасти «детей от бедственного положения, от голода». Норвежский чинуша не соизволил даже обратить внимание на мольбу ижемской крестьянки.

Естественно, что семена протesta, брошенные в этих местах политссыльными большевиками (в 1912 году на лесозаводе был создан социал-демократический кружок), дали добрые результаты. Большевики пробудили политическое сознание местных жителей. Наиболее крупным революционным деятелем стал выходец из ижемской бедноты рабочий Г. В. Хатанзейский, имя которого носит лесопильный завод, бывшая «Стелла Поляре». Хатанзейский был зверски замучен контрреволюционерами. Таковы некоторые факты, обнаруженные нами в ходе Канино-Тиманской экспедиции.

Сведения об исполнителях

Канюкова Анна Павловна, ненка, знает и говорит по-коми и по-русски, 1906, родом с Канин носа, оленевод, н/гр, детей... знает ненецкие сказки и песни, свободно переводит их на коми язык. Живёт в г. Нарьян-Маре.

Филиппова Раиса Яковлевна (девичья – Ванюта), ненка, владеет коми и русским языками, ненецкий не употребляет, 1916, оленевод, родилась в Тиманской тундре, м/гр., детей 7, поёт коми и русские песни и частушки. Муж её – ижемец, мать – тоже, отец – ненец. Живёт в с. Неси с 1963 г., до того жили в Волоковой, Чиже.

Вокуева Дарья Ивановна, коми, по деду – колва яран, Финалей, оленевод-пенсионерка, 1914, род. в дер. Волоковой, более 30 лет живёт в дер. Чижи, гр., детей – 6, имеет две медали и орден. Живёт в дер. Чижи.

Канева Мария Ивановна (девичья – Семяшкина), коми, 1899, род. в с. Сизябске, на Канине живёт более полувека, н/гр., бывший оленевод, 6 детей, 15 лет вдова. Сейчас живёт в дер. Чижи.

Ардеева Параксовоя Павловна, ненка, говорит по-русски, 1918 г.р., род. в Канинской тундре, орден и медали, быв. оленевод, живёт в дер. Чижи, знает эпические песни.

Ардеев Павел Артемьевич, ненец, говорит по-русски, имеет боевые медали. Знает эпические песни, живёт в дер. Чижи.

Чупрова (Вокуева) Елена Николаевна, коми, 1903, оленевод-пенсионерка, род. в Канинской тундре, н/гр., было 11 детей, живёт в дер. Чижи. Знает песни и притчания.

Вокуева (Чупрова) Марфа Григорьевна, коми, гр., род. в Канинской тундре, бывш. оленевод и рыбачка. Живёт в дер. Чижи.

Терентьева (Хозяинова) Павла Васильевна, коми, 1900, родилась в Канинской тундре, отец – выходец из Мохчи, оленевод-пенсионерка. Живёт в дер. Чижи

Филиппов Семён Александрович – коми, 1912, родился в Тиманской тундре, родители из Ижмы, гр., оленевод-пенсионер, воевал на Северном фронте. 5 медалей и орденов. Живёт в с. Несь.

Канева (Чупрова) Дарья Григорьевна, коми, 1888, род. в тундре, крестили в Усть-Цильме (Чилимдін), оленевод-пенсионерка, до Великой Отечественной войны кочевала в тундре, потом осела в Волоковой (сэсся вёләсътэ пукси), в Канинской тундре живёт со времени русско-японской войны, м/гр., 3 детей, знает сказки про Илью Муромца, песни. Родители из Ижмы. Живёт в с. Несь.

Хозяинова (Ванюта) Елена Яковлевна, ненка, 1911, род. в Канинской тундре, там и выросла, ненецкий язык не знает, говорит по-коми, оленевод-пенсионер, м/гр., 2 детей, племянница Д. Г. Каневой. Живёт в с. Несь

Пичков Илья Григорьевич, колва яран, 1902, род. в Канинской тундре («Ты нырдын»), гр. оленевод, его жена (Артеева Акулина Трофимовна) и бабушка – коренные ижемки, владевшие ненецким языком, чл. КПСС с 1940, отец ненецкого поэта Алексея Пичкова, первый председатель Канинского тундрового совета, теперь пенсионер, участник Великой Отечественной войны, воевал под Потсамо в составе 31-й олене-лыжной бригады. Знаток эпических песен, которые он исполняет на коми и ненецком языках. Живёт в с. Несь.

Латышев Алексей Фёдорович, ненец, 1920, род. в Канинской тундре, гр. (4 кл.), заготовитель пушнины, рыбак, продавец, участник Великой Отечественной войны, награждён медалями. Живёт в с. Несь. Знает эпические песни.

Рочев Андрей Гурьевич, коми, 1905, родился в с. Гам (Ижма), гр. (выпускник совпартшколы), гл. бюро Коми Ок КПСС с 1930 по 1933 г., бывший редактор газеты «Коми комсомолец», бывш. зам. редактора журнала «Ордын» и «Ударник», бывш. завхоз Н.-М. педучилища, пенсионер. С 1935 года в Нарьян-Маре. Знает побывальщины.

Рочева Анна Егорьевна, коми, (его жена), 1906, родом из с. Няшабож, м/гр., домохозяйка, 7 детей, знает сказки, песни, причитания.

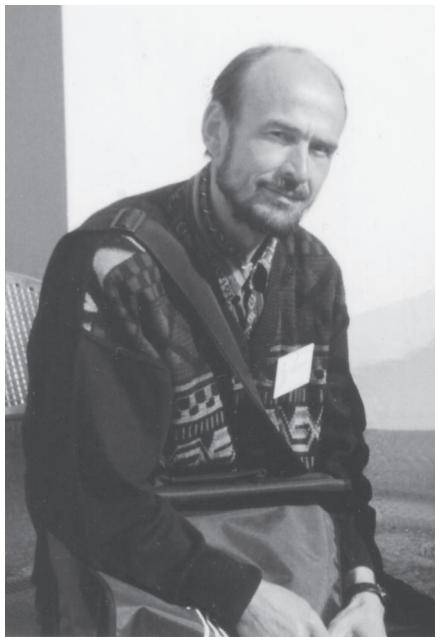
Чупрова Серафима Васильевна, коми, 1916, родом из Большеземельской тундры, родители из с. Ижмы, бывший оленевод, ныне пенсионер, одна из первопоселенцев Нарьян-Мара (1929 г.), 4 детей, гр.. Сын Владимир работает в Гос. ансамбле песни и пляски Коми АССР, другой сын Сергей – мастер спорта по лыжам. Сама живёт в Нарьян-Маре, знает песни, умеет импровизировать.

Вокуева Устиня Марковна, коми, 1900, м/гр., родилась в Мохче, с 1934 г. в Н.-Маре, 4 детей, бывшая работница ненецкого оленьсовхоза, ныне пенсионерка, поёт русские песни.

Канева Домна Алексеевна, коми, 1907, гр., род. в Мохче, с 1909 г. в посёлке рабочих лесозавода «Стелла Поляре», работница, ныне пенсионерка. Знает русские песни.

10 авг. 1972

Анатолий Панюков

Панюков Анатолий Васильевич, кандидат филологических наук, доцент ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

А. В. Панюков является одним из ведущих учёных-фольклористов Республики Коми, внёсшим большой вклад в разработку ряда проблем изучения и популяризации коми фольклора.

Автор 60 научных публикаций в области фольклористики, этнографии и этнолингвистики, в том числе монографии «Динамика развития коми фольклорных традиций в контексте теории самоорганизации» (2009 г.). Составитель ряда публикаций фольклорных памятников, таких как сборник «Традиционная культура коми: Этнография детства» (1999 г.), аудиодиск с буклетом «Памятники коми фольклора: песенная и музыкальная традиции» (2006 г.); научный сборник «Фольклор коми и ненцев Ненецкого автономного округа» (2009 г.).

Ижмо-колвинская фольклорная традиция: в поисках истоков

Шестидесятые годы прошлого столетия стали для коми фольклористики временем многих новых научных открытий и откровений, самым ярким из которых может быть названо знакомство с доселе неизвестным эпическим творчеством северных коми. Вдохновлённые первыми удачами в Ижмо-Печорском бассейне Коми АССР, коми фольклористы буквально устремились вслед ижемским оленеводам – в Большеземельскую и Малоземельскую тундры, на Канинский полуостров, в Зауралье, куда коми переселялись, осваивая новые территории. Полевая работа была настолько масштабной и плодотворной, что мы и сегодня не в состоянии точно сказать, сколько фольклорных произведений было записано. Так, только в ходе экспедиций в Ненецкий автономный округ было сделано около 51 часа магнитофонной записи, собрано более 400 фольклорных произведений. За этой скромной статистикой стоит долгий, кропотливый и до сих пор почти неоценённый труд фольклористов-первооткрывателей.

Интерес к культуре коми оленеводов связан, прежде всего, с открытием ижмо-колвинского песенного эпоса, несомненно, составляющего ядро фольклорной традиции. Несмотря на то, что исследователи застали уже почти угасшую певческую традицию, им удалось записать репертуар целого ряда талантливых исполнителей, среди которых можно выделить Улиту Алексеевну Коскову из с. Колва (Усинский р-н РК), Александру Николаевну Выучейскую из пос. Харута, Ивана Степановича Хатанзейского из пос. Кара, Илью Григорьевича Пичкова из с. Несь (Ненецкий автономный округ), Григория Никифоровича Валеева из с. Мужи

(Шурышкарский район Тюменской области), Михаила Гавриловича Терентьева из пос. Белоярск (Приуральский район Тюменской области). Записанные от них эпические песни, наиболее объёмные и яркие, были опубликованы в первом выпуске «Коми народных песен» (Ижма и Печора; 1967 г.), в фольклорных сборниках «Коми эпические песни и баллады» (1969 г.) и «Коми народный эпос» (1987 г.).

Так предстал миру доселе неизвестный северный эпос, соотносимый по своим масштабам с лучшими поэтическими традициями народов мира, но при этом – взятый вне времени и пространства – эпос, производящий впечатление чего-то инородного для собственно коми фольклора.

На самом деле это первое впечатление улетучивается, как только ты начинаешь всматриваться в репертуарные списки самих сказителей, а тем более, пытаясь объять сотни других неопубликованных фольклорных памятников на коми языке, записанных по обе стороны Урала и представляющих ту самую культуру коми оленеводов, за какие-то полтора-два столетия освоившую и европейские тундры и просторы Зауралья. Ведь даже из собственно эпических произведений (варианты тех же эпических песен, эпические сюжеты, менее яркие в музыкально-поэтическом плане или записанные фрагментарно, прозаические версии героического эпоса и далее – широкий спектр т.н. «яран мойд», повествовательные песни – «яран сыланкыв» – более полусотни записей) было опубликовано всего лишь двадцать: «Важен вёлі ётик Сюдбей» (Прежде жил один Сюдбей), «Куим Вай вок» (Три Вай-брата) – А. И. Выучейская, пос. Харута, Архангельская область, Ненецкий автономный округ; «Керча-ю кёзянин» (Хозяин Керча-ю), «Сэро Ёвлё» (Сэро Ёвлё), «Вёли помлась» (О Вели), «Вёвле помлась» (О Вавле), «Ныы да племеньник» (Девушка и племянник) – Г. Н. Валеев, пос. Мужи, Тюменская область; «Небыд юрсиа ныв» (Девушка Мягкие волосы), «Евильё-вок» (Брат Евилё), «Сват да сватъя» (Сват и сватъя) – У. А. Коскова, с. Колва, Усинский р-н РК, «Бёжа ку парка» (Горностаевый Совик), «Ыджыд Марка» (Старший Марка) – В. М. Батманов, д. Ямгорт, Тюменская область; «Носи озыр морт да Дзоля Тысъя пи» (Носи богатый человек и Младший Тысъя сын), «Куим еджыд син» (Три белоглавых хозяина), «Куим Тынгос» (Три Тынгоса), «Сядэй старик пи» (Сын Сядея старика) – И. С. Хатанзейский, пос. Кара, Архангельская область, Ненецкий автономный округ; «Сизимлаэ нюклясем морт да Быдтас» (Семью хозяевами униженный и его Быдтас-Приёмыш) – М. Г. Терентьев, пос. Белоярск, Тюменская область; «Кёр дорсалэн пи» (Сын оленевода), «Дзоля Тынгос» (Младший Тынгос), «Гёрд кёра старик пи да Нявуча пи» (Старик Хозяин Красных оленей и Нявуча сын) – И. Г. Пичков, с. Несь, Ненецкий автономный округ. К этим двадцати текстам можно присовокупить несколько опубликованных лиро-эпических произведений: «повествовательная песня-импровизация автобиографического характера» «Ведэ» (Е. В. Ануфриева, с. Мохча Ижемского р-на), один из вариантов «любовно-повествовательной песни» «Важён вёлі яран» (Прежде жил ненец) (М. Я. и Ю. В. Чупровы, д. Бакур Ижемского р-на) и песня «Яран гости лэччис» (Ненец в гости отправился) (А. П. Малькова, с. Колва Усинского р-на) – которые мало что меняют в нашем представлении об ижмо-колвинском фольклоре – представлении чрезвычайно ярком, но всё-таки весьма обобщённом. Эта обобщённость проявляет себя на каждом шагу, как только мы пытаемся глубже проник-

нуть в эпический универсум конкретных исполнителей, разобраться в истоках конкретного сюжета или даже понять точки зрения самих исследователей ижмо-колвинской традиции.

Если А. К. Микушев начинал с глубокого исследования ижемских традиций, то для него органическая связь ижмо-колвинского фольклора с материнской культурой коми-ижемцев была очевидной. И первые записи песенных импровизаций автобиографического характера, которые он позже назвал *нуранкыв*, и первые эпические песни – *яран сыланкыв* были записаны им на Ижме от коми-ижемских исполнителей. Для Ю. Г. Рочева, который сам был родом из Зауральских коми-ижемцев, знакомство с ижмо-колвинской традицией начиналось со своей родины. В его магнитофонных записях 1962 г., открывающих коллекцию «Народная поэзия Зауральских коми» Фольклорного фонда нашего института, органично перемежаются и ижмо-колвинские эпические песни, и собственно ижемский репертуар, и хантыйские импровизации, записанные от коми исполнителей. И для Ю. Г. Рочева как исследователя была очевидна фольклорная взаимосвязь коми-ижемцев и обских угров. Своё представление об эпических песнях северных коми-зырян возникло и у венгерского исследователя Эрика Васойи в ходе его короткой экспедиции в Усинский район (Колва-Уса).

Столь же трудно сводимые к общему знаменателю характеристики этой фольклорной культуры дают экспедиционные записи разных собирателей. Так, например, если обратиться к полевым материалам, которые были записаны в селе Колва – родовом центре традиции, то мы увидим весьма разноречивую картину. В 1961 г. П. И. Чисталёв зафиксировал здесь абсолютно традиционный ижемский песенный репертуар: это причитания, хороводно-игровые песни, коми лирические песни, в большинстве своём в хорошем ансамблевом исполнении, что характеризует стержневой пласт фольклора. И только от М. И. Лабазова помимо песенной лирики (коми и русские песни в хорошем исполнении) были записаны четырёхпрозаических эпико-героических «яран мойд»; при этом исполнитель оговаривается, что расскажет на коми языке («Чотан старуха кörт чомыйн» (Хромоногая старуха в железном чуме), «Öтик Танюга» (Один Танюга), «Озыр Чёнеко» (Богатый Чёнеко), «Куум вок» (Три брата) – сказка об охотнике-богатыре Пильямдерко. Вслед за ними М. И. исполнил коми волшебную сказку «Старик гозъя» (Чета стариков) с сюжетом о чудесном рождении героя от волшебной птицы – ласточки. То есть никакого песенного эпоса П. И. Чисталёв в Колве не обнаружил.

В 1966 г. Э. Васойи и Г. Г. Бараксанов также записали около десятка ижемских лирических песен в сольном и ансамблевом исполнении. От семидесятилетней У. А. Косковой (которую по каким-то причинам не удалось записать П. И. Чисталёву) помимо коми частушек, записали несколько ижмо-колвинских эпических песен с вариантами пересказа («Важен олісны рочъяс» (Прежде жили русские), «Сват да сватъя», «Небыд юрсия чой» (Сестра с мягкими волосами). Кроме того, от неё же были записаны коми волшебно-героические сказки «Сар пи да салдат» (Царский сын и солдат), «Купеч пи да Арко Аркович» (Купеческий сын и Арко Аркович). От А. П. Мальковой были записаны коми частушки и лирическая песня «Опой чаркаасем» (Выпивание чарки), которую Э. Васойи определил как «универсальную зырянскую песню с явным юрако-самоедским влиянием».

ем». Ещё один вариант фольклорной аккультурации представлен записанной от А. П. Килиной волшебной сказкой «Инька да Ёма» (Ненка и Ёма)¹.

Немногим позже, в 1972 г., в с. Колва работали Ф. В. Плесовский и Н. Д. Бомбергер. Они записали от той же У. А. Косковой четыре волшебно-героические сказки («Арко Аркович», «Сар» (Царь), «Чудесной чери йылысь» (О чудесной рыбе), «Шыр да кеня» (Мышь и ронжа), две детские сказки и две прозаические «яран мойд» («Небыд юрсиа чой» (Сестра с мягкими волосами) и «Вит вок» (Пятеро братьев), представляющие собой варианты сказок, записанных в 1966 г. Оба этих прозаических текста были записаны и Э. Васойи в качестве пересказов ранее спетых эпических песен, но в записи 1972 г. нет и намёка на возможность песенного исполнения. То есть через шесть лет после Э. Васойи собирали уже не зафиксировали здесь никакого песенного эпоса.

Даже такой беглый взгляд на исполнительский репертуар одного села позволяет увидеть другие составляющие фольклорной традиции – составляющие, без которых вряд ли мог бы возникнуть и собственно песенный эпос, опирающийся на развитую музыкально-поэтическую культуру. Каждая новая запись вносила что-то новое в общую фольклорную картину, результаты каждой новой экспедиции заставляли ещё раз задуматься над уникальностью этой культуры.

Своё, особое место в ижмо-колвинской коллекции занимают материалы Канино-Тиманской экспедиции 1972–1973 гг. Научный отчёт А. К. Микушева о первом из полевых сезонов публикуется в этом номере журнала «Арт», поэтому позволим себе сказать несколько слов о его результатах.

Несомненно, к этому времени у собирателей уже был огромный багаж знаний об исследуемой культуре. Уже проведены несколько экспедиций в Ижмо-Печорском регионе (1958–1960 гг.), две Большеземельские экспедиции 1968–1970 гг., несколько Зауральских экспедиций (Тюменская область, 1962–1970 гг.), экспедиция на Кольский полуостров (сентябрь–октябрь 1971 г.). Уже записано большинство эпических песен, и можно попытаться поработать более спокойно и вдумчиво. Поэтому вполне понятно то, что материалы Канино-Тиманской фольклорной экспедиции отличаются широтой охвата исследуемых тем и пестротой репертуара. Здесь помимо собственно музыкально-поэтических произведений, можно обнаружить самый разнообразный прозаический материал: это и этнографические описания календарных и семейно-обрядовых событий, бытовые рассказы об оленеводческой жизни, народной медицине, промыслах, о народной демонологии, этнографии детства, детский фольклор, паремиологические тексты, анекдоты, и многое другое. И именно здесь – и в репертуаре, и в самых разнообразных бытовых деталях – наиболее ярко проявляется глубинная связь местной фольклорной традиции с материнской ижемской культурой. При этом, как ни парадоксально, именно в этой экспедиции самое пристальное внимание было уделено коми-ненецким взаимосвязям, и почти все записи ненецкого фольклора были сделаны в этой экспедиции. Во многом это стало возможным благодаря тому, что в работе с

¹ Три эпические песни были опубликованы Э. Васойи в венгерском журнале «Этнография»: Vászolyi E. Eszaki zurjen epikus énekek // Ethnographia. Budapest, 1967. № 3. Р. 438–451; 1968. № 3. Р. 408–420. Полностью экспедиционные записи Э. Васойи и Г. Г. Бараксанова были опубликованы намного позже небольшим тиражом в англоязычном издании 2001 г.: Vászolyi–Vasse, Eric: Syrjaenica II. Narratives, Folklore and Folk Poetry from Eight Dialects of the Komi Language. V. 2: Kolva and Usa Specimina Sibirica XV, XVII, XIX. Savariae – Szombathely, 2001, 531 p.

ненецкими исполнителями участвовала Людмила Фёдоровна Бобрикова, известная собирательница ненецкого фольклора. Конечно, основной интерес фольклористов-собирателей был сосредоточен на коми традиции, записей ненецкого фольклора не так много, и связаны они, прежде всего, с тундровыми ненцами, владеющими коми языком, и, в какой-то мере знакомыми с обеими традициями. Коллекцию ненецкого фольклора фольклорного фонда ИЯЛИ значительно пополняют и рукописные записи Л. Ф. Бобриковой, сделанные в посёлках Нахodka, Новый порт, г. Нарьян-Маре (1973 г.), включённые в общий отчёт о Канино-Тиманской экспедиции 1972–1973 гг.

Несмотря на то, что записи Канино-Тиманской экспедиции составили лишь небольшую часть общей коллекции ижмо-колвинского фольклора, именно они дают возможность увидеть эту фольклорную культуру в своём двуединстве. И именно эти записи определили структуру недавно вышедшего сборника «Фольклор коми и ненцев Ненецкого автономного округа».¹ В сборник вошли 56 фольклорных произведений, из них восемь – на ненецком языке, и материал здесь отобран таким образом, чтобы дать более широкое представление не только о жанровом разнообразии записей, которое удалось застать исследователям полвека назад, но и о многогранности исследуемой фольклорной культуры в целом. Отталкиваясь от содержания этого фольклорного сборника, попытаемся ещё раз воссоздать общую картину.

С одной стороны кажется очевидным, что раздел «Фольклор ненцев» не имеет никакого отношения к тому, что может быть определено как традиция колвинских ненцев. С другой – именно этот пласт фольклорной культуры очерчивает общий контур взаимодействия ненецкого и коми-ижемского фольклора, позволяя увидеть вполне конкретные точки межэтнического створчества, без которого не возникла бы столь уникальная традиция.

Отстаивая термин «ижмо-колвинский эпос», А. К. Микушев вполне обоснованно исходил из языковой ситуации: это эпические произведения, исполняющиеся на ижемском диалекте коми-зырянского языка. При этом, несмотря на то, что имена эпических героев, образность, мотивы и коллизии данного эпоса традиционны для самодийского фольклора, ни один текст в целом не находит в ненецком эпосе прямого аналога или прототипа. По мере расширения ареала бытования эпических произведений на коми языке расширялось и представление об этом уникальном явлении, что позволило А. К. Микушеву говорить о северно-коми эпосе как о сложном, органичном соединении финно-угро-самодийских компонентов.²

¹ Фольклор коми и ненцев Ненецкого автономного округа (в записях Фольклорного фонда ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН 1968–1973 гг.) / Сост. А.В. Панюков.– Сыктывкар, 2009.– 500 с. Эта публикация ещё ждёт своих исследователей, и с сожалением приходится констатировать, что в силу ограниченности объёма публикации он так же не охватывает всей традиции материала, и большая часть фольклорных произведений осталась за рамками книги. Нам так же не удалось отразить экспедиционные записи, не связанные напрямую с музыкально-поэтической культурой. Достаточно объёмный пласт самых разнообразных этнографических и фольклорных сведений был поднят в ходе полевых исследований 2004–2008 гг., эта часть архивной коллекции так же осталась за рамками этого фольклорного сборника. Будем надеяться, что публикации материалов ФФ ИЯЛИ будут продолжены.

² Микушев А. К. Коми эпические песни и баллады.– Л., 1969; Он же: Жанровые особенности эпоса северных коми-зырян // Специфика фольклорных жанров: Сб. ст.– М., 1973.– С. 200–

Сами носители этой эпической традиции в своём большинстве достаточно чётко определяли свою этническую принадлежность как *колва яран* 'колвинские ненцы', противопоставляя себя и *изъватас* – ижемцам и *выненца* – ненцам, сохранившим приверженность к ненецкому языку и ненецкому образу жизни. Общую характеристику этой этнографической группы, проживавшей в конце XIX – начале XX вв. в нижнем и среднем течении р. Колва, в пределах так называемой Колвинской волости (Ижмо-Печорский уезд Архангельской губернии), даёт К. В. Истомин в ряде своих статей¹. В начале XIX в. эта группа сильно отличалась от основной массы тундрового ненецкого населения, прежде всего, своим оседлым образом жизни и использованием ижемского диалекта коми языка в качестве разговорного. Обособление *колва яран* тесно связано с деятельностью известного проповедника епископа Вениамина, распространявшего православное христианство среди европейских ненцев в 1820–40 годах. В 1827 году по инициативе этого епископа была основана православная церковь в 20 километрах выше устья р. Колва, ставшая впоследствии центром формирования новой волости. Это место было расположено на границе между тайгой и лесотундрой, среди обширных лугов в низовьях реки, здесь проходил один из самых больших оленегонных маршрутов. К концу XIX в. ненцы Колвинской волости и более южных районов в большинстве своём были уже православными и вели, как и ижемские оленеводы, полукучевой образ жизни². Во второй половине XIX в. некоторые колвинцы вместе с коми-ижемцами стали перекочёвывать за Урал в пределы Тобольской губернии. Сейчас в Тюменской области потомки колвинцев проживают в Березовском р-не ХМАО и в Шурышкарском, Приуральском, Надымском р-нах ЯНАО. Они носят характерные фамилии, производные от названий ненецких родов: Хатанзеевы, Валеевы, Артеевы, Лагеевы и др.³ В 1887 году четыре коми-ижемских семьи со своими стадами, спасаясь от эпизоотии, перешли по льду из Большеземельской тундры на Кольский полуостров, в 90-х годах XIX века к ним присоединились другие коми-ижемцы, а вместе с ними на Кольский полуостров переселились и их пастухи-ненцы.

Здесь важно подчеркнуть, что уже и во время фольклорных экспедиций 1960–1970 гг. самоназвание *колва яран* нуждалось в корректировке. Так, у зауральских носителей традиции, наряду с *колва яран*, использовался этноним *изъва яран* 'ижемские ненцы'. Например, Г. Н. Валеев, один из лучших исполнителей эпоса, определял себя именно так, идентифицируя себя не только по языку, но и по своей кровной связи с ижмой. По данным исследовательницы Л. В. Хомич, ещё в 1970-х гг. большинство колвинцев считали себя ненцами, хотя понимали, что отличаются от основной массы, сохранивших родной язык и национальную культуру.

²²⁶; Он же: Оленеводческие песни-нуранкы и ижмо-колвинский эпос // Проблемы изучения финно-угорского фольклора.– Саранск, 1972.– С. 123–131; Он же: Эпические формы коми фольклора / Отв. ред. А. М. Астахова, В. И. Лыткин.– Л.: Наука, 1973.– 256 с.; Он же: Микушев А. К. Взаимосвязи традиционной композиции импровизационных песен коми и ненцев // Фольклор народов РСФСР: Межвуз. сб.– Уфа, 1988.– С. 5–12; Коми народный эпос / Под. ред. А. К. Микушева.– М., 1987; и др.

¹ Истомин К. В. Колва-яран: происхождение; межэтнические контакты; прирост населения поселения оседлых ненцев; колвинские ненцы в XX в. // Сайт «Традиционная культура народов Европейского Севера». 2001. Доступ: <http://www.komi.com/folk/nenci/>.

² Истомин К. В. Колва-яран: происхождение // Сайт «Традиционная культура народов Европейского Севера». 2001. Доступ: <http://www.komi.com/folk/nenci/>.

³ Хомич Л. В. Ненцы. Очерки традиционной культуры.– М., 1970.– С. 45.

ру. Тундровые ненцы называли их, как и всех коми, *зырянами*, а коми-ижемцы – *изъва яран* 'ижемские ненцы'.¹ По наблюдениям К. В. Истомина, современные ненцы употребляют слово *яран* (коми этноним для ненцев) для обозначения всех ненцев, говорящих на коми языке как на родном, вне зависимости от образа жизни и происхождения как их самих, так и их предков. Кроме того, *колва яран* в восточной части Большеземельской тундры могут называть «говорящих по коми ненцев, которые кочуют в районе реки Колва». Таким образом, данный этноним, по-видимому, не является в современной речи ненецкого населения этой части тундры обозначением членов специфической этнографической группы, а просто указывает на территорию кочевания части комиязычного ненецкого населения. Данный факт подтверждается также наличием терминов *кара яран* и *коротайка яран* для обозначения комиязычных ненцев Югорского Шара и реки Карагайка соответственно. А в западной части Большеземельской тундры этноним *колва яран* может использоваться как синоним к более употребительному *яран* 'ненец, говорящий на коми языке'. Другими словами, ни образ жизни самих лиц либо их предков, ни наличие среди предков коми не являются определяющими при причислении к *колва яран*.²

Говоря о географической детерминанте, следует иметь в виду и то, что эпический репертуар, введённый в научный оборот, почти равномерно распределён по всей территории проживания именно коми-ижемских оленеводов, и только несколько произведений было записано в самом с. Колва. Более того, если Л. В. Хомич в одной из своих статей³ (1980 г.) утверждает, что в настояще время колвинцы широко расселены в посёлках Харута, Хорей-вер и Красное, то по этнографическим сведениям последних лет практически всё население этих посёлков не только отрицает свою генетическую связь с Колвинской волостью, но часто и свою связь с ненецким народом. Например, в посёлке Харута антропологу Отто Хабеку удалось найти только одного информатора, сообщившего, что его предки могли быть из Колвы. Те же ненцы, которые действительно проживают в обоих посёлках, ведут свой род от тундровых ненцев, хотя и пользуются в разговорной речи коми языком⁴.

Парадоксальная, на первый взгляд, проблема этнического определения может быть развернута во многих направлениях. При составлении сборника «Фольклор коми и ненцев Ненецкого автономного округа» мы столкнулись с той же ситуацией размытости собственно языковых границ. Для живого бытования традиции, которое ещё удалось застать исследователям, нет непроходимой границы между ненецким и коми фольклором, как нет чёткой этнической границы ни в исполнительстве, ни в исполнительской аудитории. В 1960–1970-е годы, когда проходили фольклорные экспедиции, двуязычность ненцев, и даже владение тремя – ненецким, коми и русским – языками было широко распространённым явлением среди ненцев. Многие исполнители, с которыми работали участники фольклорной экспедиции, владели и коми и ненецким языками, могли исполнять эпические произ-

¹ Хомич Л. В. Ненцы. Очерки традиционной культуры.– М., 1970.– С. 45.

² Истомин К. В. О термине колва-яран // Сайт «Традиционная культура народов Европейского Севера». 2001. Доступ: <http://www.komi.com/folk/nenci/52.htm>.

³ Хомич Л. В. Развитие межэтнических связей в Ненецком автономном округе // Этнографические аспекты изучения современности.– Л.: Наука, 1980.– С. 48–63.

⁴ Истомин К. В. Колвинские ненцы в XX в. // Сайт «Традиционная культура народов Европейского Севера». 2001. Доступ: <http://www.komi.com/folk/nenci/52.htm>.

ведения как на ненецком, так и на коми языке – были теми самыми исполнителями-посредниками между культурами, с которых всё и начиналось. Именно таким творцом – носителем двух культур может быть назван Фёдор Иванович Хатанзейский из д. Волоковая, «колва яран» по крови, но волею судьбы связанный с культурой тундровых ненцев. Записанная в ходе Канино-Тиманской экспедиции эпическая песня-сюдбабц *Си"ив Хабартаков* – Сизим Лола (*Семь Хабарта* – Семь Лосей) в его исполнении представляет собой яркий образец двуязычной исполнительской традиции. Вначале исполнитель поёт фрагмент на ненецком, затем переводит и комментирует на коми языке. Таким образом, он здесь как бы одновременно выступает в двух ипостасях: и в роли основного певца, соотносимого с ненецким *сюдбабц мэта*, и в роли поясняющего – *тэлтангода* (вполне вероятно, что исполнителю доводилось слышать такую, дуэтную форму исполнения эпоса тундровыми ненцами). Эпическая песня представляет типичный для ижмо-колвинских произведений сюжет о юноше-мстителе: у семи братьев Хабарта-Лосей, убитых в войне с родом Семи Варо, подрастает Быдтас-Питомец – главный герой, которому предназначено одолеть врагов. Ю. Г. Рочев записывал Ф. И. Хатанзейского несколько дней (около шести часов магнитофонной записи), но по каким-то причинам песня так и не была записана до конца. По комментариям исполнителя, за эти шесть часов (!) он не успел дойти и до середины сюжета, и главный герой только ещё движется к своей цели – освободить семью земель братьев Хабарта.

Такой же двуязычный и двувидовой песенно-прозаический вариант исполнения характерен и для И. Г. Пичкова из с. Несь, органично впитавшего и традицию *колва яран* и традицию канинских ненцев. Как отмечает и сам А. К. Микушев, Илья Григорьевич мог бы по праву представлять не только коми, но и ненецкую эпическую традицию. По воспоминаниям односельчан, он так же пел ненецкие сказки на ненецком языке и для коми слушателей, вслед за пением пересказывая пропетый фрагмент на коми языке. И вполне вероятно, именно двуязычная форма исполнения предшествовала появлению моноязычной коми песенной эпической традиции, формировала ту первую среду слушателей и носителей ижмо-колвинского эпоса.

Говоря о коми-ненецком языковом и культурном двуязычии как исходной среде бытования, стоит иметь в виду и существование «встречного» течения. Так, по воспоминаниям современников, многие из коми-ижемских оленеводов владели ненецким языком. По материалам экспедиции 1972 г., канинские коми хорошо помнят Егора Андреевича Вокуева, ижемского оленевода из с. Сизябск. Он славился как мастер сказывать ненецкие «сказки» – «яран мойд мойдны», сам переводил ненецкие песни и исполнял их на коми и на ненецком языках. Многие годы, с самой юности, Е. А. Вокуев пас оленей вместе с большеземельскими ненцами, а, переселившись на Канин (в начале прошлого века), стал исполнителем и популяризатором ненецкой эпической традиции. По воспоминаниям дочери, Е. Е. Чупровой, накануне Великой Отечественной войны его не раз возили в Нарьян-Мар петь ненецкие песни¹.

Таким образом, перед нами предстаёт парадоксальная и с лингвистической, и с этнологической точек зрения картина бытования фольклора, биэтничная и би-

¹ Микушев А. К. Научный отчёт о Канино-Тиманской фольклорной экспедиции (май-июнь 1972) // Научный архив Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 118. Т. 1.

культурная в своём триединстве: исполнитель может быть и коми и ненцем, исполняемый текст может быть и коми и ненецким, и аудитория, для которой исполняется то или иное произведение, может быть и коми и ненецкая. Отталкиваясь от этнической детерминанты, мы можем вычленить из этой системы или фольклор на коми языке, или репертуар только коми исполнителей, или фольклор, исполняемый для коми аудитории, но даже и в этих трёх вариантах мы не сможем соблюсти этническую идентичность. Вероятно, для понимания феномена ижмо-колвинской традиции необходимо отталкиваться от более глубоких системных принципов.

Общая картина зарождения этой самобытной культуры кажется достаточно очевидной: произошло взаимосближение двух абсолютно разных культур – коми-ижемцы за короткий срок (конец XVIII – первая половина XIX вв.) освоили оленеводство и мир кочевника, а колвинские ненцы перешли на оседлый образ жизни, стали православными, переняли язык и обычай ижемских коми. При этом ни один из процессов нельзя назвать специфически ижмо-колвинским: переход на оседлость была характерна едва ли не для всех ненцев Европейского севера, явление этнической или языковой ассимиляции также нельзя назвать уникальным, знание коми языка было характерно и для других групп ненцев. Здесь важно то, что в ситуации с коми-ижемцами и колвинскими ненцами эти процессы приобрели системный, резонансный эффект, возможный только в результате встречного волевого импульса.

Очевидно, что это сближение было бы невозможным без религиозного единения. И, вероятно, уникальность ижмо-колвинской традиции может быть связана с возникновением особого религиозно-мифологического двоемирия: языческого (собственно ненецкого) и православно-христианского (коми-ижемского), которое в отличие от официального христианства, само уже представляло вариант народно-православного двоемирия, адаптированного для быстрого восприятия иноверцами, а главное – соответствующего новому образу жизни.

Полукочевое оленеводство, уникальное во многих отношениях, предполагало и особое «социально-экономическое» двоемирие, совмещающее и деревенский космос (в зимний период) и мир кочевника. В контексте бытования фольклорной традиции это двоемирие, вероятно, создавало и два эпических мировосприятия, и две аудитории, на которые были ориентированы певцы. Поэтому вся эпическая традиция может быть рассмотрена в терминах удвоения, поскольку она органично соединила в себе и ненецкий фольклор, и фольклорный мир коми-ижемцев. Основные темы ижмо-колвинской эпической традиции типичны для исходных форм героического эпоса (тема героического сватовства, сюжеты о юноше-мстителе), и при этом легко «вписывается» в сказочно-мифологическое пространство коми традиции. Не случайно сами исполнители называют исполняемые эпические произведения «яран майдъяс» (ненецкие сказки), «сылэмэн яран майдъяс» (ненецкие поющиеся сказки), «яран майдъяс изьватас кылэн» (ненецкие сказки на ижемском языке). Эти две сказочно-эпические составляющие могут сопротивляться как «яран майд» («об оленеводческой жизни») и «изьватас майд» (ижемские сказки о «христианской» – т.е. крестьянской жизни; с типичным зацином «Олыс-вылыс хрестьянин» (Жил-был один крестьянин)¹. Этот же дво-

¹ ФФ ИЯЛИ В1901-19. Г.Салехард. Исп. Е. А. Терентьева, 1923 г.р. Запись П. Ф. Лимерова, А. В. Панюкова, 2004 г.

ичный код связывает и две формы – песенную и прозаическую – бытования эпических произведений. Вероятно, заимствованная певческая традиция – «сылэмен яран мойдъяс» (ненецкие поющиеся сказки) изначально занимает свою специфическую нишу в культуре ижемских коми, противопоставляясь не только как песни и обычные прозаические повествования – *подэн майд* букв. 'сказка, рассказываемая пешим шагом', но и как экзотические музыкальные произведения собственно коми повествованием.

Особую роль в становление этой биэтничной фольклорной традиции сыграло своего рода «внутрисемейное» двоемирие: коми-ижемки, выходя замуж за колвинских ненцев, приносили в новую жизнь свой язык, свои обычаи, своё лирическое мировосприятие, а мужчины – носители эпического мира, эпических знаний – при этом ещё долго оставались ненцами. Это «внутрисемейное» двоемирие соотносимо с двумя основными жанрами этой традиции – эпическими богатырскими песнями и песнями-импровизациями *нуранкыв*. Если основными исполнителями героического, богатырского эпоса были мужчины, то *нуранкыв* – это женский жанр со своей особой поэтикой и аудиторией. Этому жанру, как, собственно, и термину, сложно дать точное определение в силу того, что под ним подразумевается широкий спектр песенных произведений импровизационного характера. Как особое жанровое определение термин *нуранкыв* появляется в записях А. К. Мижушева 1968 г. Сами исполнители называют свои песни *нурем*, связывая его, прежде всего, с особой манерой исполнения. *Нурем* – это монотонное негромкое исполнение песни для себя, иногда про себя («вомгорулö») во время поездки по тундре, на досуге у костра в чуме и т.д. – что уже само по себе вызывает ассоциации с песенной традицией ненцев. Вероятно, говоря об истоках этого жанра, вполне допустимы параллели с ненецкими песнями-плачами *ярабц* и личными песнями *ябе сё*, поскольку во многих песнях-*нуранкыв* можно увидеть типичные для ненецких женских личных песен образы и мотивы. С другой стороны, оленеводческие *нуранкыв* опираются на устойчивую традицию коми-ижемских внеобычайных импровизаций и зачастую они близки и по тематике, и по приуроченности к определённым событиям из жизни. Общей чертой большинства этих произведений является их автобиографичность, поэтому практически каждая песня-*нуранкыв* привносит нечто новое в представление об этой уникальной импровизационной традиции – в таком качестве – не отдельной от житийных прочтаний, известных другим этнографическим группам коми. В некоторых случаях даже на уровне сюжета достаточно сложно отделить *нуранкыв* от песен, определяемых самими исполнителями как *яран сыланквы*, что на более обобщённом уровне ярко подчёркивает органичное родство-двуединство этого жанра с эпическим наследием.

Вероятно, многие открытия, связанные с ижмо-колвинской культурой, ещё ждут своего часа, и в изложенной выше схеме своё место займёт ещё и обско-угорский компонент. В любом случае, нам кажется очевидным, что все эти процессы глубоко взаимосвязаны и с жизнью фольклорной культуры как таковой. И все они вместе, соединившись в единый культурогенный импульс, и вызвали взрывоподобное (всего за несколько поколений) рождение новой фольклорной эстетики и уже не отдельной на этнические слагаемые новой традиции. Традиции, которая ещё долго будет удивлять своих исследователей.

Из народных песен изъватаc

Кынясем помлась

Кынясим тай арын кёр дорын, вёлывлы сідз олёмыс тай важен.
 Кор кынмас и йиыс арнас да сё ветымын дадьден тай чукарчасныс да
 мыян кынясисныс тай нин.
 А миян чомсюнум, миян семьяыс вёлы вит дадьдя,
 А мүкёдышлэн тоже кодлэн вит, а кодлэн этшаджык,
 а кодлэн и унджык тай.
 Тысö гёгёр чукёрчасныс тай да мунэныс
 да гёгортасныс ыджыд тыяссö.
 А сэтче тай кынъыс тай воедас ты шёрас сизимдас кынен,
 да и вёлывлі сто петьдесят кынен,
 Да только сэтэн шёрас шыпитö кынъыс,
 друг дружка и сідз и прыгайтэ.
 А сэсся мужикъяс и сэтэнти тай и кучасныс и
 ты шёрас и лыйлыны кынъяссö,
 А ми бара челядъясыс и харейнанум и тай чуйдалам,
 мед и йёрисис и оз петныс.
 Да сэсся сэтэн тай и ставсэ пошши лыйласныс и да.
 А сэсся сие юкны тай кучасныс,
 а быдсэн еджыд и тай кынъыс да мича кынъыс.
 И юкысясныс и быдсэн сие. Сэсся вёлывлы
 менум на тшёктылысныс бергеччыны:
 «Да этія кодлы?» – юкасныс да сэчче, кодлы пуктасныс
 спичка кёрәб дай лож тор да быдсямаса.
 Юасьны тай нин кучасныс: «Этія кодлы ним вылас?»
 – А ми, кодлы, горзам: «Сыа сылы!»
 А ме корке горэды: «Кодлы этія гореды?» – Сыа менум!
 – А менум мед и бур и сюри чукарыс и тай.
 Да сэсся на мужикъяс и тай сералісныс и да горзыны кучисныс:
 «Но вот, Сарафималы тай и Васильёвналы сюри медбур и кынис и
 да медбур мичаыс и тай дёстаниччис тай нин!»
 Сэсся дадьянум и быдсэн кучим тай и тэчны кынияссэ.
 Да дадуюяснумес тай и босътым и да
 мужикъяс и водзын бара кучисныс и мунны.
 А ми мужикъяс и бёрсянь.
 Мёд йёрэ... ну опеть и тай и кучисныс и мёд ты дорэ.
 Йиджыд йёр карисныс тай да сы ты вылас этшаджык и
 сюри да кынъыс тай сюри.
 Да ётик и руч и тай сюрлі, да ручыс тай и хитрей и вёлі да сие
 из и вермыныс и тай нин кутны.
 А кынъяссэ тай бара сие быдсэн тай кутісныс
 да опять же сие и янсәдісныс да

Бара сіе дадьядыныс и тэчисныс.
 А сэсся тай сёр лои да пемдыны тай кучис да: «Давай, –
 мужикъяс и висъталэнис, – мунаамте сэсся чомъе! Воедамте!»
 Ае миян тай тоже: «Давай, нывъясэ, мунаамте чомъе,
 тон сэсся мёдасыы и никычче карны».
 Ас чомъянум быдсан воедалам тай да
 айекед воедім и ас чомъянум тай воим.
 А маме да вокъясэ да чойъяс стретитэнис да, да маме тай петі
 да и висъталэ: «Кучема мый, сюри али из?»
 А ае тай и нин и ётвежайтэ: «Слабог тай бара промышляйтыштім!
 И сюри, выйим эське кынныс и да вот и дадьууясьыс и
 вед и мудзеныс и да сэсся вед и челядьыслы дёсаднэ».

Об охоте на песцов*

Охотились на песцов осенью в тундре, такой была жизнь раньше.
 Осенью, когда лёд встанет, соберутся сто пятьдесят упряжек
 и отправятся ловить песцов.
 От нашего чума, от нашей семьи было пять упряженек,
 А у других тоже, у кого пять, у кого поменьше,
 а у кого и ещё больше.
 Вокруг озера соберутся все и отправятся,
 станут окружать большие озёра.
 А туда песцы сбегутся, в середину озера, по семьдесят песцов,
 а бывало, и сто пятьдесят песцов,
 А песцы там, в середине, только шипят,
 друг за дружкой подпрыгивают.
 А потом мужчины и станут там
 на середине озера стрелять песцов,
 А мы, дети, хареями тычим, отпугиваем,
 чтобы из заграждения не выбежали.
 А потом ведь почти всех и перестреляют.
 Затем станут добычу делить,
 а песцы все белые, красивые песцы.
 Затем и разделят всё. А ещё бывало,
 что мне скажут отвернуться:
 «Кому эта куча?» – разделят по частям, и каждый даёт что-то,
 коробок спичек или ложку, любую вещь.
 Станут спрашивать: «Эта куча кому?»
 – А мы кричим: «Эта тому-то!»
 А как-то я крикнула: «Кому эта часть достанется?» – Это мне! –
 А мне самая хорошая кучка и досталась тогда.
 А потом мужчины все смеялись, стали кричать:

*ФФ ИЯЛИ А2044-8. Песня-импровизация нуранкыв. Записана в г. Нарьян-Маре от Серафимы Васильевны Чупровой, 1916 г.р. Запись А. К. Микушева, июнь 1972 г.

«Ну, вот, Серафиме ведь Васильевне достались самые лучшие песцы,
да самые красивые ведь достались!»

Затем на нарты станем все укладывать песцов.

Расселись все по упряжкам,

А мужчины снова впереди поехали.

А мы за мужиками следом.

К другому загону... ну, опять ведь, направились к другому озеру.

Большой загон сделали, да на том озере поменьше

песцов попалось.

Да еще одна лиса попалась, но лиса хитрой оказалась, и её
так и не сумели ведь изловить.

А песцов тех всех поймали,

и опять же их разделили да

Снова по нартам загрузили.

А затем и поздно стало, темнеть стало и говорят: «Давайте, —
мужики говорят, — пора уже к чумам! Поедем!»

Отец наш тоже: «Давайте, дочки, поедем в чум,

сегодня уже всё, до завтрашнего утра ничего не сделать».

По чумам все и разъехались,

а мы с отцом поехали и к чуму и прибыли.

А мать с братьями-сёстрами встретили нас, а мать вышла

да и спрашивает: «Как дела, добыли или нет?»

А отец ведь и отвечает: «Слава богу, опять на промысел сходили!

И добыча досталась, есть песец-то, да вот олени ведь

устают очень, да потом ведь и детям тяжело».

Вöльнэй вöля уськедэм (свадьба дырий)

Вöльнэес уськедисныс ыджыд бур вöляэс,

Девичекеес менчум уськедисныс бур вöляэс.

Ныняэс нин вöльнэйес менчум уськедисныс

девичекеес вöльнэй вöляэс,

Айдорес менчум уськедисныс мамдорес бур олэмес.

Кутшем нэ менам вöлi вöльнэй мам доре, айдор олэмей.

Чой-воке менам видзедэныс ме выlam,

Кутшем менам медбör и девической олэмей.

Видзедэ, чой-воке, ме выlam медбör часъяссэ,

Дас кыксы вед нин, дас кык часысь медбör часъясыс,

Любейясэ чой-воке, видзедэ тi ме выlam,

Кодлы нэ лёседэма вит пызаныс, кодпомла.

Мыйнэ нин тi, чой-воке, думайтанныд, код помла

вит пызаныс пукалэ,

А код помла ай-мамнум миян лёседисныс да пригётёвитисныс?

Этия ставныс пукалэ ме помласе.

Да мадаясә ай-маме, видзедә, чужая дальний
 сторонаас и менә сетаныд,
 Дас кёкъямыс арсянныс муннысә чужедальнией сторонаас.
 Тода вед, ті пуктэмась код помла, вит пызанын пукалә
 квайтымын мортыс,
 Код помла пукисиңыс пызан саяс вед,
 Веселай пызаныс пукалә, менам тай ныны ёртъясе
 мунэнис-локтэнис, синва банныныс
 Ме помласс бёрдэныс,
 Бур зонмыс пыре-петә, сапегнас только поскас вочеке, код помла
 пыре-петә, тіе, рёдима маме-ае, ме помлассе ті заботиччаныд,
 Вит пызанын пукалә ме помлассе, вок-чое мадаясә,
 спроводитә менә чужей дальнией сторонаэ.

Утрага воли (свадебное причитание)*

Вольную порушили большую добрую волю,
 Девическую мою порушили добрую волю,
 Девичью уже вольную мою порушили
 девническую вольную волю,
 При отце мою порушили, при матери хорошую жизнь.
 Какой ведь у меня была вольной при матери, при отце жизнь.
 Сёстры-братья мои смотрят теперь на меня,
 Какова моя последняя девическая жизнь.
 Глядите же, сёстры-братья, на меня в последние часы,
 Двенадцать ведь уже, из двенадцати последние часы,
 Любимые сёстры-братья, глядите вы на меня,
 Кому же приготовлены пять столов, из-за кого.
 Что же вы, сёстры-братья, думаете, из-за кого
 за пятью столами сидят,
 А из-за кого отец-мать наши наладили да приготовили?
 Все они сидят здесь из-за меня.
 Да дорогие мои отец-мать, глядите, в чужедальниую
 сторону меня отдаёте,
 В восемнадцать лет уходить в чужедальниую сторону.
 Знаю ведь, зачем вы поставили, за пятью столами
 шестьдесят человек,
 Из-за кого ведь уселись за столы,
 Весёлое застолье сидит, мои подружки ведь
 суетятся, слезами
 Обо мне заливаются,

* ФФ ИЯЛИ А2036-5. Записана в д.Чижа от Марии Ивановны Каневой, 1899 г.р. и Елены Николаевны Чупровой, 1903 г.р. Запись А. К. Микушева, май 1972 г. «Бёрдёдчанкыв, свадьба дырыи» (Свадебное причитание).

Добрые парни снуют, сапогами об ступени поколачивают, из-за кого
снуют, это вы, родимые отец-мать, обо мне заботитесь.
Пять столов сидит из-за меня, дорогие братья-сёстры,
проводите меня в чужедальную сторону.

Блахеслэвиччем (венец улэ лэччэм водзын)

Донаэй нылэй, да ме тэкед сэсся да росставачча да,
Медбёр раз тэкед пызан сае пукся
Да кор и тэнё ме сэсся,
Донаэй нылэй, кор менэ аддзан да,
Гашке, пельнад он кыллы,
Гашке, матушкаыд тэнад зэй лёк лоэ да
Пос кузя оз сет да тэныд ветлыны да
Мужикиыд, гашке, висъталас: «Ме дорам
Да тэ сэсся ин во!»
Да неужели ме сэтшем волі лёк, дорогей маме,
Да неужели ме сэсся сідз ог кучы да
Думайтны сэсся да нинэм ог кучы?
Да русэй косаэ, менам ныы ёртъясэ
Да сэсся росъплетайтнысэ алэй лентасэ,
Менсюм кёсаэс да сэсся воласныс.

Благословение (перед венцом)*

Дорогая дочь, мы с тобой теперь и расстаёмся,
В последний раз с тобой за стол сажусь
Да когда уже тебя я теперь,
Дорогая дочь, когда уже я и увижу,
Может, и ушами не услышать уже,
Может, свекровь у тебя будет злющая да
По мосткам не позволит тебе ходить,
А, может, муж тебе скажет: «Ко мне
Ты больше не приходи!»
Да неужели я такой плохой была, дорогая мама,
Да неужели я так не стану
И даже думать, ничего больше не буду?
Да русую косу мою, подруги мои
Да затем и расплести мою алую ленту,
Мою косу скоро придут.

* ФФ ИЯЛИ А2035-7. Записана в с. Нижняя Пёша от Ульяны Ивановны Чупровой, 1910 г.р. Запись Н. Д. Бомбергер, май 1972 г. Венец улэ лэччэм водзын (Перед венцом). Причтание невесты перед отправлением к венцу.

Нелюбей жених помлась

Маме-матиэ тай менэ мёдэ сетны нелюбей нин женихыс сайе.
 А ме, маме-матиэ, ме тэкэд и ог нин и сёгласиччы,
 ме сы сайе ог мёд и нин мунны.
 А сыа мед жёнихыс тай ме дорам оз и во да оз и ветлы.
 Ме сыйе жёнихсö тай ог мёд и видзеднысэ,
 а не то штö ме сы сайе мунны да ме сыкэд ооны.
 Ин и мёдэ менэ мати-матиэ ин и ме тэныд и сета сёгласие? –
 Ог! Ог мун!
 Маме, менэ ин мёд мёдэдны!
 Ой, ме ог мёд сы сайе мунны!
 Ог мёд и мунны, ме лучше тi дорсыныд тай и муна,
 Чем же сы сайын менум нелюбей мужикыскед ооны.
 Ог, ог и тай мёд муннысэ,
 Мед, ачыс и кутшем жёнихыс, мед сэчем и пара корсяс,
 Ме ог и, ог тай мёд сы семья костас мунны!

О нелюбимом женихе*

Мама-матушка меня собирается выдать за нелюбимого жениха.
 А я, мама-матушка, я с тобой не согласна,
 Я за него и не собираюсь идти.
 А этот жених пусть ко мне и не приходит и не ходит вообще.
 Я на этого жениха и смотреть не стану,
 А не то что замуж за него пойти и жить с ним.
 И не собирайся меня, мама-матушка, нет, я тебе согласие дам? –
 Нет! Не пойду!
 Мама, меня выдавать и не собирайся!
 Ой, я не стану за него идти!
 Не стану идти, лучше я от вас уйду,
 Нежели за него выходить и с нелюбимым мужем жить.
 Нет, не стану выходить замуж,
 Пусть, каков сам жених, пусть такую же себе пару найдёт,
 Я не стану, не стану в его семью идти!

* ФФ ИЯЛИ А2041-7. Записано в г. Нарьян-Маре от Анны Егоровны Рочевой, 1906 г.р. Запись А. К. Микушева, май 1972 г. Причтание невесты матери.

Николай Рочев

Николай Рочев родился и вырос в Ижемском районе. Выпускник естественно-географического факультета КГПИ, учитель географии и биологии. Председатель Совета МОД «Извятас».

«На этой земле мы жили и будем жить...»

В сентябре 2010 года, на прошедшем в Ижме VII съезде межрегионального общественного движения коми-ижемцев «Извятас» председателем Совета МОД выбрали Николая Рочева. Он возглавил общественную организацию на четыре года.

– Николай Васильевич, что вы успели сделать за первый год своего руководства «Извятас»?

– Конечно, 2011 год был и интересным, насыщенным, и плодотворным. В первую очередь, это успешная проектная деятельность. В конце года мы стали победителями в конкурсе социальных проектов, проводимого ООО «Лукойл-Коми». Нами был представлен проект по изданию ежемесячной газеты «Пространство извятас». Идея его создания родилась после VI съезда общественного движения, на котором достаточно много говорилось о необходимости единого информационного пространства для коми-ижемцев, проживающих в разных регионах России. В рамках проекта будет создана единая газета, которая будет распространяться в Мурманской области, на территориях Ненецкого, Ханты-Мансийского национальных округов, Ямало-Ненецкого округа, Республики Коми. Она будет освещать жизнь коми-ижемцев, их проблемы, находить совместные пути решения в некоторых вопросах. Газета будет выходить на восьми полосах, периодичностью раз в месяц. Несколько страниц будет печататься на литературном коми языке и коми-ижемском диалекте национального языка. Редакция будет размещаться в Ижме. На мой взгляд, газета должна получиться интересная, в меру политизированная и будет нести в себе конструктивную критику. Дифирамбы она петь, конечно же, никому не собирается. Параллельно с созданием газеты получит развитие и сайт «Извятас». В этом году мы работали над его совершенствованием. Кстати, софинансирует проект Министерство национальной политики Республики Коми.

Это далеко не единственный проект, который будет реализовываться общественной организацией в ближайший год.

Первый крупный проект, который получил название «Партнёрство для развития Ижемского района» мы начали проводить с Университетом Арктики. В его рамках прошла летняя бизнес-школа в Ижме, в ходе которой участниками защищено 22 бизнес-плана. Представленные проекты носили не только коммерческий характер, но и социальный. На оценочном семинаре, прошедшем в сентябре, группа молодых людей, которая обучалась, получила довольно высокую оценку специалистов. Часть проектов уже претворяется в жизнь, часть подана на соискание грантов.

Но проект по партнёрству на этом не завершился, он рассчитан на несколько лет. Сейчас проходит курирование бизнес-проектов, на котором выявляются трудности в их реализации. Группа партнёров будет работать над проблемами, и продвигать проекты дальше. В наших планах – создание фонда для поддержки малого предпринимательства в районе или кредитного кооператива. На государство в этом вопросе мы уже не надеемся: справимся сами, лишь бы не мешали.

Следующий проектный год пройдёт под знаком: «спорт, туризм и локальное развитие». Упор будет сделан на развитие национальных видов спорта. Так или иначе, что бы мы ни делали, всё направлено на развитие района.

Проект «Партнёрство для развития Ижемского района» «Извятас» начал реализовывать с Университетом Арктики, куда входят ухтинский и сыктывкарский университеты, университетский колледж Финнмарка. За этот год к проекту примкнули и стали работать совместно Министерство национальной политики Республики, Сыктывкарский лесной институт, Академия государственной службы и управления. Заинтересовались проектом и Усть-Цилемы. Наши соседи тоже присоединились к проекту и, возможно, уже летом будущего года будет организована бизнес-школа, аналогичная нашей, и у них. Проектом также заинтересовался Институт социальных проблем Севера Академии наук. Так что, количество партнёров растёт. В Норвегии аналогичные проекты работают уже лет восемь. Реализовывались они на саамских территориях, местах, где проживает коренное население. Апробировав проект на своих малочисленных народах, сеть стала расширяться. Норвежцы стали выходить на страны Баренцрегиона (в России в этот регион входят Архангельская и Мурманская области, Республика Коми), а потом и на Университет Арктики. Мы являемся членами Ассоциации коренных малочисленных народов Севера. Только по этой причине мы получили предложение осуществить подобный проект в Ижме. Основываясь на опыте Северной Норвегии и Якутии, о котором говорилось на конференции в Норвегии, куда мы выезжали с начальником Управления сельского хозяйства Ириной Королевой весной прошлого года, пришли к единому мнению, что работу надо начинать. Тем более, что у Ижемского района множество предпосылок, чтобы проект реализовался успешно. Он заработал, на него, как я уже отметил, обратили внимание региональные министерства и остальные институты.

Ещё один проект, и тоже для молодёжи, мы представили в Министерство экономического развития России на получение гранта. В 2011 году мы его осуществить не смогли, только по техническим причинам. Планируем реализовать проект в этом году. В его рамках при движении «Извятас» предполагается создать молодёжное крыло. За круглым столом, возможно, уже в этом году, будет обсуждена его структура и форма.

Конечно, то, что мы начинали делать раньше, продолжилось и, я бы сказал, стало выходить на новый уровень. Это и сотрудничество с Институтом народов Севера, и взаимодействие с региональными отделениями, Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, экологическими и правозащитными организациями, и многое другое.

– Ижемцы живут не только на своей исторической родине, но и в других российских регионах. Как вы поддерживаете связь с диаспорой?

– Связь, слава богу, теперь самая разнообразная. Главное, конечно, Интернет. Ну, и за год побывал в Нарьян-Маре, встречался там с активом «Изватасъяс», выезжал в тундру. В ноябре был в Ханты-Мансийске. Проблема отсутствия учебников коми языка для наших земляков, проживающих в Ненецком национальном округе, является настолько острой, что требует незамедлительного решения. Точно такая же проблема стоит в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах. Думаю, что к следующему учебному году все наши диаспоры, проживающие в этих регионах, будут снабжены учебниками. Нами было инициировано межведомственное совещание республиканских министерств, где была достигнута такая договорённость.

В 2011 же году посетил земляков, проживающих в Мурманской области. Там я побывал два раза: в Краснощелье приглашали в связи с 90-летием села, а в Ловозере прошли Дни коми культуры. Неприятие коми-ижемцев, их традиционного вида хозяйствования местными властями, как на муниципальном уровне, так и областном, создаёт там множество проблем. Пожалуй, Мурманская область – один из самых проблемных регионов. Оленеводство как вид деятельности на грани уничтожения. Количество оленей катастрофически уменьшается. Связано это с браконьерством.

В селе Ловозеро по моей инициативе состоялся круглый стол, куда пришли все руководители района. Участвовали в его работе и представители регионального Правительства, представители оленеводческих хозяйств, ветераны. По итогам заседания поступило много рекомендаций в адрес Правительства Мурманской области для внесения поправок в областной закон о северном оленеводстве.

К участию круглого стола мы смогли привлечь также министра национальной политики Республики Коми Галину Габушеву. Надеемся, что соглашение между Республикой и Ловозерским районом о сотрудничестве будет подписано ловозерской стороной.

– Уже не первый год «Изватас» предлагает правительству Российской Федерации дополнить название «Единого перечня коренных малочисленных народов Российской Федерации» словами «и этнических групп», а также включить этническую группу коми-ижемцев (изватас) в этот перечень. Почему же не получается добиться этого?

– Значит, кому-то это надо. Наше республиканское правительство должно ходатайствовать об этом перед Российским правительством, чего оно делать не хочет.

И если малочисленным народам даются привилегии, то, по крайней мере, оле-

неводы в Коми имеют не меньше оснований для тех же льгот и привилегий, прежде всего тех, которые закреплены федеральными законами.

Обретение статуса коми-ижемцами как коренного малочисленного народа – это путь «собирания» коми народа, как он может существовать в современном мире, и это путь к интеграции ижемцев в российское и региональное сообщество, уважающее право коренных народов на жизнь и сохранение своей культуры; путь к уравниванию шансов для выживания и устойчивости, выхода из состояния дезорганизации и социального неблагополучия.

– Президиум «Извятас» на съезде призывал коми-ижемцев в ходе Всероссийской переписи населения-2010 в графе «национальная принадлежность» записать себя коми-ижемцем или изватас. Почему резко сократилось число ижемцев? В 2002 их было 15 607, а в 2010 уже только 6420!!!

– Кто-то из великих разделил ложь на три вида: ложь, большая ложь и статистика. Тем не менее, в 2002 ижемцев по переписи было 15 607, тем самым они тогда были статистически учтены и внесены в список народов России отдельной строкой – государство признало, что коми-ижемцы есть отдельная этническая группа. К 2010-му году страна изменилась. Как проходили выборы в 2011 году, так примерно проводилась и перепись в 2010 году. По нашим подсчётом, сейчас в России насчитывается порядка 30 тысяч ижемцев. С каждым годом нас, действительно, становится меньше, причины вы сами знаете.

– Когда вас выбрали председателем Совета МОД, вы отметили, что упор в своей работе планируете делать на привлечение к движению молодёжи. Удалось что-то сделать?

– Я об этом говорил выше, о проекте, который называется «Корни и корона». Молодёжь хочет работать, она активна. И трижды неправы те, кто утверждает, что в голове современной молодёжи только деньги. Это образованные и свободные, может быть, больше, чем мы, люди. Главное, дать им направление и свободу действий – и они горы свернут.

– В советское время республику прославили наши земляки, ижемцы – олимпийцы Раиса Сметанина, семья Рочевых. Участвует ли «Извятас» в подготовке новых чемпионов?

– В совместном проекте с Университетом Арктики в 2012 году будут темы спорта и туризма. Кстати, в рабочей группе проекта или, как мы называем, в партнёрстве согласились работать и Василий Павлович Рочев и Раиса Петровна Сметанина.

– «Извятас» – движение общественное, но на проведение мероприятий нужны средства. Вас кто-то финансирует?

– Конкретно – никто. Откуда финансы? Первое – проектная деятельность. Второе – промышленные компании, которые работают на наших землях. С ними сложнее, необходимо доказывать очевидное. Компании должны понять, что платить коренному народу надо и не копейки, как сейчас, а на несколько порядков

больше. И третье – некоторые культурные мероприятия субсидирует Министерство национальной политики Республики. Это единственное министерство в Коми, которое стремится выстроить с нами партнёрские отношения.

– *Движение ижемцев в своё время прославилось борьбой за экологию. Как обстоит с этим делом сейчас?*

– Ничего не изменилось в нашей экологической работе. Мы также тесно сотрудничаем со многими экологическими организациями. Руководители общественного Комитета спасения Печоры входят в наш Президиум. Я сам являюсь членом Комитета. Поэтому экологическое направление в нашей работе – одно из приоритетных.

– *Год назад был принят республиканский закон об оленеводстве. «Извватаас» требовали от депутатов при принятии этого закона учесть предложения самих оленеводов. Но 17 поправок от «Извватаас» учтены не были. Какие это поправки и будете ли настаивать на том, чтобы их включили в закон?*

– Я не буду говорить о поправках, скажу о самом законе. Инициаторам данного закона и не нужно было нашего мнения, это был чистейшей воды пиар перед мартовскими выборами. В итоге закон ни о чём. Я называю это выкидышем нашего Госсовета. И если депутаты захотят воскресить свою «дитя», то одними поправками уже не управятся. Закон надо кардинально менять, в нашей Республике надо говорить об ижемской системе оленеводства, о её восстановлении. И разработать такой закон надо своим специалистам (учёным в том числе), а не тем, кто оленей-то видел только в Финляндии.

– *Ижемцы всегда были отличными путешественниками и первоходцами. Сейчас в ваших совместных с другим ижемским туристом Сергеем Семяшкиным планах покорение Северного полюса. Дойдёт?*

– Это больше, чем покорение Северного полюса. По предполагаемому нами маршруту ещё никто не ходил из-за сложной ледовой обстановки и протяжённости. Проект скорее научно-исследовательский, нежели спортивный. И очень дорогой. Если найдутся спонсоры – конечно, дойдём. Мы с Сергеем готовы к этой экспедиции морально и физически.

– *Одна из задач движения – это сохранение и развитие культурной самобытности коми-ижемцев. Как удается сохранять и развивать?*

– Если мы не сохраним свою землю – исчезнем сами вместе с культурой и традициями. Участвовать в со управлении своими территориями и ресурсами – вот чего мы хотим. Мы хотим быть хозяевами на своих исторических землях. Если этого не будет – не будет и нас.

– *Какие планы у движения «Извватаас»?*

– Как и у любого нормального общественного движения – быть полезным своему народу. Нас никто не заставляет работать, у нас нет освобождённых опла-

чиваемых работников, мы не привязаны к бюджетной кормушке, как некоторые национальные движения в нашей Республике. Поэтому мы свободны в своих планах, взглядах, действиях – делаем то, что нужно ижемцам.

Беседовал Артур АРТЕЕВ.

* Межрегиональное общественное движение коми-ижемцев «Извятас» (МОД «Извятас») создано в сентябре 1990 года на основе Ассоциации коми-ижемцев «Извятас», с 2003 по 2007 годы – Коми республиканское общественное движение «Извятас», с ноября 2007 года – межрегиональное общественное движение коми-ижемцев «Извятас».

МОД «Извятас» – массовое общественное движение этнической группы коми-ижемцев, не имеющее членства, открытое для всех физических лиц независимо от национальных и иных признаков, преследующее социальные и другие общественно-полезные цели и поддерживаемое участниками движения.

Цели и задачи «Извятас»: защита и осуществление суверенных прав и интересов коми-ижемцев на всех уровнях управления; сохранение и развитие культурной самобытности коми-ижемцев, проживающих в Республике Коми и за её пределами; развитие связей между другими народами финно-угорской группы, проживающими в России; развитие международных связей с народами Севера и других стран.

Арт-факт

Наталья Плаксина

Плаксина Наталья Евгеньевна – искусствовед, заместитель директора по научной работе Национальной галереи Республики Коми. Сфера научного интереса – история иконописи в Коми крае.

Художники об Ижме

Старинное село Ижма и его окрестности, широко раскинувшиеся на берегах Печоры, – безусловно, одно из самых живописных мест Коми края. Здесь есть на чём остановиться взгляду художника: великолепные ландшафты под бескрайним небом, добрые северные избы, красивые церкви и колокольни, своеобразие жизненного уклада местных жителей, красота старинного женского костюма. Ижма манит и удивляет путешественников причудливым сочетанием прошлого и настоящего, традиционного крестьянского оседлого быта и кочевого оленеводства. Она и по сей день остаётся незнакомой и экзотичной не только для гостей издалека, но, увы, и для многих жителей Республики Коми.

К сожалению, нам неизвестны дореволюционные изобразительные источники об Ижме, поэтому художественную летопись этого старинного села мы начинаем с советского искусства. Её «первооткрывателем», очевидно, был художник Фёдор Александрович Модоров, который побывал в этих местах в 1925 г. по командировке Ассоциации художников революционной России с целью отразить положительные изменения, которые принесла народам северных окраин Октябрьская революция. Поездка дала художнику материал на долгие годы. Среди созданных в Ижме произведений был и «Портрет председателя Ижемского райисполкома Коми АССР товарища Чупрова» (1925).

Сразу после окончания Великой Отечественной войны устремился на север московский живописец М. А. Бирштейн. Среди его северных маршрутов были и старинные сёла Усть-Цильма и Ижма, привлекавшие сохранившимся укладом жизни староверов, старинными красивыми женскими одеждами. В 1960-е гг. бывали на Ижме В. Стожаров и Е. Зверьков. Увы, работы этих художников об Ижме нам также неизвестны. Зато в фондах Национальной галереи Республики Коми сохранились произведения другого, несколько подзабытого сегодня, но без сомнения талантливого представителя московской реалистической школы С. Г. Григорьева. Сергей Георгиевич Григорьев (1918–1986) был учеником И. Э. Гра-

бarya и С. В. Герасимова, выпускником и преподавателем Московского государственного художественного училища им. В. И. Сурикова. Удостоенный многих званий и наград, он прославил своё имя заказными портретами и масштабными сюжетными полотнами в рамках «официального искусства». В пленэрных этюдах художника из собрания Национальной галереи Республики Коми запечатлены залипые неярким северным солнцем избы и улочки ижемских селений. Этюды характеризуются широтой мазка, мощной живописной лепкой, богатой нюансировкой цвета. Колористический дар художника особенно ярко демонстрирует картина «Невеста в национальном костюме». Красота старинного костюма ижемской невесты заворожила художника. На тёмном фоне драгоценными всполохами переливается лилово-синий штофный сарафан, покрывающий голову и плечи огромный репсовый оранжево-зелёный плат с кистями (сырья), расшитый бисером головной убор невесты «юрной», который надевался в день свадьбы после расплетения косы. Портрет интересен с этнографической точки зрения, так как прекрасно иллюстрирует характерный именно для Ижмы наряд невесты.

В послевоенные годы стали осваивать республику и художники, работавшие в Коми. Местное отделение Союза художников ставило перед ними задачу изобразить передовиков колхозного труда – оленеводов, доярок, телятниц, рыбаков. В 1954 г. был направлен в колхозы Ижемского и Усть-Цилемского районов П. Э. Бендель. В 1950–60-е гг. на Ижме бывали художники В. В. Поляков и П. М. Митюшев. Их репортажные зарисовки тушью иллюстрировали газетные заметки, посвящённые сельским труженикам Ижмы. Результатом поездки П. М. Митюшева стала ещё и серия портретов передовых доярок и телятниц района. В Ижемском краеведческом музее хранится парный портрет передовых доярок колхоза им. Ленина Ижемского сельсовета Н. С. Истоминой и Е. М. Валейской, «Портрет передовой доярки колхоза «Власть Советов» З. Ф. Витязевой». В Национальной галерее РК представлен «Портрет телятницы, лучшей доярки Коми АССР 1955 г.», кавалера ордена Трудового Красного Знамени А. Н. Ануфриевой». Портреты написаны в характерной для П. М. Митюшева широкой живописной манере. Точно передано портретное сходство, схвачен особый типаж. Необычный для творчества Митюшева насыщенный яркий колорит обусловлен красочностью традиционных одежд, которые в то время были ещё неотъемлемой частью ижемской повседневности.

Переход от документалистики к образности произошёл в творчестве художников следующего поколения. К числу шедевров изобразительного искусства Коми можно отнести пейзажи Виктора Григорьевича Залитко, созданные им по результатам поездки на Печору в 1973–74 гг.: «Осень в Сизябске», «Сизябск после дождя», «На Ижме» (все – в фондах НГРК). Натурные в своей основе пейзажи ассоциативны и образны, особенно «Сизябск после дождя», на котором запечатлён вполне узнаваемый вид на одну из улиц этого живописного села. Художественная гармония холста строится на противопоставлении планов и цветовых масс, на контрастах тёплого и холодного, на чёткой геометрии линий, выверенном ритме цветовых пятен.

Неоднократно на протяжении 1960–70-х гг. бывал в Ижме и её окрестностях Вячеслав Николаевич Кислов. Эти поездки остались столь сильное впечатление, что продолжают питать творчество художника и по сей день. Главная тема В. Н.

Кислова – это люди Севера, оленеводы, охотники, рыболовы, конюхи, плотники. Открытые и простодушные, щедрые и трудолюбивые. В. Н. Кислов не только с интересом наблюдал жизненный уклад ижемских оленеводов, удивляясь их приспособленности к тяжёлым условиям жизни в тундре, но и разделял с ними трудности повседневного бытия. Впечатления от поездок нашли воплощение в цикле графических листов, офортов, литографий, линогравюр. В их числе знаменитые «Дом оленевода», «Чаепитие», «Приезд оленевода», «Ижемский конюх» и другие. Не обошёл вниманием художник и тему ижемской красавицы. Его ижемки – старые и молодые, задумчивые и весёлые, в разнообразных по форме и цвету головных уборах, коими так славится Ижма: в пёстрых платках, повязанных поверх сложенных на голове кос, в причудливых кичкообразных кокошниках. С помощью головных уборов художник заостряет и гиперболизирует женские образы, создавая целую галерею типов и решая каждый раз новую художественную задачу.

Известно, что в прошлом в Ижемских сёлах было немало талантливых народных мастеров, плотников, бронзолитейщиков, резчиков по дереву, вязальщиц и вышивальщиц, тонко чувствовавших красоту и создававших прекрасные вещи. Интересен тот факт, что Ижемская земля взрастила и немало художников, как профессиональных, так и самодеятельных. Стал известным карельским художником-графиком, книжным иллюстратором и живописцем уроженец с. Краснобор А. В. Семяшкин. Знают в республике имена художников С. Г. Семяшкина, М. Е. Терентьева, Т. Г. Поповой. Гораздо менее знакомо творчество ижемских художников-самоучек, любителей, не получивших специального художественного образования – Ф. Е. Канева, П. С. Канева, А. П. Терентьева, П. А. Семяшкина. Лучшие из их произведений можно по праву отнести к шедеврам «наивного искусства». Все эти художники – из поколения фронтовиков. Все они прошли через суровые испытания жизни. Фёдор Ефимович Канев (1920–1982) потерял на войне правую руку. Был награждён орденом Красного Знамени. После войны заново учился писать левой рукой, работал секретарём Ижемского леспромхоза, счётоводом, бухгалтером в Ухтинском аэропорту. Несмотря наувечье, уже в зрелом возрасте осуществил мечту детства – занялся живописью. Картины писал левой рукой. Основной темой своего творчества избрал историю родного края, события Гражданской войны. Фёдор Канев пытливо реконструировал исторические события по различным источникам и документам. В творчестве художника без драматизма уживается ностальгия по утраченному патриархальному прошлому края, великолепным храмам, традиционным обрядам, и в то же время, романтизация событий гражданской войны.

В экспозиции Ижемского районного музея демонстрируются работы Фёдора Канева «Наступление белых на Ижму в ночь на 31 декабря 1918 г.», «Ижемские партизаны отстояли Советскую власть», «Восстание солдат пулемётного гарнизона Ижмы 10 стрелкового белогвардейского полка 15 февраля 1920 г.», «Наводнение по центральной улице села Ижма 22–29 мая 1929 года». Каждая картина изобилует деталями и подробностями. Тщательно и достоверно изображены дома, ровные заборы, улицы, уходящие в глубокую перспективу. На картине «Восстание солдат пулемётного гарнизона» слева изображён огромный дом купца Норицына, где в трактовке художника размещается штаб белогвардейцев. На двух

листах изображён тщательно реконструированный по фотографиям разрушенный в 1930-е годы ансамбль церквей – главное украшение Ижмы. Как правило, картины сопровождаются поясняющими текстами, сообщающими им характер документа и создающими иллюзию причастности художника к изображённым событиям. На картине «Песни весны над рекой после венчания. 21–22 мая 1929 года» художник запечатлел хоровод на берегу Ижмы. Фигура невесты в ярко-красном сарафане кажется непомерно большой по сравнению с маленькими фи-гурками детей на первом плане. В этом видится стремление подчеркнуть некую сакральную значимость образа невесты, женщины, матери, что, как нам кажется, прослеживается как в традиционной культуре ижемских коми, так и в творчестве наивных художников.

Слитность изобразительного и словесного творчества – характерная особенность искусства другого интересного ижемского художника Алексея Павловича Терентьева (1919–1982). А. Терентьев родился в д. Вертел Ижемского района. Выучился на ветеринарного врача. В ноябре 1939 г. был призван на военную службу. Прошёл всю Великую Отечественную войну. Участвовал в войне с Японией. После войны преподавал в сельскохозяйственной школе с. Мохча Ижемского района, в Ижемском сельхозтехникуме. Затем переехал в Кипиево. Вырастил и воспитал пятерых детей. Был очень общительным человеком, гостеприимным хозяином. Любил петь, играл на гармошке. Вёл дневник, куда вносил все свои впечатления о детях, внуках, праздниках и будних делах, делал зарисовки. Делал тематические альбомы и песенники.

Рисовать А. П. Терентьев начал с 5 лет. Писал портреты родных и друзей. Любил пейзажи. С возрастом перешёл на батальный жанр. Рисовал на клеёнке. Краски выписывал из Москвы. Одна из его картин в 1960-е гг. выставлялась в Москве. На выставке «Золотой сон», которая проходила в Национальной галерее Республики Коми в 2007 г., были показаны две картины художника «Направляю вас на ратные подвиги» (1974) и «В тундре. За чтением газеты «За новый Север» (обе принадлежат Кипиевской средней общеобразовательной школе). К сожалению, из-за специфики основы (клеёнка), картины художника в очень плохой сохранности и требуют реставрации.

Ещё один замечательный ижемский художник-самоучка – Канев Пётр Степанович (1926–1986). Родился в д. Большое Галово Ижемского района. В 1943 г. был призван на фронт. После войны учился в Львовском военном училище. До 1953 г. служил в Нахичевани. Вернувшись на родину, работал в колхозе, в лесничестве. Живописью начал заниматься с 1961 г. Писал маслом, акварелью, тушью, вырезал фигуры из дерева, лепил из глины, делал альбомы с портретами односельчан, с видами родного края. Принимал участие на многих выставках самодеятельного искусства. В экспозиции Ижемского музея представлены картина художника «Ижемка в быту» и деревянная скульптура «Хозяин тундры». «Ижемка в быту» была написана автором в двух вариантах, один из которых был закуплен в «Золотой фонд народного искусства Республики Коми» и передан в Музей истории и культуры Сыктывдинского района (с. Выльгорт). Картина пронизана теплом и уютом. Любовно выписана каждая деталь интерьера деревенского дома. Всё в нём добротно и основательно, во всём царит порядок и чистота.

В «Золотой фонд народного искусства Республики Коми» вошли произведе-

ния ещё одного ижемского художника-самоучки Семяшкина Павла Александровича (1923–1983) (сегодня они хранятся в Музее истории и культуры Сыктывдинского района в с. Выльгорт). П. Семяшкин родился и всю жизнь прожил в Ижме. До войны работал оленеводом. В 1941 г. был призван на фронт. Воевал в танковом полку. За бой на Курской дуге был награждён орденом «Красной Звезды». Освобождал Орёл, Харьков, Ленинград, Псков. Домой вернулся в 1947 г. Работал в колхозе звеньевым бригадиром, на лесозаготовках. После болезни поступил работать оформителем. Живописью стал заниматься сразу после войны. Рисовал в свободное время, ночами. Участвовал в выставках в Сыктывкаре и Ижме. В его творчестве важное место занимали портреты. В «Портрете брата», написанном, возможно, по сохранившейся в семье старинной фотографии, изображён брат в офицерском обмундировании на белом коне на фоне панорамы родной Ижмы. Одно из лучших произведений художника – «Портрет матери». Это образ сильной и суровой старой женщины, прожившей нелёгкую жизнь, но сохранившей достоинство и благородство. Её тёмные глаза притягивают невероятной внутренней энергетикой, мощной жизненной силой. Кисть художника скрупулёзно запечатлела каждую морщинку родного лица. Образ матери передан гиперболично, уподоблен символу, звучит как воплощение национального характера.

Безусловно, этот краткий обзор художественного материала, посвящённого Ижме, никоим образом не претендует на полноту, так как основан на собраниях всего двух музеев: Национальной галереи Республики Коми и Ижемского районного музея. Хотя всё же он даёт основание констатировать, что в профессиональном творчестве, к сожалению, Ижма не нашла «своего» художника, который воспел бы её столь же ярко и мощно как, например, Р. Н. Ермолин Усть-Цильму или В. Стояров Удору. Но этот «пробел» (если это слово здесь уместно) восполняет творчество талантливых ижемских художников-самоучек, живших на этой земле, искренне любивших свою родину, не мысливших свою жизнь без неё, и воспевших Ижемский край в своих простых, добрых и ясных произведениях. Творчество этих художников заслуживает того, чтобы всё, что ещё можно собрать, было собрано и сохранено в музеиных собраниях, отреставрировано, изучено и опубликовано.

Автор выражает искреннюю признательность директору Ижемского районного музея Хозяиновой Екатерине Алексеевне за помощь и предоставленные материалы из фондов музея.

Анна Софронова

Софронова Анна Петровна чужис 1968-өд воо Извя района Вертеп грездын. Помаліс Борис Щукин нима Москваса театральйой институт. Актриса. 1989-өд воянь талунёдз В. Савин нима государственной академической драма театрын (1998–2001 воясö вуджалис Коми фольклор театрö).

Софронова Анналён репертуарын кёкъямысадас сайё роль. Тöдчанаён актрисалы лоины: И. Куприн серти В. Райскийлён «Чары» спектаклын Олеся, Нина Садурлён «Панночкаын» Хвеська, В. Лекановлён «Ар – гётрасян кадын» Граня, Белых Николайлён «Анисьяны» Анисья, В. Гуркинлён «Саня, Ваня и с ними Римас» спектаклын Саня, «Федерико Гарсия Лоркалён «Вир паса кёллисыын» мам. Ворсö и майдыясын: «Королевство кривых зеркал», «Антошка-гармошка», «Финист – Ясный сокол».

Участвуйтис «Олём войтъяс», «Уляшевъяс» телепроектъясын. Гёллэсис уна во юргё «Чолём, дзюлюк» да «Кикуруллю» теледа радиопередачаясын. Анна велёдд и П. Чисталёв нима искусство колледжын.

«Театртöг овны ме ог вермы...»

– *Анна, тэ чужин Извя районын, челядьдырыд коли Печора да Извя юяс бердышн. Тöда, тэ вывті ёна радейтан чужанінто...*

– Радейта и нэмös ас пытшкын видза-лелькуйта чужанінös, Печора да Извя юяс. И, дерт, ичотик Шар ю. Сiйö менам Вертеп сикт горувтi визувтö. Челядьдырий тайё юас купайтчим, мамъясным сэн пожъясылсны. Юыс абу и ота, но джуджыд. Посни йылём, ми пыр войлiм, ворсiм ывла вылын. Шудаёссь вöлiм. Босытiм аслыным му-выыслысь вынсо. Менам эм радейтана места: зэв кузь нырд улын сулалö кык кыдз пу, паськыд вожъяссö пожъялöны ваас. И ме тайё кыдзыясыскöд сёрнитлывла, съокыд и кокни здукö мёвпъяснам юкся. Найё отсалёны кутшöмкö ногён кывны ачымös, весиг тёвруыс кор оз пöляв, кор гёгёр пуксыбма лöнъ, пуяс кышöдчöны коръяснас – быттьö тадзи вочавидзёны меным, и менö дрёж босытlö – найё, сiдзкö, сёрнитöны мекöд. А неуна мунан Шар ю бокöдис, да воас джуджыдiн, сэсся лэччыштан кыр горув, и аддзан му пыр петысь ва – югыд, чёссыд. Юан да, став шогтö босытас, сöдзёдас вежёттö. А ю мёдлапöлас паськыд видзъяс, гожёмъяснас ми сэн карлывлiм турун. Став тайё мичыс отсалö и онi на меным. Сэки од и шондыис вöлi югыдджык, и сынöдыис состёмджык. Нывъётгъяскöд сы мында катшасин öктылiм... Онi на ставыс син водзын.

– *А кор тэ асътö медводдзыссы кылiн артисткаён?*

– Некор ог вунёд, кыдзи аекöд да мамекöд öтчыд лэччим пожъясыны. Петим ю шöрас пыжён. Маме пожъясьё, а ае босытис менё, ичотик нывкаёс, ки вылас да

ваас лэдзис. Эськё и кутё, а ме қучи лёк горш горзыны: «Ой, войтёны, войтёны, ой, отсалой, отсалой!» Гёлосой сэки нин волі ёсь, да йозыс пондісны ывла выло петавны, чайтёмны, кодкё збыль пёдё. Ае сералё, маме горзё: «Мый каран?! Мый нё йозсо гажёданныд?» Сэсся ае шую: «Варччы, Анна!» А ме: «Ог! Ог куж. Босыт менё, ае, пыжад!»

— Тайё йозыс и вёліны тэнад медводдза публикаён, сідзкё...

— Ворсом пырыс ае менё унаторий велодіс. И сійо сетіс тодны: позъо ворсны, но колё бура вежортны, мый сійо бурыс, а мый лёкыс. Быд ворсомын эм сюрөс, и колё кывны шёр визьс.

Ай-маме менам зарни войтыр. Маме, Ия Андреевна, небыд съёлёма, мывкыд ань. Нэмсө ноксис садыкын челядькёд. Ае, Пётр Васильевич, волі зэв уджач, волі... шуи, и оз эскиссы... радейтіс вёр-васо, тодіс тшака и вотоса mestаяс. Кыйсис — чёсмодліс миянёс чериён. Радейтіс ёна миянёс, пыр велодіс бур выло.

Аелён мамыс, муса бабе, Агния Константиновна, унатор жо меным сетіс. Сійо волі ловнас озыр. Эскис Енлы, и пыр пернапасавліс миянёс. Быд пёрий аттьёавліс му-васо, вёрсө, сиис налы бура овны.

— А кыдзи лои театркёд медводдза аддзысъомыс?

— Сиктаным волі зэв дзоляник, но қык судтаа клуб, и отчыд Вертепо волісны весиг циркёвой артистъяс. Оні на син водзам: воссё турунвиж занавес, а сцена вылын пукало лев. Оні ог тод: игрушечной лев тайё волі али збыльнэй...

«Камень на камне» спектакль.
Ворсёны И. Витович да А. Софронова.

А кор сиктаным лэптісны выль клуб, сэтчо нин воліс Академической драма театрысь трушка. Налён петкёдчомыс меным волі съёлём серти. Тшёкыда ай-мамкёд отвыв ми гортын кывзылім радио пыр спектакльяс: шуам, рыт, керкаын шоныд-шоныд... и юргоны гёлосъяс, а менам син водзын вежласъоны серпастъяс, и ме ачым быттьо сәні, тшотш на пöвстын... кодъяс оз тыдавны, но од эмось.

Школын нин велодысь пыр висьталіс: «Анна, тэ зэв бура лыддян кывбуръасто». И кор пета волі доска доро да вошъя лыддыны, классын чёв-лонь пуксю. Менё век бура кывзісны. Ачым быттьо и эг казявлы тайёс. Некутшом кружокё эг ветлодлы, эг съыв ни эг йокты. А дасод классо вуджом борын пунктім челядьлы спектакль. И ме тшотш сәні ворсі. Нывьёртой чиктыл-сералё ворсігас, а ме зэв кывкутана удж быттьо воча.

А февраль тёльсөй звёнитö клубса директор: «Анна, таво чукёртёны драматеатрö, коми студияö, выль курс. Ми кösъям, мед тэ мунин сэтчö. Москвайын мёдан велöдчыны, артисткаён лоан».

Школа помалём бöрын, гожёмнас, вои Сыктывкарö, мунин филармонияö. Комиссияас пукалöны нималана йоз: театра главной режиссёр Попов Эраст Алексеевич, культурыраса министрös вежысы Белых Николай Фёдорович, Буров Альберт Григорьевич, коди лои Щукин нима училищеын курснымлён художественной руководительён. Ме зэв кокни сьёлёмён ставсö висыталы, мый велöдл: Муса Джалильлысь кывбур, Максим Горькийлысь «Песня о Буревестнике», комиён басня. «Ме ю шöрö пета» сыыланкыв на сыыл. А сэсся шуи: «А нёшта верма и частушкаас сывны!..» Казял, шань синмён мелань видзöдö Николай Белых. Сы дорö матыстычи да став частушкаасö сылы быттьö и сяркёдö.

Москвайын велöдчыны эз вöв кокни. Ковмис ёна уджавны. Сёмын эскöм, Енлы да бать-мамлы эскöм отсалис аддзыны вын. Коми театрлры колёны вöлì выль артистъяс, и миянöс, дас квайт мортös, бöрийисны уна ныв-зон пиысь да ыстисны велöдчыны. И ме шуда – веськал велöдчыны стöч Щукинской училищёй. Миян вöлини зэв бур педагогъяс: Ставская Людмила Владимировна, Коптева Татьяна Кирилловна, Катин-Ярцев Юрий Васильевич. Нэм кежлö коли налён туйдöдöм-велöдöмыс: мед лоны бур артистöн, колё лоны бур мортöн. Найö зэв трöпöка тэчинсны ловпытшкёсса олöмнымыс, чуйдöдисны эскины ас-лыным. Тшöкыда шулисны: кösъянныд кё лоны збыль артистöн, колё вуджны «ог вермы»-тö. Сидзжö велöдисны пыдди пуктыны ыджыд-джык ёргъясöс, садьмёдисны мияннын театр дорö муслун, и онì ме театртöг овны ог вермы, сийö сетис и сетö унантор: и шуд, и радлун... Овлö, коркö и бöрдыштан, но век жö кыскö сэтчö. Театр – сийö и удж. И кызды быд удж, колё сийöс вöчны бура.

«Анчутка» майдын Хихикалкалён роль.

– Анна, тэныд мойвиис нин ворсны кёкъямысадас сайö роль. Кутшöм лои радиетанаён, тöдчанаён?

– Ог тöд, мыйла, но матынджыкёс меным драматической рольяс, наын бурджаха петкöдчыны артмö. Уна ворса и челядьлы. Эмёс менам и ыджыд рольяс, и эпизодическойяс, ковмылö ворсны и массовкаын. Но быд роль – ыджыд удж. Мукöддырийиыс весиг унмовсъны он вермы, ставсö бергöдлан юрад, мёвпалан, корсян олöмсыыс геройлысь характерсö, сёрнитанногсö. Муна подён и шöпкёда текстсö, вомгорулын тöдчöда колана кывъяссö.

Медтöдчана рольён талун кежлö позьö шуны Федерико Гарсиа Лоркаён «Вир паса кёлкысын» мамлышсө рольсö. Тайö спектакльсö пуктам буретш онi. Ог вермы шуны, мый тайö рольыс кокниа сетчис, но сьёлёмсянь вöчи, пуктi став вынöс, став тöдöмлунöс, и сийö меным лои нин зэв донаён. Ме кösий тайö роль-

«Вир паса кёлыш» спектакль. Ворсёны А. Софронова да С. Малькова.

лёдчи Москвайын, сэтчёс преподавательяс чуймавлісны: «Тіян ставыс съёлёмсянъныд мунö!» Да, ми ставсö пыдыйн кутам, быттью тубралам ас пытшкö мичсö да вынсö, но кор колö, вермам перыйны да падъяvtöг петкöдны йöз водзö.

Зэв ёна кёссяя, мед видзöдісны Лоркалысь спектакльсö сiёй мамъясыс, кодъясöс сунис ыджыд шог, кодъяс воштісны ассыныс челядьнысö. Од танi мамыс прöститö моньсö, ас бердас топöдö – петкöдчö ыджыд съёлёмма мортон. Ме ног кö, съёкыд изсö оз ков кутны съёлёмад, колö кужны пемыдссыс ториöдны югёр. Колö аддзыны пытшкёссыд водзö олём вылö вын, и тайö ставыс сы понда, медым вöчны олёмас нöшта кутшöмкö буртор. Мёд ног, ме чайта, оз позь. Мортлы ас вывтiыс быдтор ков-лывлö нуны, но эм кö сыын лов выныс, оз чег.

Ме шуда, мый менам эм бур нывъётъяс, найö и лоёны менам кутöднас. Менам ыджыд, бур семья. И ай-мам, и чой-вок пыр велöдісны радейтын олёмсö. И бур, мый верма та йылыш висъставны сцена вывсянь. Сцена вылад нином он дзеб – ставыс тöдчö, и тэ кö восьтiн съёлёмтö, ун-джык йöзыс пондасны мёвпавны бур йылыш.

– Анна, тэныд уси шуд ворсны öти сцена вылын нималана уна артисткöд. Висъталышт на йылыш.

– Кор вои Москваыс,

нас висъставны и мамлыс, и вообще нывбабалыс тёдчанлунсö. Эг вунöд В. В. Налимовлён «Трактат о любви» мёвпалана гижöд да коми поэтъяслён кывбуръяс серти «Öтнас Енмыс, тыдалö, и тёдö» моносспектакльын ворсöм. Сiёй рольыс отсалis жö восьтыны мамлыс образсö. Моносспектакльыс сiдзжö вöлi нывбаба йылыш: кодi сiёй олёмас, мыйлы эскö, кытысь босытö вын, медым водзö овны, кор сю шог, кор чегö ло-лыд.

Онi гёгёрвоа: испанкалён да коми нывбабалён уна öткодьлуныс. Ми ог жö горзöй, ми сiдзжö чёв олам, но кор колö, шуам съёлёмсянъ да стöча. Кор на в-

«Кулёмдiнса бунт» спектакль. Ворсёны: М. Данилов, М. Красильников, А. Софронова, П. Коледенков.

миян театрын ворсінды Галина Питиримовна Лыткина, Михаил Евстафьевич Данилов, Эмилия Михайловна Попова, Михаил Васильевич Костромин, Эраст Васильевич Вербин, Лидия Анатольевна Цивилёва, Людмила Фёдоровна Оборина. Сәки волі збыльысь классической театр. Тайё енбия артистъясы унаторйө велодісны миянөс, томъясо, воліны тырвыйю восьсаошь. Налы театр волі вежа пельбон, и чайта, та понда спектакльяс борын видзодысь петаліс театрдысь мөд мортон, бурджыкён да сөстөмджыкён. Да сәки и театрыд аслас озыр репертуарон сетліс уна юалом вылө вочакыв.

Көсөя аттьявны и ёртъясо, кодъяскод уна во чөж ворса ѿти сцена вылын. Тайё Вера Габова, Анатолий Федоренко, Евгений Софонов, Николай Бутенин, Денис Рассыхаев, Андрей Третьяков, Ольга Родович, Татьяна Михайлова, Юлия Экрот.

*– Тёда, тә күжёмөн лыддян Цветаевалысь и Ахматовалысь кывбуръяс.
Оз быд актёр босытчы лыддыны кывбуртот.*

– Күтшомкө кад весиг полі босытчыны кывбуръясо, но көсийымыс волі ыджыд. Сёрниті аслам вероискод, Евгений Софоновкод, и сийө шуис: «Кывбуртот оз ков лыддыны, а коло висъставны, а сточджыка кө – висъстасны. Сідзи, бытто тә сёрнитан йозыскод, и сәки кывыйыд воас налён съёлёмдэз». Та борын ме выль рүон босытчи лыддысыны, медводз, дерт, роч кывбуръяс. Коми кывбурыс нойшта на съокыда сетчис, и кор дасытыси ворсны моноспектакль, ёна полі. Оні гёгэрвоа: кывбурас коло олышты, мөвпалышты, сәки сийө лоо тэнад лов шыя.

Көсөя, мед миян театрын воліны коми поэзиялы сиомрытъяс, мед тшоқыдджаыка юргисны коми поэтъяс. Миян поэзияным од зэв озыр.

– Некор ог вунёд... ётчыд гожёмнас звёниті Вертелю. Трубкасө босытис мамыд. И ме дорю, дзик төдтөм морт дорю, сэтшом небыда шыасис: «Мадаэ, жале...» Сы мында бур кыв шуис, и пыр: мадаэ, жале... Менем тайю сэтшом виччыстымоян лои, весиг синва доршасыны мөдис. Тайю кык кывыйыс и збыльысь чуймодана. Да и изъваса сёрнитанногыд зэв аслисполёс, көтт миян, вашкаса сёрнитанногкод, мыйёнкө матын. Гашкө, съёлём сётёмнас...

– Миян сёрнитанногыс весиг менсыым съёлёмөс вөрзьёдö. И кор кыла – варовиттө изъватас, пыр куча нюмъяны, ловнам югзыла. Од тадзсө некод сесся оз сёрнит. Воа горто да, мыйён весъкала мам кывлон сывиё, бытто весъкала дзолядырий – сунгысыла гожся шоныд ваё, Шар юё. И туйвывса став мудзыс да во быднас ёкмөм став курыдыс здукён вунё. И быд пörйю кевма, мед дырджык нюжалас тайю здукыс. Но век жо гёгэрвоа, театртөг ме ог вермы.

Сёрнитис Е. Афанасьевая.

Обзоры. Новости.

Подарок к юбилею

2 декабря 2011 года состоялось знаменательное событие – подведение итогов знакового масштабного социально-культурного проекта – Дней культуры муниципальных образований Республики Коми в Сыктывкаре. В течение двух лет участники фестиваля самодеятельного народного творчества превращали по-вседневную жизнь Сыктывкара в удивительный праздник.

Участие каждого муниципального города и района в этом проекте – восстановление духовной связи прошлого с настоящим, с этнографией и современным искусством, с исторической и документальной правдой, с уникальным талантом каждого творца – носителя этой культурной памяти.

Глава Республики Коми Вячеслав Михайлович Гайзер на Гала-концерте поблагодарил каждого участника проекта, отметил уникальность Дней культуры: «Проект стал ярким и заметным событием в культурной жизни республики и замечательным подарком к девяностолетнему юбилею. В течение двух лет мы увидели целое созвездие ярких талантов, получили огромный заряд положительной энергии. Выступления артистов, уверен, не оставили равнодушным никого».

Художественная основа Дней культуры районов и городов опиралась на исторические документы, на традиции, на хронологические события жизни каждого района. А главной его незыблемой опорой являлся духовный, творческий потенциал его участников.

Творческую летопись Дней культуры в марте 2010 года открыл Сысольский район. В театрализованном эпизоде о великом земляке района Иване Куратове вновь зазвучали слова о его духовной миссии для всей культуры коми народа. Поэты-современники, земляки Куратова, на языке поэзии признавались в любви к родной земле, к малой родине, к людям Сысольской земли. Рассказ о жизненном пути великого коми поэта передавался в неразрывной взаимосвязи с народной культурой, откуда поэт черпал источник поэтического вдохновения. Сквозь временное пространство прожитых лет маленький Ваня Куратов ведёт диалог с поэтом-гражданином Иваном Куратовым...

В жизнерадостной палитре традиционной культуры народа ослепительными красками сверкают народные игры, хрустальными трелями звенят песни, в ми-нувшие заповедные времена уносят воображение инсценированные обряды.

На протяжении всех Дней культуры каждая новая творческая акция Удорского района открывала все новые тайны традиционной культуры удорских коми. Театрализованный концерт «Сыыв, гудёй, сыыв» познакомил зрителей с уникальной культурой Удоры, которая в настоящее время недостаточно изучена. Все обряды, национальные игры, песенно-игровой фольклор, язык персонажей были собраны от непосредственных носителей, от живых хранителей фольклорных традиций района. В каждом обряде применялся не сценический, а подлинный реквизит. На глазах у очарованного зрителя крёстная благословляла невесту старинным уникальным серебряным крестом, а гостеприимная хозяйка приглашала всем миром отведать традиционного блюда из варёной капусты и

залихватски орудовала настоящими деревенскими вилами, приводя зрителей в полный восторг. Обряд сватовства «Кёлысь», представленный фольклорным коллективом «Коптюжаночка» деревни Чупрово, включал в себя элементы традиционной коми свадьбы: смотрины невесты, оплакивание невесты крёстной, ритуальный свадебный танец крёстной, исполнявшийся на столе. Во время игры актёров создавалось впечатление, что их поведение на сцене настолько естественно и органично, что они словно не играют, а существуют в предлагаемых обстоятельствах жизни коми села.

Во время проведения Дней культуры Усть-Цилемского района время словно остановило свой ход и перенеслось на несколько веков назад, в мир становления волшебной красоты усть-цилемской культуры. Не случайно традиционная культура Усть-Цильмы охраняется фондом Юнеско как бесценное сокровище, которое принадлежит всему человечеству. После концерта зрители обменивались впечатлениями: «Когда на сцене загремела знаменитая Усть-Цилемская горка, время остановилось, и казалось, что больше ничего не существовало на свете, кроме этой волшебной горочной красоты, которая шла из глубины веков, из стародавней Руси». Усть-цилемские гости привезли и коллекцию своих уникальных традиционных костюмов. Яркие, словно оперенье жар-птицы, костюмы девушки на выданье, величественные наряды замужних женщин, строгое аскетическое убранство женского костюма для чтения рукописных церковных книг... Всё это многие съктывкарцы и гости столицы увидели впервые в жизни!

Корткеросская земля подарила Сыктывкару театрализованное представление «На земле Кёрт Айки», включающее рассказ о легендарном Железном свёкре Кёрт Айке, открывшем своему народу тайну кузнечного ремесла. Огненным дождём сыпались на сцене искры от кузнечного горна мифического кузнеца, ослепительно сверкали искры таланта самодеятельных творческих районов Корткеросской земли.

В Гала-концерте Корткеросского района соединились традиция и документ, народные аутентичные песни и музыкальные произведения знаменитого земляка, первого профессионального коми композитора Александра Осипова. Поэтические тексты песен современных поэтов были созвучны со звенищим словом великого уроженца района Виктора Савина.

Ярко, смело и непосредственно выразили своё внутреннее «я» вотовыставке «Мир глазами молодых» фотохудожники Корткеросского района. Помимо традиционных жанровых фотозарисовок, молодые художники даже применили специальную технику для съёмки сверхмелких предметов, для изучения жизни скрытых, невидимых для человеческого глаза явлений и предметов...

Неиссякаемым чистым источником национальной культуры коми-ижемцев явился Гала-концерт Ижемского района «Изъваыс му вылас ёти, ёти и медмуса мен». Величаво и стройно зазвучали со сцены Республиканской филармонии традиционные напевы Ижмы, в причудливых хореографических фигурах кружился знаменитый ижемский праздник «Луд». Казалось, что в чудесном хороводе Луда пространство сцены перенеслось на залитый солнцем луг, на летние гуляния ижемцев, традиционно проходившие с Иванова до Петрова дня.

Песенно-игровой фольклор луговых ижемских гуляний на сцене чередовался с современными выступлениями молодёжи. Фольклорные мелодии сменяли эстрадные песни современных ижемских коми композиторов. Истоки традиционной культуры коми-ижемцев многогранны и уникальны. Субэтнос «коми-ижемцы» постепенно складывался под влиянием смешения усть-цилемской, коми и ненец-

кой культур. Даже привычный для Дней культуры эпизод с участием национальных автономий Ижма представила в синтезе традиционной усть-цилемской горочной песни, в задорном хороводе коми народного праздника «Шондібан» и в ненецком танце, основанном не на мелодии, а на ритмическом звучании барабанов.

Ижемские фотохудожники открыли мир самобытной культуры своей родной земли. На фотографиях был запечатлён уклад жизни ижемских оленеводов – вечных кочевников тундры, природные богатства и вольные просторы ижемской земли...

Во время Дней культуры Троицко-Печорского района особый интерес у зрителей вызвало знакомство с традициями и с бытом охотничьего промысла как наиболее древней части традиционной коми культуры, сохранившейся в наше время. Невозможно представить себе Дни культуры Троицко-Печорского района без участия фольклорного коллектива из деревни Еремеево, знаменитой своим республиканским праздником Охотника «Вöралысьлын гаж», во время которого со всей республики съезжаются охотники, чтобы померяться в ловкости, в меткости, в профессиональных навыках. Участники фольклорного коллектива показали несколько фигур знаменитого еремеевского марша, в котором удалось сохранить около тридцати танцевальных фигур, своими корнями восходящих к горочным фигурам Усть-Цильмы. Из Еремеево прибыли три потомственных охотника, которые с ходу смогли вспомнить всю свою охотничью родословную до седьмого колена. Почитание и знание родословной – непременное моральное качество настоящего коми охотника.

Творческие мероприятия Дней культуры каждый раз по-новому подчёркивали самобытную культуру каждого района: его исторический, этнографический, музыкальный, хореографический, актёрский, мастеровой образ – образ неповторимый, прекрасный и гармоничный, радужный и светлый, создающий национальный характер народа.

Во время Гала-концерта Усть-Вымского района на сцене «воспарила» птица счастья – светозарный символ района, в торжестве своего победоносного полёта возвещающего зрителям грядущую радость от встречи с талантами Вымской земли. В прологе концерта звучавший колокол рассказывал о деятельности великого миссионера и просветителя Святого Стефана Пермского. Детские творческие коллективы своим мастерством не уступали взрослым артистам...

Как говорят в Прилузье: «Люди нашего района черпают источник своего вдохновения из чистых вод Лузы-матушки». Матушка-Луза – основополагающий символ главного Районного праздника Прилузья «Луза дорса гаж». На Гала-концерте вокруг матушки-Лузы объединились все творческие силы района. Все звучавшие песни были написаны местными композиторами, посвящены природе Прилузского района, реке, его радужным жителям. Названия песен сами говорят за себя: «Спаспорубская калинушка» (муз. П. Шучалина, сл. К. Сердитова), «Песня о Ношуле» (муз. В. Сердитова, сл. Н. Сотниковой), «Берёзовый вальс» (песня о посёлке Кылдзавидз) (муз. П. Шучалина, сл. К. Сердитова).

Многие, наверное, слышали о прекрасных традициях Объячевского народного театра, о высоком художественном уровне игры его артистов, о замечательном режиссёре Сергеев Фёдоровиче Чуркине.

В спектакле «Новоселье в старом доме», премьера которого прошла в рамках Дней культуры Прилузского района, тема послевоенного Ленинграда звучала повседневно-буднично, и особенно страшно в этой своей повседневности.

В Гала-концерте Усть-Куломского района был эпизод, посвящённый подвигу 112 Уляшевых – жителей села Бадьёльск в годы Великой Отечественной войны.

Эта вокально-хореографическая композиция, основанная на стихотворении Виктора Кушманова «Поэма о 112 Уляшевых», наверняка, надолго останется в памяти всех зрителей...

Во время Дней культуры каждый район внёс свою творческую лепту в процесс создания единого культурного пространства этого проекта.

В концерте «Звёзды над тайгой» Койгородский район подарил Сыктывкару песни знаменитого койгородского композитора Марка Ефимовича Новосёлова. Концерт получился автобиографичным. Каждая песня рассказывала о жизни, творчестве, увлечениях, друзьях, духовных исканиях композитора. Во время концерта исполнялись песни, составившие «золотой фонд» не только в творчестве композитора, но и в песенной культуре Республики Коми: «Лэбё джыдж», «Мамёйн съёлымыс», «Медводдза радейтчом», «Висер вожын».

Замечательный коми писатель Геннадий Юшков сравнивал песню с крыльями птицы. «Одно крыло – слово, а другое крыло – музыка». Взмахнёт птица – песня светлыми крыльями и полетит по чудесным просторам коми земли. Не случайно символом Гала-концерта Койгородского района явилась птица-аист, вьющая своё гнездо там, где есть жизнь, где творят талантливые и прекрасные люди Койгородской земли.

Каждый район создавал атмосферу праздника ещё задолго до кульмиационного творческого мероприятия – до гала-концерта муниципального образования. На протяжении Дней культуры съктывкарцы могли посетить тематические выставки и вечера, мастер-классы, персональные выставки именитых художников, лично пообщаться с мастерами декоративно-прикладного искусства, познакомиться с творчеством фотохудожников и с работами юных мастеров.

Большое внимание зрителей, журналистов вызвала выставка съктывдинских мастеров «Времён связующая нить», насчитывающая более 680 работ, среди которых были два раритетных керамических сосуда братьев Ватамановых: Михаила Васильевича и Василия Васильевича, являющихся начинателями гончарного ремесла Сыктывдинского района, чьи традиции продолжаются и ныне в детских работах знаменитой изостудии «Гончарик».

Самые зрелищные эпизоды Гала-концерта Сыктывдинского района были посвящены чествованию ведущих предприятий Сыктывдинского района – Выльгортской и Зеленецкой птицефабрикам, сапоговальской фабрике, а также про славлению своих знаменитых творческих брендов: Межрегионального фестиваля народной песни «Завалинка» и Межрегионального конкурса имени С. Налимова. В единстве поэтического текста, в соединении хореографических номеров и музыкального материала возник художественный образ величия и славы Сыктывдинского района. Сыктывдин «музыкальный» прозвучал в выступлении оркестра народных инструментов детской музыкальной школы села Выльгорт. Сыктывдин «рукотворный» был воспет в очень красивом эпизоде «Руками сотворённые чудеса», славящий мастеров из Центра народных ремёсел «Зарань». Сыктывдин «танцующий» был представлен высоким уровнем выступлений юных танцоров детского образцового шоу-балета «Виктория» и творческого коллектива «Отрада» детской школы искусств села Пажга. Сыктывдин «театральный» прогремел премьерой спектакля народного театра имени Ермолина «Шондбаной олёмой» на сцене Академического театра драмы имени Виктора Савина в постановке режиссёра театра Валентины Лекановой. Каждая новая работа Валентины Николаевны Лекановой воплощает в себе особенности национального характера коми человека...

На Гала-концерте Дней культуры Княжпогостского района был создан жиз-

ненный образ радушного, доброго, гостеприимного коми посёлка, в котором ведущие – артисты детского образцового театра «Дебют» (город Емва) рассказывали о буднях и праздниках родного района, о своих земляках, о сельских посиделках, на которых собираются жители поговорить о своём житье-бытье, поделиться хорошими новостями, исполнить новые песни, порадоваться за своих земляков, рассказать о том, какие чудесные и добрые люди проживают в Княжпогостском районе. Отличительной особенностью музыкальной культуры района является разнообразие жанров песенного материала. Во время Гала-концерта песни современных коми композиторов чередовались с выступлениями юных талантов детской школы искусств Княжпогостского района, исполнявших произведения классического репертуара. Народный фольклорный коллектив «Йёлёга шы» из знаменитого своими самобытными традициями села Турья познакомил зрителей с престольным праздником – Параскевой Пятницей. Главной сакральной традицией праздника является прохождение под святой иконой Параскевы. Говорят, что если человек пройдёт под иконой и попросит Параскеву помочь найти свою вторую половинку, то желание обязательно исполнится. В надежде на чудесную помощь Параскевы зрители проходили под иконой, просили её о помощи и защите.

Особую ностальгию вызвали песни северной романтики, прозвучавшие во время Гала-концерта Вуктыльского района. Театрализованный концерт начался с хореографической композиции «Север», сопровождавшейся фото- и видеокадрами освоения Вуктыла, воспоминаниями первопроходцев комсомольских ударных строек. Люди Вуктыльского района столь же молоды душой, как молод их любимый город, которому исполнилось всего 25 лет. Зрители подпевали артистам: «Любовь, комсомол и весна», «Надежда», «Ребята 70 широты».

Тема северной романтики сосредоточилась и в поэтических образах вуктыльского поэта Сергея Деревянко. В Национальной галерее состоялась творческая встреча с Сергеем Деревянко и презентация его книги «Крутые берега».

Во время Дней культуры дети могли принять участие в мастер-классе основоположника школы экспресс-рисования в Республике Коми вуктыльского педагога Вислоушкина Владимира Ивановича, который на протяжении всего урока создавал из самых простых геометрических фигурок мир разнообразных предметов и явлений, который на глазах у детей оживал, обретал новые формы и образы.

Жизнелюбие, утверждение созидательной силы труда, гордость за человека – патриота, труженика, творца – такова главная содержательная идея праздничных мероприятий, представленных в рамках Дней культуры северными городами Республики Коми.

«Оптимистическое утверждение жизни в суровых условиях Севера и светлая энергия творчества» – такова позитивная идея и Гала-концерта Дней культуры городского округа «Усинск». Творческие номера концерта дополнялись документальными кадрами кинохроники, рассказывающей о первооткрывателях усинской нефти. Кульминацией душевного сопереживания прозвучал на концерте момент всеобщего исполнения гимна, который стёр грань между артистами и зрителями, сценой и зрительным залом. Не было ни сторонних наблюдателей, ни исполнителей, а были земляки, преданные и влюблённые в родной город – «Город белых ночей и чёрного золота».

Гала-концерт «Печора – душа республики» представил Сыктывкар феерию великолепных печорских талантов. Овациями и криками «браво» встречали зри-

тели каждое выступление печорских артистов, покоривших Сыктывкар своим высоким исполнительским искусством. Сёстры Гаевы – обладательницы уникальных оперных голосов, великолепно исполнили «Санта Лючию», а Ириада Гаева блестательно выступила с каватиной Розины из оперы «Севильский цирюльник».

Во время концерта детских коллективов «Планета детства» Театр танца «Стиль» из Печоры подарил сыктывкарцам настоящий праздник хореографического искусства, в котором народный танец сочетается с пластическими зарисовками в стиле «модерн», классические пирамиды дополняются гротеском...

Во время Дней культуры на сценических площадках Сыктывкара блистали звезды талантов Инты. В концерте классической вокальной музыки исполнялись произведения композиторов с мировым именем. Зрители не могли не обратить внимание на высокую музыкальную культуру района, имеющую свои традиции, свою педагогическую школу, свои знаковые имена. Ведущие солисты Театра оперы и балета Ольга Сосновская и Михаил Журков – тоже родом из Инты. Классический репертуар в Инте исполняют дети и взрослые, учащиеся детской музыкальной школы и солисты-любители.

Ноктюрн Грига в тонком поэтическом звучании вокалистки А. Куликовой явился прелестной импрессионистской картинкой, что соответствует содержанию и форме произведения. Преподаватель русского языка и литературы Е. Полухина прекрасно исполнила романс Чайковского «То было раннею весной» и арию Лауретты из оперы Пуччини «Джанни Стакки». Одним из самых ярких эпизодов на концерте классической вокальной музыки было выступление И. Фоменко, в свои семьдесят лет поразившего удивительным обаянием, душевной молодостью и блестательным уровнем исполнения фрагмента оперетты Кальмана «Сильва».

Наряду с высокими исполнительскими традициями, в Инте существуют культурно-просветительские проекты по нравственному, религиозному воспитанию детей. В рамках Дней Инты в Женской гимназии города Сыктывкара прошёл урок духовной культуры «Под Покровом любви». Во время урока слова ведущих сопровождались проникновенным пением вокальной группы «Родник», в котором рассказывалось о духовном пути человека, об иконе Божьей матери, о нравственном выборе человека.

Открытие Дней культуры городского округа «Воркута» было представлено концертом знаменитого ансамбля песни и пляски авиации России «Крылья Арктики». Слава ансамбля звучит и за пределами нашей республики. За годы своей творческой деятельности ансамбль дал около четырёх тысяч концертов. Творческое лицо «Крыльев Арктики» – патриотические песни. Не случайно коллектив – лауреат Гран-при престижного Международного фестиваля армейской песни «За веру, за Отчизну, за любовь» в Сочи и лауреат Гран-при Межрегионального фестиваля военно-патриотической песни «Салют! Победа!» в Рязани.

В мастерстве взрослым исполнителям не уступали и юные танцоры из городского центра хореографического искусства и школы танца «Радуга» города Воркуты, каждым своим выступлением подтверждая, что в самом северном городе Республики Коми живут люди с жаркой творческой энергией.

В Гала-концерте Дней культуры Сосногорского района главной творческой силой были детские и молодёжные коллективы, что определяет и целевую аудиторию, и социально-общественные приоритеты в культурной политике этого района. Нравственным апофеозом прозвучала песня «Русь» в исполнении кадетов и настоятеля храма преподобного Серафима Саровского протоиерея Отца Сергия.

Эпизод «Даёшь молодёжь!» включал в себя выступление творческих коллек-

тивов Сосногорского района, представляющих как традиционные эстрадные жанры (балльные танцы, вокал), так и течения молодёжной субкультуры (рок, хип-хоп). Оригинально прозвучало выступление рок-группы «Театр Слег», лауреата рок-фестиваля в Сосногорске.

Ухта преподнесла Сыктывкару в подарок самые разнообразные по темам и по жанрам творческие мероприятия. Поклонники рукотворной красоты могли посетить выставки члена Союза художников Российской Федерации Владимира Маслова и члена Союза мастеров Республики Коми Виктора Кустова. Архитектурный облик новой Ухты был представлен в инсталляции архитектурно-проектных и художественных работ студентов кафедры архитектуры Ухтинского государственного технического университета «Образ города».

Сольный концерт одного из ведущих молодых дарований Ухты – Сергея Емельяненко открыл новый современный эстрадный образ города. Молодой исполнитель продолжает традиции советской эстрады в её классическом, лирико-патриотическом выражении.

На протяжении нескольких лет в Ухте проводится один из наиболее значимых культурно-просветительских проектов: пушкиниана. Авторскую программу «Стихи, восторги прежних лет...» представила автор проекта, заслуженный работник культуры России и Республики Коми, режиссёр Л. Н. Дудина.

Спектакль народного театра Ухты «Дон Кихот» по пьесе Михаила Булгакова явился настоящим подарком для сыктывкарских театралов.

Финальным аккордом Дней культуры Ухты явился Гала-концерт «Ухта – жемчужина Севера». На протяжении всего концерта шло повествование об истории Ухтинского района, от её истоков до настоящего времени. Сосредоточием всех духовных, творческих, созидательных, основополагающих сил являлся Человек. Человек – творец. Человек – гражданин. Человек – патриот. Человек – созидатель. В концерте был задействован весь творческий потенциал района: от ветеранов сцены до самых маленьких исполнителей.

Завершал творческую эстафету Дней культуры Гала-концерт городского округа «Сыктывкар» «Республиканён съём – менам Сыктывкар» (Сердце Республики – мой Сыктывкар). В этот вечер Сыктывкар явился той художественной Пристани, где кристаллизируются духовные и творческие силы его жителей, где духовный мир человека обретает способность творить, наделять свою заветную Пристань энергией таланта и красоты. Каждый раз творческие коллективы города дарили свои выступления с новой Пристани: с «Пристани Времени», с «Пристани Души», с «Пристани Памяти», с «Пристани Вдохновения», с «Пристани Надежды», с «Пристани Мечты», с «Пристани Любви». В каждом новом явлении Пристани зрители открывали для себя мир вдохновения и сердечное тепло Сыктывкара.

Всякое знаменательное событие имеет своё начало, но не имеет завершения. Двухлетний марафон культуры, посвящённый девяностолетию Республики Коми, является определённым знаковым итогом в консолидации всех экономических, культурных, политических, общественных сил Республики Коми, её районов и городов.

В завершение статьи хотелось бы отметить некоторые моменты, которых не доставало в организации этого марафона. Учитывая огромный потенциал бескорыстных участников этого культурного проекта, людей, преданных и верящих в созидательную нравственную миссию культуры, организаторам следовало бы большее внимание уделить завершающему аккорду Дней культуры – общему итогово-

му знаменателю всего проекта. На мой взгляд, в проекте не доставало элемента состязательности, как одного из важных моментов творческой мотивации участников. Не хватало момента чествования районов и городов по отдельным номинациям. Муниципальным образованиям было бы приятно, если бы каждый из них получил своеобразную творческую оценку их вклада в общее действие. Один район мог бы получить признание за «сохранение традиционной культуры», второй район – награду «за лучшую режиссуру», третий район – за «лучший молодёжный праздник» и т.д. Этого красивого итогового знаменателя не хватало в Гала-концерте Дней культуры районов и городов.

По поводу нереализованных возможностей Дней культуры напрашивается и вопрос относительно творческой перспективы, «сверхзадачи» этого проекта. Первые Дни культуры в нашей республике проводились ещё в начале восьмидесятых годов, и по воспоминаниям очевидцев, после завершения Дней культуры того или иного района, обязательно проводился действенный анализ всего комплекса творческих мероприятий. В живой конструктивной беседе принимали участие представители структур власти, муниципалитетов, творческой группы, специалисты по жанрам народного художественного творчества. Во время этого действенного диалога выявлялось, что получилось, чего не доставало. Подчёркивались социально-экономические и творческие достижения, обнажались проблемы районов. Итогом этого диалога являлся главный вывод: каким образом можно помочь муниципалитетам, или наоборот, какой положительный опыт могут использовать у муниципалитетов специалисты республиканских учреждений культуры, – по вопросам приоритетных направлений в развитии жанров, обеспечения кадрами отраслей культуры, укрепления материально-технической базы, поднятия уровня престижа каждого муниципального образования в целом.

*Вострых Е. Г. – ведущий методист
ГАУ РК «Центр народного творчества
и повышения квалификации».*

Отзывы зрителей:

* * *

Не зря говорится, что всё новое – это просто забытое старое...

Думаю, не только на моей памяти – замечательные Дни культуры районов и городов республики и фестивали «Печорские зори» – концерты профессиональных исполнителей и коллективов (уже в самих районах и городах), проходившие не так ещё и давно, до начала 90-х годов прошлого века...

И вот снова, в течение почти полутора лет Сыктывкар принимал у себя самодеятельных артистов со всей Коми земли.

И огромное спасибо за эти праздники прежде всего тем, кто посвятил самодеятельной сцене годы своей жизни, свой талант, причём, абсолютно **безвозмездно!**..

И огромное спасибо Правительству республики, что оно поддержало эту старую традицию, – творческие отчёты лучших представителей художественной самодеятельности на главных сценах столицы республики!..

Сожалею лишь о том, что не все концерты мне удалось посмотреть. Из того, что смотрела, слушала, не могли не вызывать глубочайшего уважения и призна-

тельности все артисты и прежде всего их руководители, большинство из которых (и это радует!) выпускники наших учебных заведений, после окончания которых они уже успели, некоторые, получить и высшее образование...

Конечно, самый добрый след оставил в моей душе концерт моего родного Удорского района. И режиссёр Нина Прокопьевна, и музыканты, и танцоры, и все другие исполнители показали очень серьёзную подготовку. Думаю, – не только я, – после концерта Удоры ещё несколько дней точно пребывали в некоторой эйфории... Как после Ижемского концерта – ижемцы... А после Интинского – интинцы и т.д. Как обычно земляки реагируют – надо ли удивляться этому?!. Но ведь и на Ижемском концерте, например, я, не ижемка, поймала себя на том, что сижу, почти оторвавшись от своего кресла и «кружусь» (моя душа – точно!) в одном с ними «золотом» ижемском хороводе...

И «Ижмаса кодзувъяс» (звёздочки...) меня тоже покорили – ещё накануне, на молодёжном «Койташе». Какие молодцы! – прежде всего те взрослые, которые собрали ребят, да и сами все ребята, – особенно парни, – были просто неотразимы... Их ещё называли «ижмаса мазияс» (пчёлки). По-моему, точнее некуда...

Неужели у кого-то остались после этого **парада народных талантов** какие-то сомнения, что такие праздники нужны?

Бутырева Г., главный редактор журнала «Арт».

* * *

Зэв ёна радлі-нимкодяси, кор тёдмалі мый Коми республикалы 90 во тыриг-кежло быд район кутас юркарын петкёдлыны ассыыс аслыспёлөслүнсö, вермөмъяссö, күжёмлүнсö, став бурсö, мый эм районын. Но мойвиис видзёдны сёмын куим районлысь петкёдчомсö, оттшётш сывны-йёктыны нёль районкёд, нёшта на гала-концертын.

Мыйла радлі? Дас ёкмыс вонад концертъясон волі республикаса уна карö, сикт-грездö. Сы мында енбия, аслыспёлөс, шань да авъя йёзкёд паныдастьлі, гырысыкёд и посникёд, олёмакёд и томкёд. И пыр мёвпалі, мед эсько татшом йёзсö эз сёмын ас оланінас тёдны, но и став республика пасьта.

И со культура лунъяс. Изъва районлысь петкёдчомсö, ог ылодчы и ог соссы, зэв ёна виччыси, кёть эсько аддзылі найёс и «Луд», охотникъяслён да мукёд паса праздникъяс вылын. Но гала-концерт вылас найё бара на чуймёдісны менё. Кёть абу ёна волі мичмёдома филармониялысь сцена, эз вёвны лазер да фаер шоуяс (бörъя кадас ёна тайёс аддзывлан концертъясын), мича паськёма изъвасаёс видзёдігён пыр ыпъяліс съёлёмой. Аддзылі и сиктса олёмысь юкёнъяс, торъя нин том йöz шензьёдісны йёктёмнас да съылёмнас, окота волі кайны сцена вылас да тшотш оттудыр накёд сывны-йёктыны да гораа гордны: ми изъватас, ми татшомёсь, кутшом эмёсь! Кык лун волі ки пыдёсой клопайтёмсыыс горд да гёлөсой пуксьома «браво» горзёмсыыс.

Аттьё тіянлы, изъватас! Водзö лойд му вылас зумыда олысьясан. Шуд да кузь нэм тіянлы!

Логинова Л., Россия Федерацияса нимёдана уджалысь.

Душевный слух*

Новый сборник стихов сыктывкарского поэта Александра Суворова имеет подзаголовок «духовные стихи». Интерес к таким произведениям в последнее время не ослабевает. Чего только стоит, к примеру, всероссийская известность иеромонаха Романа. Это популярность не духовного подвижника, а именно поэта, пишущего на темы христианского осмыслиения действительности и спасения души.

Вряд ли такое можно было представить, скажем, в 19 веке. Монах всё-таки стремился к уединению. А если и становился известен, то как наставник или целитель, а не как лирик. Видимо, время рождало новые формы миссионерства, а также и спрос на них.

Получается определённая парадоксальность, человек противостоит мирской стихии, но она его в этом вдруг как бы начинает поддерживать и накрывает своей популярностью. И в то же время слышащие души увлечены не одной эстетикой, а и желанием изменять себя и жизнь. Впрочем, не та же самая парадоксальность присутствует в любой поэзии? Однокая личность не принимает многих моментов мира сего, но хочет быть услышанным именно этим миром.

Отмечу, что в Республике Коми не только Александр Суворов пишет стихи о Богопознании, о путях и противоречиях воцерковления и т. д., но впервые появился сборник полностью состоящий из духовной лирики. Несомненно, это литературное событие республиканского значения, но, мне думается, что книга «Сокровенная душа» должна быть обретена и российским читателем. Не случайно включение подборки стихов Александра Суворова в антологию «Молитвы русских поэтов. XX–XXI», составленную В. И. Калугиным и вышедшую в 2011 году в Москве.

На Руси до революционных перестроек духовные стихи были достоянием народа, они были чаще всего эпического содержания, и пели их калики переходящие. В этом можно найти генетику творчества иеромонаха Романа. Всё греховно, в том числе любая литература, кроме сюжетов и мыслей о своей греховности. Очень часто слабость таких произведений, я не об иеромонахе Романе и жемчужинах фольклора – таких как «Голубиная книга», а о современных авторских стилизациях, в том, что «правильность» становится важней «поэтичности». Шаг в сторону от внутренней себе «правильности» считается отступлением от православия. Но жизнь-то многообразнее! Если в народных песнях это противоречие снимается непосредственностью, какой-то высшей наивностью, то в некоторых авторских произведениях поэзия начинает скучать и, в конце концов, вынуждена покинуть вполне верные рассуждения.

Александру Суворову удается избежать подобных опасностей. За счёт чего? Да просто талант умеет находить нужную меру – не формально совершенствовать назидательность, а уметь удивляться и стремиться искренно говорить, что творится на душе. Искренность сильнее правильности, как любовь и милость сильней строгости.

* Суворов А. В.. Сокровенная душа: духовные стихи. – Сыктывкар: «Издательство «Кола», 2011.– 160 с.– тираж 1000 экз.

Пустынно в вечной звёздной толкотне,
И лгут астрономические доки.
Я знаю, во вселенской тишине
Никто не слышит нас – мы одиноки.

Никто не слышит нас в бездонной мгле,
Один Господь внимает нашим вскрикам.
Но Он молчит, поскольку на земле
Всё сказано о низком и великом.

Вот так открылось поэту в определённую минуту, такое удивление мелькнуло, и он не стал думать о богословском праве на это душевное замечание. И он ни с кем не полемизирует, только открывает себя. И поэзия состоялась!

Или приведу строки из другого стихотворения «Отпевание»:

...Будто своды пламенные рушило:
«Боже, со святыми упокой...»
И в последний раз молитвы слушала
Бабушка за призрачной чертой.
И под это праведное пение
По лицу, похожему на лик,
Разливалось умиротворение.
Словно в это самое мгновение
Сам Господь к её устам приник...

Здесь всё как у многих современных авторов, позиционирующих себя православными... Но всё-таки есть и нечто большее, чем внешняя атрибутика, есть искреннее чувство – «чего и умным не подделать», есть духовное зрение, придающее стилю высоту, и есть поэтическая точность – выверенность формы, рифма только точная, никаких ассонансов – своего рода показатель душевной стройности.

Если говорить о генетике творчества Александра Суворова, то это русская классическая поэзия. Это то, что «врачует классическим стихом». Если же говорить о природной генетике, то прадед поэта был священником, и дед – священник Владимир Суворов служил настоятелем Благовещенской церкви в Архангельске. В 1918-м был арестован большевиками, а в 1920-м его вместе с другими священниками – была собрана целая баржа – вывезли из тюрьмы Великого Устюга в Коми край, где он и погиб. Так что в поэте говорит и память предков. Не случайно и то, что сборник «Сокровенная душа» вышел с предисловием епископа Сыктывкарского и Воркутинского Питирима.

Стихи Александра Суворова не громки, они предназначены сокровенным душам, которые их обязательно услышат. Как пишет сам поэт:

И высь небес беззвучна и светла,
И голуби летят к церковным крышам.
Неслышимо поют колокола.
Но мы их слышим. Мы душой их слышим.

Андрей Попов, поэт.